

РА 1444754

Александр
Яшин

СТИХОТВОРЕНИЯ
и
ПОЭМЫ

«ДА»

Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. И.В.Бабушкина

ДАР ЯШИКОЙ
Н.А.

Александру

АЛЕКСАНДР ЯШИН

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

РД4444754

ОГИЗ
АРХАНГЕЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1948

PC

996

*Ответь перед великой датой,
Кем был ты эти тридцать лет —
Отшельником или солдатом,
Какой оставил в жизни след?*

*Чем послужил безмерной славе,
В которой ныне ты живешь,
Все ль отдаешь своей державе? —
Она спросить об этом вправе,
Ты Родиной ее зовешь.*

1947

Из книги „Северянка“

* * *

*А и где мне спелых зернышек
Весной набрать?
А и где найти мне, девушки,
Душевных слов?**

Слова-то красивого
Не подыщешь наскоро.
Как назвать мне милого,
Чтобы очень ласково,
Чтобы очень правильно
Было, чтобы нравилось,
Чтобы в сердце вправлено
Было, чтобы плавилось
Сердце,
Чтобы доняло,
Пело б имя до неба?
Ведь не для кого-нибудь,
И дает не кто-нибудь.

Что там ни загадывай —
Первая бы пара мне.
Приласкаться надо бы,
А слова все старые.

Назову ль соколиком?
Ненаглядой? Ягодой? —
Ласково, но только
Не такое надо бы.
Кралей облюбованным?
Голубком? Касатиком? —
Тоже не по-новому,
Не его касательно.
Суженым? Державушкой?

Симпатой? — все дешево.
Не такая славушка
У мово хорошего.
Задушевным дролечкой?..
Но и то, коль вслушаться,
Ну вот ни на столечко,
Ни на капельушечку
Не подходит к любому,
Не идет к желанному...

Любо ли, не любо ли
Батюшке, —
По раннему
По утру за реченьку
Я пойду к подруженькам.
Может, там словечико
Подыскали нужное.

Может, у подруженек
Правильное,
Новое
Для родных да суженых
Имя облюбовано.

1936

ЛЬНОЗАВОД

Еще травы сверкали росой,
Я ходила своей полосой,
Полосой из конца да в конец,
Уж я сеяла лен-долгунец.

Лег пунцовой косынкой восход,
На родной голубой небосвод,
Долговязыми тенями — в лог...
Ты удаляся, удаляся, ленок!

Поздней осенью вызрел мой лен,
Но не чист, не богат, не длинен
И в дождливый, ненастный денек
Я одна теребила ленок.

Расстилала его по лугам,
По зеленым речным берегам,
Чтоб лежал, чтобы мок-перемок.
И трепала, чесала ленок...

И болели и грудь и спина.
Я согнулась от белого льна.
А зимою коптил фитилек,
Уж пряла я, пряла свой ленок.

И потом, набелив волокно,
До весны я ткала полотно.
Всё, как сон, — не проснешься никак..

Нет,
Было не так!..

Выспели да выстоялись золотые льны,
Желтые от солнца, высоки, шумны.
Семя в забубенчиках на ветру звенит...
Наступили страдные,
Но какие дни!
Прямо через гумна да по полосам
Вышла за деревню
Деревня вся.
Полетели птицы по небу вразброд:
Теребилку на поле вывел завод,
А за нею следом, поднимая пыль,
По полю артельному шел автомобиль.

Лен заводу сдали,
И в конце зимы
Ткани пестротканные получили мы.
Получили парочки —
Сколько ясных роз!
Солнце не сжигает их,
Не берет мороз.
А какие шали! —
Жарки и легки,
Что за полушалки,
Что за фартуки!

1931—1935

У ворот в цветах и лентах лошадь,
Заждались девчата за избой.
Ты бы взял гармонику, Алеша,
Ту, что с зеркалами и резьбой,

Ту, с которой на море не зябли, —
Шумную,
В четырнадцать басов.
Мы возьмем твои топор и грабли,
Девушки управлятся с косой.

Отвалили бы да затянули:
„Партизаны брали города“ —
Травы бы колени подогнули,
Хлынула бы на берег вода

И березовое мелколесье
Зацвело б, как яблоневый сад...

Захвати с собой, Алеша, песню,
Чтобы сердцу подпевала в лад.

1936

О Л Е Н А

Что ни праздник — на угоре
Все девчата наши в сборе,
Во наряды выряжены,
Парни с ними выдержаны.

Все достатки,
Все порядки
В этом выражены.

Ходят пары честь по чести,
Разговорчивые.
Городские в моде вести.
Женихи форсят:
Невесты
Все разборчивые.

Только ахнет баян, —
И Олёна пляшет,
Улыбается подругам,
Полушалком машет.

У Олёны сарафан
Всех нарядней, краше.
Для нее поет баян,
Про нее поет баян,
Про Олёну нашу.

У Олёны кофта — сад,
Пуговки — росинки,
Бусы — ягоды висят,
Зреют бисеринки.

Что ни фартук,
Что ни шаль —

Шелковые кисти.
Поглядишь — горит луша:
Очень девка хороша,
Статна, голосиста!

Приезжал один ученый
Из района.
Приглянулася ученому
Олёна.

Говорит: „Нарядный вид!
Бойко пляшет.
Сарафан-то, — говорит, —
Знать, мамашин?

Достоянье старины.
Бисер — жито.
Старый Север! — говорит, —
Интересный, — говорит, —
Пережиток“.

А ему Олёна прямо
И сердито:
„Перестаньте, гражданин,
Городить-то!

В старопрежнее-то время
И на свадьбе
Мне бы в этаком наряде
Не гулять бы.

Не гадала мама видеть
В нем и внучек.
И чему таких ученых
Только учат?!”

Так отрезала ему
Складно да ладно...

Мы-то знаем, почему
Олёна нарядна.

М Е Т А

Что со мною деется? —
Сон меня сторонится,
Сущая безделица,
А какой становится!

В море вышел дролечка,
В северное плаванье,
На горе на елочке
Памятку оставил мне.

„Зарастет, — сказал он мне, —
Не вернуть бывалого,
Не притти мне к гавани
И тебя не баловать“.

И томлюсь я, девица,
И хожу на кручи я...
Сущая безделица,
А совсем измучила.

Каждодневно заново
Надрезаю мету я.

Море океаново,
Даль-дорога светлая!

Жив ли, где он по миру
Бродит? — молви что-нибудь!

Ходят волны по морю,
Ходят тучи по небу,

Дуют ветры свежие,
А не видно дролечку...

Неужель подрежу я
Напрочь нашу елочку?!

1936—1937

* * *

Шла я нынче здимкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь зинька
Вывертов наделал.

У плетня у каждого,
С умыслом ли, нет ли,
Вересок обхаживал,
Затягивал петли.

А местами пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер.
До чего ж закручены
У милого речи.

Хоть и непонятные,
Но уж так красивы...
Слушала да пятилась,
Свету не гасила.

Я споровку дикую
Заячью-то знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

ВОЛОГДА *

I

„Ты проедёшь волок, ешо волок, да
Ешо волок — будёт город Вологда.
Как подъедёшь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади,
Правь по той по самой, где ржут лошади,
Где воза стоят с соломой, где дрова стоят,
Где водой стоялой бабы скот поят.
Проёзжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По дубовому, ёловому, по шаткому
Со своим конем соловым, со лошадкою.
Опроси прохожих, — город не Росея, ведь, —
Скажут, где живет Овдотья Олексеевна.
Скажут: „Около осьми колоколов,
Огороженных оградой обочь-около“.
У омётов у соломенных, у омутов
У болотных вознеслись её хоромы-то.
З кружова её хоромы вплетёны.
У светелки окна в прошвах платяных.
Старопрежняя Овдотья у окна.
Мастерица-рукодельница она,
Всяку-всячину коклюшками плетёт:
Косорядку, пучотлазку, волчий рот,
Паучок, жемчужку, пако, валансьен —
Как паучьё тенято на полосе.
Ты напомни сй про полового Якова
Из большого из кирпичного из „Якоря“

* При чтении акцентируется „о“.

И про то, как мы поутру по росе
Вместе путали-мотали валансыен.
И скажи ты ей, Овдотье Олёксеевне,
Как живем мы здесь в колхозе, что посеяли.
Мол, пшеницу мы посеяли на севере,
Хорошо живем, мол, нонче, Олёксеевна.
Что в колхозе, дескать, Яков третий год
И уж так живет, мол, Яков, так живёт!..
Сын в Орхангельском,—
И пильщик он, и знатён он...
Как живет дочурка ваша, кстати, мол?
Что хвальба, мол, это, да не похвальба.
Передай Овдотьюшке поклон от баб...”

II

Что сказать? Что я нашел и видел?
Вологду нашел, но не твою;
Твой постой — но то не старый выдел;
Песни девушек, —
Но ты в обиде:
Девушки не о тебе поют.

Евдокия ходит в белой блузке,
Строгая от счастья и забот,
Кадры мастериц в кружевсоюзе
Обучает.
А уж как живёт!

„Всё, казалось, бросила надолго,
Но теперь, грит, — на большом счету:
Завела сношенья со Внешторгом,
Новую тематику плету“.

Ожидал я дочку со дня на день.
Ох, и девка, Яков!
Ох, и вид!
Уж чего-чего ни говорит:
Бригадиршей на льнокомбинате,
А еще учиться норовит.

Что ей старопрежняя недоля!
На закате, перестав летать,
Прямо с неба к ней приходит дроля,
До смерти готов зацеловать.

Сыну твоему привет велела
Отписать:
„Володе, грит, — салют!“

Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают.

1935-1936

ВОЛОГОДСКОЕ НОВОГОДНÉЕ *

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки—головки горят,
Брошка на ковте, пуговки в ряд,
Цветики на ковте.
Добёр наряд!

А выюга по окнам ставнями бьет,
В ров за деревней набит сумёт,
Снег повсюду—не видно дров.
И вовки воют у самых дворов.
Гавкают собаки, боров ревет...

А девка на лавке веревку вьет,
Веревку вьет да припевку поет,
Старую запевку на Новый год:

„Вейся-повейся крепка, ловка,
Вейся, свивайся на смерть вовкам.
Справлю обновку, взамуж пойду—
На эту веревку лиху беду,
Чтобы годов не считать поживать,
Жовтую картовку одну не жевать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтоб и золовка была не в козла,
Чтобы забылась навек маята:

* При чтении акцентируется „в“. Звука „ф“ в стихотворении нет — особенность произношения в некоторых районах Севера.

Время иное
И доля не та!
Вейся ж, свивайся...“

А выюга ревет.
Девка на лавке веревку вьет.

1935-1936

ЧАПАЕВЦЫ

Солнышко в кокошнике
Вдоль да по бережку
Ходит. Задымилась
К реке тропа.

С песнями да с плясками
Высыпали девушки:
— Здравствуйте, чапаевцы!
— Здравствуй, Чапай!

— Здравствуйте... Пожалуйста...
На селе и около
Около недели
Ожидали вас.

Спешивайтесь, соколы,
Заходите, соколы,
Раздевайтесь, соколы,
В добрый час!

В горенках начищенные
„Молнии“ качаются,
Рыжие котята
По углам снуют.

Принимают девушки
Молодцов-чапаевцев,
Песни про чапаевцев
На селе поют.

Угощают бабушки
Молодцов-чапаевцев:

— Кушайте, родимые, —
Для вас блинки.

Бейте белых иродов,
Чтобы нам не маяться,
Не страдать, не мыкаться
От их руки.

И поутру к станции
С командиром, с набольшим
Шли бойцы, готовые
В огонь любой.

С ними — наставления
И молитвы бабушек,
Матерей заботы,
Девушек любовь.

• • • • •

Мы растем, вынашивая,
Чаяния — помыслы:
Ляжет трехлинейная
На скат плеча, —

Соберутся бабушки
На росстань, на полосы,
Будут нас чапаевцами
Величать.

Выйдут в поле девушки
Юбочки с воланами,
Кофточки с оборками,
Шали — сад.

Назовут защитниками,
Назовут желанными,
На кадриль-метелицу
Пригласят.

И старушки-матери
Добрые, сердечные
С пирогами встретят нас
В холод, в зной.

— Дитятко рожоное,
Здешний ты, нездешний ли,
Все равно: чалаевец,
Значит, сын родной.

1985
Архангельск

СНЕГ

Я с детства сроднился с его холодком,
Я брал его в руки, ел и ахал,
Знаком с его светом и с хрустом знаком,
Я с детства ходил по нему босиком,
О пятки отцовская билась рубаха.

Как глину, месил я его и мял,
Как белую глину в ладонях, и смело
Себя, угловатого, им растирал,
Чтоб крепло, горело, пружинило тело.

Я в этом снегу по колено бродил,
Гонял сохачей по весеннему насту...
Так, здравствуй,—с сиянием звезд на груди,
Под ветром ползущий и выющийся,— здравствуй!

Здесь интервентов душили друзья,
В лощинах, в оврагах роднились до гроба.
Они обмерзали, меж сосен скользя...
Но Мурманск был взят
И Архангельск был взят.
Враги недобитые гибли в сугробах.

Другие появятся — снова в снегу
Мы их похороним. На горло наступим!
Ни пяди земли,
Ни снега врагу,
Мы даже горсти снега врагу
Не уступали
И не уступим!

Снег, стянутый лыжней, как друг боевой
Тугими ремнями, — широкий на диво,
Дымясь и сверкая, лежит предо мной.
Привет тебе, пахнущий кровью, живой
В сосновых иголках, с зеленым отливом.

1937

ПЕРВЫЕ ПИСЬМА

Елене Первенцевой

1.

Как целина в цветах весны,
Как берег моря в белой пене,—
Все адреса земли полны
Моими письмами к Елене.

Пусть эти письма не дойдут,
Ты все равно меня услышишь
В любой степи,
В любом саду,
В горах,
На гребнях гор
И выше.

1936

2.

День ли, ночь ли? — света нет без милой.
Вспоминать, как слезы лить, о том,
Как она дышала, как любила,
Осуждала и боготворила,
Плакала,
Но покидала дом.

Как, знобя, выматывая душу,
Ветер выл, —
А я пытался спать, —
С неба, с моря шла вода на сушу...
День и ночь смотреть в окно и слушать:
Не вернется ль? —
Дверь не закрывать.

1935

3.

Ни покоя тебе, ни просто
Тишины. Берега кипят.
И вода шестибального роста
Обдает с головы до пят.

Утром гребни белее мела.
Скрип камней прознобит насквозь,
Свет морской пронижет все тело,
Ветер выстудит каждую кость,

И уже никуда — угрюмый,
Или радостный — не уйдешь,
Никуда не уйдешь от шума,
Как от скрипа своих подошв, —

Ни в ущелья Урала, ни в пади
Вологодских трущоб, —
Никуда!

Так — от самого первого взгляда,
Покорившего навсегда.

1936

Ласточка, от коршуна спасаясь.
 Занеслась неведомо куда,
 И, со свистом воздух рассекая,
 Целый день вилась над полем стая,
 Не могла найти ее следа.

Где она, куда она забилась?
 Ночь настанет — ласточка одна.
 Землю обволакивает сырость,
 Черных туч кругом нагромоздилось...
 Может, в темном ельнике она?

Тишина стоит предгрозовая,
 Только в небе ласточки снуют.

А в каком краю, моя родная?
 Где ты, маленькая, молодая,
 Приклонила голову свою?

И куда пойдешь в такую пору —
 Грязнет гром над лесом,
 Хлынет дождь?
 Не метнулась бы в чужую нору.
 Почему моя тебе не впору?
 Разве я на коршуна похож?

Сумерки.
 Тоска в душе такая,
 Что часы остановили ход.
 Ласточек щебечущая стая
 Над землей из края в край летает
 И нигде покоя не найдет.

5.

Пусть не пишешь, запираешь двери,
Принимаешь к сердцу чью-то ложь,
Все равно мы встретимся, я верю:
Волны, склонив, вновь идут на берег;
Первую любовь не изживешь.

С детства, с парты школьной мне знакома,
Радостью взлелеяна одной,
Не оставишь, не уйдешь к другому:
Где бы ты ни ездила —
Ты дома,
С кем бы ни ходила —
Ты со мной.

1935

б.

Шумит, деревья гнет гроза.
Засну, укроюсь, —
Может статься,
Твои любимые глаза,
Твои улыбки мне приснятся.

И лоб, и нежная рука,
И волосы приснятся, может, —
Так грозовые облака
На кудри темные похожи.

Так этот дальний свет зарниц
И вспышки молний по краю
Глубинный блеск из-под ресниц
Мне иногда напоминают.

В грозу, как в детстве, спится мне,
Дождям и грому нет отбою.
Я засыпаю, и во сне
Встречаюсь с прежнею тобою.

И пробужденье хорошо:
Все стихнет,
В каплях засверкает,
Как будто солнечный пушок
В прозрачном воздухе летает.

Кругом светло и широко...
Поднимешься,
Расправишь плечи,
И на душе легко, легко,
Как после настоящей встречи.

7.

Страшно оставаться одному,
Сколько лет прошло — тебя все нету.
Как барсук в норе, сидел в дому,
Думал: не промолвлюсь никому!
Не стерпел, пустил тоску по свету.

Предо мной земля как на виду,
Сверстники везде и побратимы,
Даже с полюсом я речь веду...
А своей любимой не найду,
Не могу найти своей любимой.

Коль одна живешь в чужом краю,
Отзовись, я клятвы не нарушу:
Вывезу, гнездо тебе совью...
Если ж не одна, тогда мою
Отпусти на покаянье душу.

1939

8.

Никогда не поздно встретиться,
Был бы только разговор.
Где теперь моя ровесница,
У каких озер и гор?

По лесам-полям скитаешься,
Чемоданчик — весь багаж.
Отчего не догадаешься,
Вести сердцу не подашь?

Неужель и в пору тёмную,
В тишине,
Наедине,
Хоть разок меня не вспомнила,
Не вздохнула обо мне?

Где ж то видано и слыхано —
Чтобы сразу всё забыть?!
Нам ли, горе мое лихое,
Не о чём поговорить?

Жил бы я по личной прихоти,
Без конца б тебя искал.
Только всей земли не выходить.
Не изъездить —
Широка!

1937-1938

ХУДОЖНИК

В открытые настежь четыре окна
Врываются шум водопада с плотины...
Он ходит по комнате.
Дверь... Стена...
Косится на мертвый кусок полотна:
Картина готова... и нет картины.

Еще бы каких-нибудь два мазка
Решающих, несколько солнечных линий —
И рамка сосновая будет узка,
И стены дыхание неба раздвинет,

И ветер ударит по проводам,
Как в сказке, вздохнут берега,
расступаясь,
И, словно с плотины, хлынет вода
К ногам с полотна —
Живая, густая.

Но краски не светятся, память молчит
И время с утра уходит без проку.

А в роще по листьям скользят лучи.
Ребята горланят у самых окон.

На берег выходит толпа девчат,
Передники в крапинках волчьих ягод...
Он хочет захлопнуть окно, закричать,
Чтоб не мешали...
Но вот они рядом.

Они уже в комнате... на полотне...
И вдруг озаряется вся картина.

Так лес поутру проступает в огне
Зари. Так сияет улыбка сына.

Так дерево крепнет от вешних смол,
Роса освежает льняные волокна...

— Нашел! За палитру, за кисти!..
Нашел!

И хорошо, что распахнуты окна.

1936—1937

* * *

Лишь вековые
В самое небо
Сосны вошли, всё его заполнив.
Лишь к вековым
На зеленый гребень
Соколом солнце садится в полдень.

Только в бескрайней облачной
шири
Молнии воздух стригут и режут.
Только на самой гордой вершине
Носится ветер
Веселый, свежий.

Только в вершинах, не увядая,
Жизнь все устои крушит и ломит...
И, расправляясь, сосна молодая
Тянется
К солнцу, к дождям и грому,

Чтоб ощутить полноту небывалой
Свежести жизни
В грозовой сини...
И если упасть,
То горным обвалом
Неистощимой жизненной силы.

1937

ТАК НАЧИНАЛАСЬ МОЛОДОСТЬ

Птицы тревожно пустились в лёт
В рощу, в ольховый покой
за деревней.

Ветер несжатые полосы мнёт,
Ветер такой, что с корнями рвёт
По сторонам вековые деревья.

Ветер такой,
Что визжат провода,
Воют столбы, и с повадкой
медвежьей,
О валуны разодрав невода,
Лезет взбесившаяся вода
На каменистое побережье.

Ветер такой,
Что в свистящей пыли
Камни летят из серых предместий
В окна покоев.
А мы пошли
Вдоль да по бережку, краем земли
Первые в мире,
Впервые вместе.

Жить начала глухая тайга.
Где-то за речкой, за ельником, рядом
С шумом обваливались берега.
Наши отцы добивали врага
И громыхала полуночь прикладом.

Филины замерли, залегли
Волки в трущобах.
Деревья скрипели.
А мы, пригибаясь под ветром, шли,
А мы, продираясь сквозь ливень, шли,
И даже смеялись,
И даже пели.

Можно ль пенять, что сегодня горды,
Что по-хозяйски мы строги сегодня?..
Рожь не росла, не цвели сады;
Вобла да ковш задубевшей воды,
Бабкин азям да охотничьи бродни...

Спали в оврагах, в лесах, на песках
Сухонских,
И становились старше.
А не старели, —
На счастье рука...

Так мы входили,
Врывались в века,
Так начиналась молодость наша.

1934
Архангельск

Из книги „На Балтике было“

ВЕЧНО ПОМНИТЬ БУДЕТ НАРОД

Наступая в лесу на врага,
Лось выносит вперёд рога.

Со скалы срывааясь в полёт,
Сокол крылья вперёд подает.

Вождь укажет вперёд рукой—
Миллионы идут на бой.

Вечно помнить будет народ
Сорок первый военный год,

Руку верную, в тяжкий час
Направлявшую в битвах нас,

Как и ту, что с броневика
Указала путь на века.

ПРИЗЫ В

На рассвете у правленья —
Вся деревня,
Всё селенье.
По деревне мчатся кони,
Словно в гонках на призы,
Заливаются гармони:
Парни едут на призыв.
Ребятишки лезут выше — .
На черемухи, на крыши
И завистливо глядят
На товарищей ребят.
Обсуждают ребятишки
У кого ботинки чище,
У кого новей наряд...
Петухи, взлетев на крыши,
Запевают невпопад.

Подлетают к дому тройки
В кольцах,
В пряжках,
В бубенцах,
Шеи тонки, ноги бойки,
Председатель их встречает
У тесового крыльца.
Водит пальцем по усам,
Всё осматривает сам.

Посмотрел на пристяжную —
Чмокнул:
В теле и — бела.
Посмотрел на коренную:
Что-то сбруя не светла.

— Бригадир, смените сбрую,
Да заправьте удила!
Почему дуга не в лентах?
Где синюшки?
Где кумач?
Для текущего момента
Надо б в радугу запрячь.

У крыльца стоит рысак,
Бьет копытом так и сяк.
Парень чистит щеткой брюки,
Кепи чистит и пиджак.

Мать наказывает сыну:
— Как в наборную войдешь,
Не сгибай, сыночек, спину,
Пусть не хают молодёжь.
Волю дай плечам упрямым —
Встань широкий на весы.
— Я и так не узок, мама! —
Говорит старушке сын.
— Да гляди, что ясный сокол,
Выше голову держи...
— У меня и так высоко!
— А пойдешь служить —
Служи,
Чтобы всей округе слава,
И семье и роду честь,
Чтобы мне пришлась по нраву
О твоей отваге весть.

Сын спускается с крылечка
И садится в тарантас.
Конь буланый рвётся в пляс..
Мать распутала уздечку:
— Ну, сынок,
В счастливый час!

* * *

Не позабыть мне первых схваток,
Рыков вперёд, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Всё шло не так, как представлялось,
Как прочиталось, —
Всё не так,
Всё было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и рёв атак.

Бывало, страх меня тревожил:
„Как поведу себя в бою —
Не буду ль слишком осторожен?
Впаду в тоску
Иль устою?“

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,

Что я ни в чём других не хуже
Переношу тяжелый путь, —
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Такая гордость обуяла,
Так показалось просто жить:
Прошел огнём под свист металла
И все должны тебя любить.

С тобой удачи и победа,
Поёшь и ходишь, как во сне...

Кто эти чувства не изведал,
Тот, видно, не был на войне.

Ноябрь, 1941
Дер. Ямковицы

РУССКИЕ МЫ

Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль:
Черные лаковые бока
Снова заметны издалека.
Я покрываю его попоной
Темнозеленою,
Из веток сплетённой,
И оставляю в лесу в стороне,—
Я не ропщу на дождь на войне!

Полем ползём,
Ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы сноп.
Из-под соломы забили ключи,
Грязь проступила...
Лежи, молчи!
Пусть, размывая стенки окопа,
Речки кричат о начале потопа,
Кости норд-ост продувает мне —
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы,
Но холоду рады,
Только б врагам не давал пощады,
Пусть они ждут, как смерти, зимы..
Сами всё вынесем:
Русские мы!

Пишет подруга из Сталинграда
О голубых вечерах в степи.
Нам ничего голубого не надо,
Мы говорим друг другу: терпи!

Только бы враг не зашел далеко,
Только б врагу не давалось легко
Всё, чем мы жили,
Всё, что любили,
Что возводили на веки веков.

Пусть в эту осень не будет света,
Теплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,
Только бы немец околевал!

Топи да будуг непроходимы,
Небо нелётным, черным от дыма,
В полночь беззвездным,
К утру безлунным,
В полдень знобящим, низким, чугунным.

Пусть оно будет тогда голубым,
Когда победим.

Октябрь, 1941
Морская пехота

НОВИЧКИ

Что впереди — за насыпью? за скатом?
Бойцы остановились на опушке.
Быть может, их окликнут автоматы,
Гранаты рявкнут: стой!
Иль даже пушки?..

Кусты и кочки в сумерках двоятся.
Боятся парни.
Парни с толку сбиты.
И на войне они — всё землепашцы,
Недавно из села — не следопыты.

Осталась только узкая дорога,
Песчаный склон да перешеек пашни...
Врагов, быть может, в зарослях немного,
Но их не видно, и ребятам страшно.

Врастают в землю и дубеют ноги.
Тогда бойцы шинели подбирают,
На животы ложатся и дорогу,
Почти зажмутившись, переползают.

Хоть непривычно ремесло солдата,
Но отступать без толку неохота:
Они трудолюбивые ребята,
Должна быть в срок закончена работа!

Им только обнаружить супостата
И страхи минут,
Оживут ребята.

КРАСНАЯ ГОРКА

Красная горка. Круча лесная.
Красный огонь по стволам.
С катера глянешь — сосны без края,
С воздуха — та же глушь расписная:
Здесь бы парить орлам.

Хвойные тени. Зелёная грива.
Серый овал валуна.
Глянешь с залива — очень красиво,
Небо на диво,
Воздух на диво,
И тишина, тишина.

Но наступать враги начинают —
И поднимается гром:
Камни взлетают,
Сосны стреляют,
Дышит земля огнем.

Люди сидят в бетоне и в стали.
Много врагов сметено:
С воздуха лезли —
Землю вспахали,
С моря —
Пошли на дно.

Красная Горка. Мерзлые комья.
Светлый излом берегов.
Каждая тропка Сталина помнит,
Твёрдость его шагов.

Помнят каждая башня и створка,
Все мы — до одного —
Любим его
И верим в него:
Красное знамя
Над Красною Горкой
Взвито рукою его.

1941
Форт „Красная Горка“

СТАЛИН В ЗЕМЛЯНКЕ

Нашу землянку мы звали „догом“. Каждый товарищ видел, входя, Светлый, висящий над пулеметом, В узенькой рамке снимок вождя.

Дочку подняв и любуясь ею, Он улыбался и ей, и нам. Так он казался еще роднее, В душу смотрел он своим бойцам.

Немцы на нас напали с налета
С криком и посистом:
— Ну — конец!
Три пулемета
Взгромели у „дота“,
В двери, казалось, летит свинец.

Мы сплоховали,
Мы побежали.
Только один задержал ребят,
Крикнул:
— Товарищи, в доте Сталин!
И командир подхватил:
— Назад!

Если б дрожало всё мирозданье,
Солнечный свет над землей погас,
Мы и тогда бы пришли в сознанье,
Стилана вспомнив в решительный час.

— Слушай команду! Гранаты в дело! —
Ринулись мы в огневую волну.

Кто не припомнит из самых смелых
В эту минуту детей, жену,

Город любимый, родные лица,
Всё, чем мы жили со школьных лет?

Вспомнилось:
В трудные дни для столицы
Сталин ее не покинул, нет.

Роту фашистов штыком, гранатой
Мы перебили, не отойдя.
Стал еще ближе, роднее ребятам
В узенькой рамке портрет вождя.

Декабрь, 1941
Морская пехота

БАЛЛАДА О ТАНКЕ

Советский танк попал в болота —
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолета.
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.

Как он рычал и огрызался,
Взрывал закисший перегной.
Горячий дым по кочкам стлался.
Всё нарастил,
Всё приближался
К нему из лесу волчий вой.

С немецкой водкою в баклажах
Солдаты, как из-под земли,
Хлебая ржавчину в курпагах,
К нему со всех сторон ползли.

Танк был из пушки, пулемета...
Потом он дал остыть огню.
Мотор загло...
И вот пехота
Из рощи — сзади, от болота
Насела с гиком на броню.

Он, словно мамонт — в иле, в саже, —
Затихнув, бивень опустил.
Не выпуская экипажа,
Его решили в штаб вести.

Немецкий танк подкрался с тыла,
Чтоб наш разить его не мог.
Широкозадый, тупорылый,

Он заревел, что было силы,
Налег на цепь и поволок.

Вода и грязь текли с металла,
Осенний день совсем погас.
Два танка вышли из увала...

Но кто видал,
Когда бывало,
Чтоб на цепи водили нас?!

Два раза мы в Берлине были,
И мир не знал штыков грозней,—
На льду Чудском тевтонов били,
Наполеон лежит в могиле;
Теперь мы в сотни раз сильней.

Едва из топкого болота
Советский танк взошел на вал,
Как вдруг шарахнулась пехота:
Мотор включенный заработал,
Зарокотал,
Забушевал.

Взгревем утробою железной,
Рванулся танк.
Сама земля
К нему под гусеницы лезла.
Верх одержав, он в ров безлесный
Пошел, по травам гром стеля.

Пошел лугами к дальним хатам,
Подмяв пенек, подрезав ствол,
Он сам уже врага повел!—
На третьей скорости,
На пятой,
На двадцать пятой он пошел.

Казалось, ветер в поле стих,
Казалось, ели молодели:
На танк во все глаза глядели,
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след на них.

ПИСЬМО
БРАТУ-КРАСНОФЛОТЦУ

Михаилу Горчакову

Родной мой по счастью и горю,
По крови и по судьбе,
От Балтики к Беломорью
Всем сердцем тянусь к тебе.

Под крышей одной мы жили,
Росли заодно — браты!
Пахали, леса рубили,
Охотились до темноты.

Пошли по разным дорогам,
Но запах родной земли,
Любовь к лесистым отрогам,
К полям, к медвежьим берлогам
Равно в душе сберегли.

И в шуме ольхи и пашен,
В любом стебельке овса
Мы видели Родину нашу,
Мы слышали Родины нашей
Растущие голоса.

Разграблены наши школы
И вырублены сады,
В разбитых, в сожженных селах
Не сыщешь глотка воды.

Давай же, брат, поклянемся
Стоять до конца на одном:

В дома свои не вернемся,
Не будем в kraю родном,

Пока за кровь, за седины,
За шахты и рудники,
За каждую кисть рябины,
Отравленные родники, —

Пока за всё наше горе
Сториней не воздадим.
Дороги от моря до моря
От немцев освободим!

Февраль, 1942

ОСТРОВ

Между небом и водой
Есть клочок земли,
Он под нашей звездой,
Охраняют этот остров
Наши корабли.
Охраняют островок
Наши моряки.
Много к острову дорог,
Только взять его не просто —
Руки коротки.

Был с воды и с неба враг
По зеленой цели.
Подаваться ни на шаг
Мы не захотели.
Ходуном ходило море,
Солона вокруг вода,
А земля — земля тверда...
Но и враг упорен.

Через день опять бои:
Из далекой дали
Он дает сигнал: свои!..
Не на тех напали!
Подтянулись моряки,
Подпустили
И в штыки
Весь десант взяли.

Есть на море островок.
Много к острову дорог

С моря и от берегов,
Ла не для врагов.

Между небом и водой
Он под красною звездой.

1941

Л Ы Ж И

Шумною, драчливою ватагой
Мы носились, чуть забрезжит свет,
На отцовских лыжах по оврагам —
Пареньки четырнадцати лет.

Зыбились глубокие снега,
Сыромятные ремни скрипели.
Мы бежали от пурги метели
В лес густой, за дальние лога.

Разводили под горой костры
И, раскинув руки, пригибаясь,
Прямо через полымя с горы
Прыгали, визжа и задыхаясь.

Озорством, забавою тогда
Нам самим всё это представлялось.
Нам казалось: пролетят года,
Подрастем, остынемся малость

И забросим лыжи на чердак,
Позабудем, как они скрипели...
Но года прошли,
А мы никак
С лыжами расстаться не хотели.

В боевые, в нынешние дни
Мы их приравняли к пулемету,
Чтоб несли военную работу, —
Очень пригодились нам они.

Всё нам служит: стужа и снега.
К паре лыж „максимку“ приторочив,
Мы уходим ночью в тыл врага
По путям, которых нет короче.

Дуют ветры на исходе дня,
Лица полыхают на морозе.
Раненых друзей из-под огня
Мы на лыжах бережно вывозим.

Где и вездеходам не пройти —
Рвы, заносы белые по пояс —
Становись на лыжи и лети
За поземкой следом хоть на полюс.

Неустанны, на ногу легки,
Проходя по фронту шагом полным,
Мы и в снежном иоле — моряки,
Ведь сугробы снега — те же волны.

1941

ТЕТЕРЕВА

Однажды грохот орудийный стих,
И вот в прозрачной, еле слышной дали,
За озером,
В березняках густых
Тетерева, как встарь, затоковали.

Немудрые гортанные лады,
Но было в них и осени дыханье,
И трубный зов,
И бульканье воды,
И голубиной пары воркованье.

Во мне охотник устоять не мог:
Весь в пулеметных лентах и гранатах,
Из блиндажа я ринулся на ток,
Но не с ружьем пошел, а с автоматом.

Прыжками
От осины до сосны,
По желтым мхам, по листопадной прели
С подветренной, с восточной стороны
Я подходил к живой, зовущей цели.

Казалось, только с просеки сверну, —
На синем фоне средь верхушек рыжих,
Как черную ущербную луну,
Тетерку раздобревшую увижу.

Но чем слышнее становился ток,
Чем до него короче расстоянье,
Тем явственней я слышал холодок
В однообразном птичьем бормотанье.

Какие-то фальшивые тона,
Не птичья, металлическая резкость.
Условные сигналы?..
Вся окрестность
Как в заговор какой вовлечена.

„Тетерева ли?“ — думаю,
А сам
Ползу вперед. Охотник я бывалый:
С тяжелым автоматом по лесам
Я всяких „птиц“ на мушку брал не мало.

Ползу вперед.
И вот у цели я.
Раздвинулась от выстрела опушка
И с елки, снаряжением звения,
Свалилась в мох фашистская „кукушка“.

Октябрь, 1941
Дер. Лужки

ТОВАРИЩУ ПО ОКОПУ

Теперь бы нам поля дожинать,
Зерно по лоткам ссыпать в закрома,
На свадьбах гулять,
Ягнят свежевать,
До холодов утеплять дома!..

И здесь чуфыкают косачи.
Теперь бы нам ходить на тока,
Под вечер огонь разводить в печи
И молча греться у огонька.

Но мины, мины свистят вокруг.
Война занесла над нами кулак.
Так пусть же погибнет заклятый враг
Лежи, мой друг,
Не дрожи, мой друг,
Не отступай, мой друг, ни на шаг.

В Москве не достроены корпуса.
Мы, школ не окончив, пошли в поход.
За эти дороги, за эти леса,
За нашу свободу,
За свой народ.

А немцы взять хотят на испуг,
Стреляют, не целясь, лезут в дыму...
Сдержись, мой друг,
Подпусти их, друг,
И молча выщелкивай по-одному.

А доведется — на штык бери,
Пусть видят, от чьих умирают рук!

Ах, до чего разошлись глухари!..
Вон немец опять...
Не зевай, мой друг!

Сентябрь, 1941
Заполье—Котлы

ПОЛЕ

„О поле, поле!“
Пушкин

Где конец его и где начало —
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки.

С грязною соломою окопы,
Скорлупа яиц, как черепа,
Проволокой спутанные тропы,
И на ней, как трупы, — три снопа.

Полюшко родное! Светлый воздух.
Политая потом грудь земли...
Уцелели радуги да звезды —
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку.
Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941
Дер. Алексеевка

СНАЙПЕР

Он лежит в снегу глубоком,
Час лежит, и два лежит.
Где-то сбоку недалеко
Вражеские блиндажи.

Он лежит в халате белом,
Он от холода дрожит.
Тело словно задубело,
Занемело, —
Он лежит.

Жиром смазанные щеки,
Как в поту, слегка блестят,
Ветви хвойные под боком,
Будто хвостики лисят.

На оптическом прицеле
Тонкий изморози след.
Что-то долго нету цель —
Живы немцы или нет?

На Полтавщине богатой,
Среди вишен, чебреца,
Он родился в бедной хате.
Из-за немца, из-за ката
Жить остался без отца.

Мать повыплакала очи,
Пела песенку одну:
„Подрастай, расти, сыночек,
Собирайся на войну...“

Слезы матери доныне
Не оплачены сполна.
Он следит за далью синей,
Он лежит.
Колючий иней
Сыллет старая сосна.

Солнце всходит и заходит
Над равниною седой.
Он с траншеи глаз не сводит:
Что-то „фюрер“ не выходит
За дровами; за водой...

Грудь озябла — лег на спину, —
Всё для хлопца „ничего!“
Говорит он
— Не застыну,
И засады не покину,
Не убив хоть одного.

Одолей, поди, его!

1941
Дер. Готовужи

ЗЕМЛЯНКА

До врага с полкилометра —
Ров, поляна, ели.
Ни минуты, чтоб от ветра
Сосны не скрипели,
И ни ночи, и ни дня
Без тревоги, без огня.

Моряки и в ус не дуют,
Только строже глаз лихой,
Окопались и зимуют
У земли за пазухой.

Чуть пригнувшись, пролезаем,
Я уже теплом дышу.
Поднимается хозяин,
Просит:
— Милости прошу!

Милости прошу гостей.
Живы и здоровы?
Нет ли свежих новостей,
Сообщений новых?

Озираемся, присели.
Что за роскошь в самом деле?
Что за райский уголок!
Пол из досок, ровен,
Крепче стали потолок —

Три маката бревен.
Хоть громи прямой наводкой,
Не пробьешь вовеки.
Не землянка, а подлодка —
Круглые отсеки.

Камбуз. Печка, два котла,
Кот приблудный у стола,
Умывальник в уголку,
Полотенце на крюку.
И смолистый воздух.
Справа гнезда для гранат,
Пять винтовок, автомат —
Тоже в прочных гнездах.

Кубрик светел, как поднос,
Весь зашит в зеленый тес.
Со стены оглашено:
„Здесь курить воспрещено!“

У стены двойные нары:
Подойдешь и — ляжется.
Сено взбито —
даже старым
Жестко не покажется.
После боя сладко спится,
Много снов хороших снится.

Не беда, что каганец
Из консервной банки.
Не землянка, а дворец, —
Нет цены землянке.

Стол. Прибор для туалета —
Чашечка лучистая.
Вместо скатерти — газета,
Но газета чистая.

Не землянка — Дом культуры
Собственной архитектуры.

Мы глядим в углы, на свет,
Удивленью меры нет:
Превосходная квартира,
— А на сколько ж зимы лет?

Засмеялись моряки:
— Наши сроки коротки.
Нам на флоте и в пехоте
Жить на месте не с руки.

Может, солнце на восход —
И покинем этот дот:
Пусть играют в нем ребята,
Ну, а мы пойдем вперед.

А фашистов выставим,
Землю ими выстелим
Да возьмемся за работу —
Мы такое выстроим!..

Декабрь, 1941
Морская пехота

ПРЕДАТЕЛЬ

Он знал, что его жена проклянет,
Сорвет фотографию со стены;
Всю ночь проревет,
И день проревет,
Ее отлучит от себя народ, —
Не пожалел он своей жены.

Он знал, что застонет от лютой тоски
И грохнется на пол седая мать,
Но встанет,
Смахнет слезу со щеки
И „сукиным сыном“, сжав кулаки,
Родного сынка начнет называть.

Родитель — стариk крутой и прямой,
Как пьяный, придет от соседей домой:
Под старость бесчестья ноша тяжка.
Не пощадил он и старика.

Не пощадил ни отчего крова,
Ни друга родного,
Ни края родного.

Он знал, что забудут дети отца, —
И это не тронуло подлеца:
В предутренней мгле
На крутом берегу
Он, бросив окоп, перешел к врагу.

А мы лежим под шрапнельным дождем,
Под ветром, под снегом.
Земля, что лед.

Но мы поклялись, что с мест не сойдем,
А если сойдем,
То пойдем вперед.

На наше упорство,
На нашу жизнь
Без страха, родной народ, положись!

Мы тоже вдали от своих семей,
Едим на ходу
И спим в полусон.
В ночной темноте покурить не смей!
В засаде не кашляй, лежи, онемей! —
И мы ненавидим таких, как он.

Убейте его!
В полях, в сосняках
Из тысяч должны вы его узнать.
Не наша ли кровь у него на руках?
Кривит ему губы животный страх,
Он глаз от земли не смеет поднять.

Он жить хотел для себя одного.
Найдите его,
Затравите его!

Победа придет в огне и в дыму —
Не всем суждено до нее дожить.
Так разве, позволим трусу, ему
Опять поселиться в нашем дому?
Клянемся:
Тому никогда не быть.

Не пустим его на свое торжество.
Поймайте его!
Приколите его!

1942

СТАРОЕ ПОВЕРИЕ

Как землянка ни низка,
Как землянка ни узка,
А устроились, как дома,
Моряки у камелька.
С глаз бойцов слетает дрёма
От рассказа паренька:

— Мой родной сосновый дом.
Был на озере Чудском.
Наши прадеды и деды
Промышляли рыбу в нем.
Знали вдоль и поперек
Каждый щучий уголок,
Все утиные затоны,
Каждый кустик и порог,
Все озерные законы
Знали вдоль и поперек.

Знал охотник и рыбак,
Молодой и старый — всяк,
Что сулит Чудское в бурю,
Перед чем шумит
И как.

Мне рассказывал мой дед,
Что назадь семь сотен лет
Наше озеро однажды
Ликовало — меры нет.

Пена — белые снега.
Рыба шла на берега...

И случилось, что в тот год
Лютый враг вошел под лед.
Всю немецкую „свинью“
Наши сбили в полынью.

В эту осень то же было:
Шибко озеро ходило,
Шибко билось, бушевало,
Старикам оно вещало.

Старики сказали так: . . .
— Видно, к нам нагрянет враг.
Снова быть на дне врагу —
Тот же шум и тот же гул.

Враг нагрянул, как сказали,
И, когда мы отступали,
Цед твердил мне об одном:
— Быть врагу на дне Чудском!

Как хотите, только я
Верю старому, друзья!

И не в том, конечно, дело,
Что Чудское так шумело.
Дело в том, что на Чудском —
Мой родной сосновый дом.
Дело в том, что за Чудским
Жили мы и жить хотим.

Наши села там и дети,
Наши лодки,
Наши сети...

Как же не поверю я
Старому поверию?!

5 апреля 1942 г.
Ленинград

ОБСТРЕЛ

Снаряд упал на берегу Невы,
Швырнув осколки и волну взрывную
В чугунную резьбу,
На мостовую.

С подъезда ошарашенные львы
По улице метнулись врассыпную.

Снаряд упал на старый особняк,
И грохнулись пластом кариатиды,
Над грудой пламя вздыбилось, как флаг,
Труба печная подняла кулак,
Грозя врагу отмщеньем за обиды.

Снаряд упал в сугробы, на бульвар,
И снег, как магний, вспыхнул за оградой.
Над темной башней занялся пожар.
Опять пожар!
И снова вой снаряда.

В каком часу еще влетит, крутясь,
Кого убьет и где,
Кого разбудит?..
С утра из дальнобойных бьют орудий.

Шарахаются бронзовые люди,
Живой проходит не оборотясь.

Февраль, 1942
Ленинград

„НЕ БОМБИ ТЫ МЕНЯ“

Ленинград не сдавался!
Мы стулья сжигали в печи.
Дистрофия... цынга...
Ни кровинки, ни света в лице.
Нам побольше смеяться
советовали врачи,
Говорили, что в смехе
не счастья витамина „С“.

Мы умели смеяться,
хоть часто бывало невмочь.
Вспоминаю зенитчика.
Холод... Дожди в ноябре...
Он с надеждой на отдых
встречал наступавшую ночь,
Распевал перед сном:
„Не бомби ты меня на заре“.

Помню ночь: Невский берег,
студеная в масле волна,
Да узор чугуна,
да булыжник — гора на горе.
Утром взвыли сирены,
забылась под мост тишина.
Мы вскочили от сна:
налетел-таки враг на заре.

Мы умели смеяться,
и страшен был смех для врага.
Из палатки зенитчик
шагнул, разминая ладонь,

Вскинул к небу глаза,
сбросил пакли клочок с сапога.
Встал на пост и открыл
по фашистским машинам огонь.

Схватка длилась минуты,
а сталь невтерпеж горяча.
Два иль три самолета
расчет орудийный подбил.
И зенитчик запел,
но теперь он не пел, а рычал:
— Я ж тебе говорил:
„На заре ты меня не бомби!“

1942
Ленинград

С НАМИ В БОЮ

М. Горькому

1

Семь суток ветер дул знобящий
И ливень лил, с ума сводя.
Бойцы укрылись в хвойной чащбе
И от врагов, и от дождя.

Вскрывали с белым салом банки,
Вздохнув о доме, о тепле.
Снимали прелые портнянки
И засыпали на земле.

Другие наспех рыли норы —
Поспать под крышей час иль два, —
Вели скучные разговоры,
Курили жадно в рукава...

А в стороне, на мшистом скате,
Где свет сквозь ветви проникал,
Моряк в замызганном бушлате
Сидел согнувшись:
Он читал.

Еще горели наши села,
Тяжелый чад стоял окрест,
И — поневоле новоселы —
Снимались люди с милых мест;

Еще к столице немец рвался,
И — что там будет впереди...
А он, моряк не сомневался,
Что выдержит и победит.

И не хотел, чтоб с полдороги,
Испортив все его дела,
Хоть день один из жизни строгой
Война без пользы унесла.

2

Истосковались мы по книгам так,
Что жизнь не в жизнь для нас в землян-
ках стала.

А на селе, где окопался враг,
Библиотека целая лежала.

И мы решили захватить ее.
Чуть начало смеркаться, — к немцам в
дзоты,
За линию окопную, в жилье
Нагрянули бойны морской пехоты.

В разбитой школе полный Горький был.
Шумя, как школьники на перемене,
В карман иль в сумку каждый положил
По томику его произведений.

Что книги немцу?
Немец груб и дик,
Его б кормили только да поили,
А мы, уставшие, в любой из книг
Своей войне подспорье находили.

Лишь час пришлось нам Горького читать.
В ту ночь без отдыха, без промедлений
Рванулись мы в обход других селений,
И окружать врагов,
Уничтожать
Шло и его собранье сочинений.

1943

ВСПОМИНАЮ О ТЕБЕ

Неприветлива, дика,
С ночи не расчесана,
Словно дочка лесника,
Ходишь полем босая.

Нынче наши нелады
И не вспоминаются.
Пред лицом большой беды
Мелочи стираются.

Снова стали замечать
Красоту, что под боком:
Над жнивьем в косых лучах
Утреннее облако,

На болотах кожуру
Ягоды несобранной,
Щучью стрелку на юру,
Воздух, смолью сдобренный...

В блиндаже, в чужой избе,
Иль под хвойным пологом
Вспоминаю о тебе —
Все в тебе мне дорого.

Все любимые черты,
Странности и слабости,
Вся нетронутая ты
Мне мила до радости.

1942
Лебяжье

ШИНЕЛЬ

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная,
В слякоть осени, в метель
Теплая и модная.

Черная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная.

Три кармана, две полы,
Пуговицы в золоте,
Якоря на них светлы,
Как закаты в Вологде.

Грязь к тебе не пристает.
Полюбил тебя народ.
За одну шинель матроса
В гости девушка зовет.

В чистом поле и постель,
И шатер — моя шинель.

Если надо, — в жгут свернется,
На ночевке вытянется.
Ветер грянет,
Дождь польется,
Ты — моя спасительница.

Мало — дюжину штиблет
Изорвешь за пару лет,
Даже танк броню меняет,
А тебе износу нет.

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?

Может быть, и в самом деле.
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Поведет меня жена?

Нет, покуда войны есть,
На земле смертей не счастья, —
Не снимать своих шинелей
Мы почтем за долг и честь.

1941
Лебяжье

Из книги „Город гнева“

СТАЛИНГРАДСКАЯ ДЕВУШКА

Чадил разбитый ночью город,
Багровым пологом накрыт.
На тротуарах, у заборов
Людской налаживался быт.
Из щелей выползали дети,
В садах белели тут и там
Пеленки мокрые, как сети,
Раскинутые по кустам.
На табуретке у калитки
Осиротевший старичик
Свои немудрые пожитки
В железный прятал сундучок.
Спеша закончить до бомбейки,
Вся, до бровей, в муке, бела,
У обгоревшего ствола
Месила женщина лепешки
И тут же на костре пекла.
На выбитом из бочки днище
Кипел семейный самовар,
В трубу с родного пепелища
Ципцами подносили жар.
Не чебрецом степным, не мятой —
Тянуло гарью от земли.
Мужчины шли в военкоматы,
В партийные райкомы шли.

А девушка шла на Волгу,
Чтоб выехать за реку.
В щелях лежала подолгу,
Ползла, чемодан и кошолку
Таша за собой по песку.

А чемодан не маленький,
В ремнях — одеяло и валенки,
Да платьев на ней штук пять,
Да шуба поверх жакета —
Как будто зима, не лето:
Была бы теплой одета,
Но больше с собой не взять.

Из госпиталя солдаты,
Отбрасывая костили,
Теряя повязки, вату,
К Волге ползли и шли.

Над кручей девушка встала,
Глянула из-под руки
И берега не узнала,
Не было реки.

Только с треском и свистом —
Полымя перед ней.
Раненых полная пристань,
А берег
В огне.
Весь горизонт, закрыт,
Даже земля горит.

Девушка задыхалась.
Нефть по воде плыла,
Даже вода, казалось,
Вся в огне была.

Волны огонь качали,
Катеру не подойти.
Раненые кричали...
Только бы их спасти!
Думать времени нет.
Скинула шубу, жакет.

Бросилась к одному
В черном низком дыму,
Вытащила из пламени,
Лицо отерла ему.

Бросилась к другому,
Перенесла его к дому,
Чтобы жара не палила,
Платком своим накрыла.

Не помнила, как раздала
Все, что с собой взяла...

Но стали снаряды рваться
В вагонах на пути.
Куда ей теперь податься?
Решила назад итти.

В город!
Назад!
В дым!
Там надо быть молодым.

Нигде,
никогда
не забыть,
Даже у гибели на краю,
Как девушка эта шла,
Как вскинула,
Подняла
Голову свою,—
Мне никогда не забыть.
Так люди идут, чтобы победить
Или умереть в бою.

И если немцы меня возьмут
Раненым на краю села
И на расстрел меня поведут —
Я вспомню, как она шла,

* * *

Ночь. Не видать ни зги.
Сходит двенадцатый танк с конвейера.
Где-то близко-близко враги.
Кинет „катюша“ огненным веером
Смерть через фронт,
И опять ни зги.

Зали — и над городом словно рассвет...
Маршем по улицам в клубах пыли
К фронту, на вспышки немецких ракет
Части рабочие проходили.

Сыплются стекла со всех сторон —
Не замедляет шаг батальон.
Взрыв листовое железо рвет,
Камни летят —
Батальон идет.

Кепки снимают бойцы батальона
У обгоревшего милого дома.
— Чей батальон?
— Заводского района.
— Кто ведет?
— Секретарь райкома.

Девушка с пристани подошла
К секретарю райкома:
— Здешняя я. У вокзала жила.
В городе всё мне знакомо.
Аней зовут...
— Ну, что ж, становись,
Первой сестрою будешь!..

Так начинают военную жизнь
Наши
русские люди.

1942
Сталинград

ОСЕНЬ В СТАЛИНГРАДЕ

Листья осенние шелестят,
Листья хрустят под ногами,
В небе с утра журавли летят
Клиньями, косяками.

Над Сталинградом тяжелый чад,
Страшно над Волгой, душно.
Птицы кричат тоскливо, не в лад,
Путают строй воздушный.

Движутся, словно вокруг земли,
Семьи под ветром жестоким.
К югу от стужи спешат журавли,
Люди от немцев — к востоку.

Песня людская птицей грустней,
Слезы не высыхают.
Птицы вернутся домой по весне,
Люди — когда? — не знают.

Долго, до смерти забыть не смогу
Ветер сырой, осенний,
Крик журавлей
И на берегу
Осиротевшие семьи.

1942

БАТАЛЬОН

Сжаты были со всех сторон
Осенью наши войска:
С воздуха — немец (тысячи тонн!)
Спереди, справа и слева — он,
Только сзади — река.

Снайпер сказал:
— Земли для нас
Нет на том берегу.
Крепкое сердце и верный глаз —
Верная смерть врагу.

Нашу пехоту с чем сравнить,
Мощь ее славить как?
Ни раздавить не мог, ни сломить
Нашу пехоту враг.

Врезался клином железным в строй
И батальон отсек,
Думал, что так, по частям, на убой
Он переправит всех.

С трех сторон,
С четырех сторон
Был окружен батальон.
Верились немцам, что должен он
Выйти к ним на поклон.

Думалось немцу:
Сейчас у реки
Он батальон возьмет.
А батальон уставил штыки
И зашагал вперед.

Ночь подошла.
Огляделись бойцы:
Лента земли узка.
Метров триста во все концы,
А за спиной — река.

Как на полярной льдине они, —
Некуда отступать.
А по степи, куда ни взгляни,
Будто сполохи — огни, огни...
Ночь не придется спать.

Можно еще, покуда темно,
Молча сойти к реке,
Сесть на бревно — не всё ли одно! —
И переплыть налегке.

Немец проспится, утро придет, —
Что оно принесет?
Утром их и ковер-самолет,
Верно, уже не спасет.

И смельчаки отдыхать не легли,
Утра не стали ждать,
Мелкими группами поползли —
Три человека, пять.

Но поползли вперед, не назад, —
Пусть и враги не спят.
По три диска на автомат,
По десяти гранат.

Утром немец начал бомбить,
Танки спустились в лог,
Но не ослабить он,
Ни сломить
Нашей пехоты не мог.

В землю врастая, стоял батальон.
Да окружен ли он?

Даже сады с земли сметены.
Чем эти люди сильны?!

Кажется, их уже нет в живых:
Всё разнося в куски,
Кинутся немцы с холмов крутых
К ним,
А они — в штыки.

В полночь вышел боезапас,
Утром не жди добра.
Но подоспели к утру как раз
Волжские катера.

Но подоспели ночью У-2,
С неба летит термит.
Ожили люди: к чему слова?
Значит, стоит за ними Москва,
Москва за ними следит.

Вскинули головы, и по траве
В глубь ковыльных широт,
Немца сбросив с высот,
С песней победы
Навстречу Москве
Ринулись, вперед!

1942
Сталинградский фронт

ТРИСТА МОРЯКОВ

Отряд краснофлотцев в триста штыков
По гарнизонной тревоге
За город вышел
Держать врагов
На серой степной дороге,

На северных скатах к родной реке,
На пыльных волжских высотах,
Держать на матросском,
На русском штыке
И танки и мотопехоту.

Держать до подхода армейских сил,
Пока есть дыханье и сила.
Сам Сталин о том моряков просил,
Их Родина благословила.

Отряд — бывалые пареньки,
В наградах и в старых ранах,
Лихие военные моряки,
Служившие в океанах.

Сошли с кораблей, лишь день на восход,
И сшиблись с врагом на марше.
Уперся немец — ни взад ни вперед,
Ни взад ни вперед — и наши.

Окутался дымом степной перевал.
Столкнулись и — вспять ни шагу:
Германец ли наших к холму прижал,
Иль наши его — к оврагу?

Матросские „клещи“,
Немецкий ли „клин“
Всю линию перекосили?
Стояли:
У них за спиной Берлин,
У нас — Москва, Россия.

А той порой в поту и в пыли
Из чащ и трущоб еловых
С полковником Гуртьевым к Волге шли.
Сибирские звероловы.

Родимцев гвардейские вел полки
От Ахтубы к переправе,
Гороховцы шли — на весу штыки —
К победной, гвардейской славе.

И город всё ощутимей крепчал,
Упорство его нарастало,
Тогда уже он в бессмертье вступал,
Тогда уже немец страшиться стал
Его площадей и кварталов.

Отряд краснофлотцев в триста штыков,
Не дрогнув в боях ни разу,
Пронес, как знамя, честь моряков,
И поздней осенью с берегов
Его отзывали на базу.

Орлов запыленных встречал адмирал.
Видать, его сердце сжалось:
Он молча шагнул к ним,
Он всё уже знал,
Но все-таки вздрогнул, когда увидал,
Что девять их только осталось.

1942
Волжская военная флотилия

БРОНЕКАТЕРА

Вся земля стоит на трех китах —
Так считали в древности глубокой:
Страны жаркие — на лбах широких,
Ледяные — где-то на хвостах.

Не киты, а бронекатера
До поры, покуда льды не стали,
В стылые свистящие ветра
Волжский город на себе держали.

Всё — от пушек до газет в те дни,
От гранат и мин до шоколада
Доставляли по ночам они
Воинам былинным Сталинграда.

Днем прикалят к яру — не видать,
Ветви дуба и ветлы на башнях,
Но блеснет вечерняя звезда —
И бугрится за кормой вода,
Как земля на черноземных пашнях.

От ракет скрываясь, от луны
И чутьем нащупывая мели,
Словно тени, с левой стороны
В дым и грохот, к линии войны
Катера груженые летели.

Если с горок огрызался враг,
Сталь над скользкой палубой визжала,
Краснофлотцы не спускали флаг.
Катера отстреливались так,
Что земля гудела и дрожала.

И в протоке тихой поутру
Пехотинцы, их в листве заметив,
Удивлялись:
— Неужели эти
Так глушили ночью немчуру?

Как байдарки легкие узки,
Не видать ни башен, ни орудий...
Но в отсеках узких — моряки,
У орудий этих — моряки
В бескозырках,—
Золотые люди.

День и ночь качает их вода.
А привыкли — и отсек не тесен.
Время есть для шуток и для песен,
Спать лишь успевают не всегда.

1942
Волжская военная флотилия

Из книги „Земля богатырей“

I.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Как мало мы дорожили счастьем:
Не все понимали, — не берегли,
Не представляли, какие напасти
Придут на порог любимой земли.

Казалось, вовек не потухнут зори,
Нельзя изменить распорядок дня:
Пиджак не разглажен — с женою в ссоре,
В кино опоздаем — на сутки горе,
Не спим, если в спальне много огня.

Война, гремя, пришла к изголовью.
Теперь мы не в школе учимся жить,
Задачи решаем не мелом — кровью,
С лицом в пыли, с рассеченной бровью
Ломаем немецкие рубежи.

Любимая! Кончим поход, вернемся,
Как заспешим у родных дверей,
Как улыбнемся, да засмеемся,
Обнимем заплаканных матерей...

Увижу зеленый куст на обрыве,
Обрадуюсь:
— Как хорошо растет!
Узнаю сосну на высокой гриве,
Дивиться начну:
— Не найти красивей!
И вновь незлобивым детством пахнет.

На круглых кустах раскинуты сети.
Припомню, что здесь я когда-то шел.
Как мог не заметить, что ветви эти,
Песчаные кручи, и этот ветер,
И всё на свете так хороши?!

1942

БРОНЕПОЕЗД „ГРОМ“

Перекоп. Кронштадт. Царицын...
Нам ли славой не гордиться!

Дом-музей стоит, Зайдем —
Что теперь хранится в нем?
Фотографии на стенке:
„Молния“, „Гроза“ и „Гром“*.

* * *

Вдоль по фронту ходит „Гром“,
Ходит ночью,
Ходит днем.
Ходит передом, иль задом,
Или задом наперед?
Навесным дождем
И градом,
Лобовым огнем,
Снарядом
В хвост и в гриву белых бьет.
Выползает шатко, валко,
А подкатит — спуску нет.

Комиссар на „Громе“ — Галка
Ей семнадцать с чем-то лет.
Командир еще моложе,
Носит куртку желтой кожи,
Курит, тушит о ладонь
Недокуренный огонь.
Породнила их до гроба
Ночью вылазка в штыки.

* В обороне Царицына участвовали бронепоезда „Гроза“, „Гром“, „Молния“.

Оба молоды, но оба —
Старые большевики.

Ходит „Гром“ за город ночью, —
Тьма в оврагах полная, —
Впереди его грохочет
Бронепоезд „Молния“,
Сзади, в щели амбразур
Видно серую „Грозу“.
Их огнем с родной реки
Подпирают моряки.

Белым даже в ночь не спится,
Белым видится Царицын.
Далеко ли, близко ли,
За бахчами рыскают.
Укрываясь за горою,
Подползают к городу.
Пехотинцы землю роют —
До подмышек борозду.

Птичьим взглядом шарит Галка
По равнинам
И по балкам.
Командир стоит, затих —
Ко всему готовится.
От одной прищурки их
Белым нездоровится.

За леском, наискосок,
Странное безмолвие.
Первым выстрелом лесок
Осветила „Молния“.
Вслед за нею грянул „Гром“ —
Столб взметнулся за бугром,
Столб взметнулся,
Лес качнулся,
Небо грохнулось углом.

Начала громить „Гроза“ —
Полегла вокруг лоза,

Кони подняли копыта
И полезли на воза.

Травы по расщелинам
Стали ярко зелены,
Стало видно издалёка:
Земли не засеяны,
Степи не распаханы
И пестрят папахами
Красными, казачьими,
Шайками бродячими.

Галка просит командира:
— Сыпь еще горячими!

Белым некуда деваться,
Белым с жизнью расставаться.

А за линией
По травам
Уж спешит лихая рать —
Пехотинцев красных лава,
В схватке равных не сыскать.

И решает Галка:
— Время
Им теперь дорогу дать.

Поезда отходят вспять.

Налегла на тормоза
И ползет с горы „Гроза“.
Следом — задом наперед —
Отгревевший „Гром“ идет.
Чуть подальше — „Молния“
Смеркшая, безмолвная.

Начинает пахнуть днем.
„Гром“ отходит к городу.
Но не спит народ на нем —
Люди бреют бороды,

Чистят бляхи
И папахи,
На ремнях горит рассвет.
Командир сменил рубаху,
Табаком набил кисет.

Утром в поезд по пути
Сталин должен был зайти.

* * *

Сталинград в боях. И гром
Не стихает снова в нем,
Днем и ночью, ночью, днем
Пышут улицы огнем.

Танки мчатся на подъем;
„Ворошилов“, „Сталин“, „Киров“...
Дом музея за углом.
В Сталинграде — судьбы мира,
И гремит над Волгой гром.

1941-1943
Сталинград

ХИЩНИКИ

В бою сложив четыре батальона,
Не убирая трупы в темноте,
Подняли немцы рваные знамена
На занятой, сожженой высоте.

Всю ночь в траве, среди обломков стояли,
Хватаясь за коренья и кусты,
Солдаты недобитые стонали,
Чужой землесю набивали рты.

Полотнища, как мертвые, висели,
И поутру, поднявшись от реки,
Почистить клювы вороны уселись
На острые торчащие древки.

Нал бархатом с крестами, у дороги,
Бесстрастные и сытые, они
Сидели, словно маленькие боги,
Недвижны и черны, как головни.

1943

КРЕПОК РУССКИЙ СОЛДАТ

Снайперу Василию Зайцеву

Четвертый день в окопе лежу,
За вражьим в степи рубежом слежу,
От ветра дрожу,
От злости дрожу,
Но в немца пулю свою всажу.

Четвертый день стреляют по мне.
Я день и ночь в кольцевом огне.
И ярость в груди закипает вдвойне:
Всё — как полагается на войне.

Четвертый день мне обеда нет,
Видать, потеряли друзья мой след,
В глазах замирает порою свет,
Но будь он неладен, этот обед.

И жизнь не в жизнь, если враг живет,
Поля наши топчет,
Пшеницу жрет,
Бесчестит род мой,
Неволит народ,
А я отступлю — и меня убьет.

Нет, дешево жизни не уступлю,
Всё горе, все муки перетерплю,
Я буду жить.
Я немца свалю! —
Свинцом не убью — штыком доколю.

Ребята, сердца наши бьются влад.
Есть место в окопе — ложитесь в ряд.
Не выдержим — дети нам не простят.
Так выдержим:
Крепок русский солдат!

1942

Сталинградский фронт

ЭТО БЫЛО НА ВОЛГЕ

Это было на Волге, на великой русской реке.
Немцы с берега, с кручи подбили наш
бронекатер,
И его по течению к вражеским рубежам
Понесло, колыхая, как раненого баклана.

А чудес не бывает даже среди моряков.
В Волгу вытек бензин, вода заливала отсеки.
Остывали моторы, как стынут в степях
мертвецы,
И река вспять не шла. Надвигался вражеский
берег.

Это было на Волге, не на море — на реке,
Но морские законы живут и на пресных водах.
Людям в черных бушлатах даны большие
сердца.

Нерушима вовеки матросская ратная дружба.

Не злорадствовать немцам!
На выручку кораблю,
Развернувшись, пошел в огонь другой
бронекатер.
Сверху ринулся он, как дельфин, разбивая
волну, —
Волжским танком прозвали его бойцы
Сталинграда.

Никогда не забудется эта свистящая ночь.
Бронебойные пули летели над голевами,
От цветных огоньков в рубке было светло,
как днем.
Командир курил давно недымившую трубку.

Это было на Волге, на великой русской реке.
Задний ход под обстрелом, как танец над пропастью, страшен.
Дали задний матросы, и новый буксир завели,
Второпях своим телом пробоины закрывали.

Пусть услышат меня наши жены и сыновья,
Пусть всплакнут наши матери, гордые нашей
славой,
Пусть поймут дорогие, на чем мы держались,
когда
Снова лопнул буксир и концы погрузились
в воду.

Командир бронекатера встал во весь рост на корме. Трижды рвался буксир и четырежды пятился катег. Волны били в борта и откатывались, удивлены Силой раненых наших, которые не стонали.

Глубока наша Волга — источи ее щироки,
Ратной дружбой крепка благородная наша
держава.
Что бы стало с рекой — не струйся в нее ру-
чейки!
Что бы стало без дружбы с военною нашей
славой!

Это было на Волге, на великой русской реке...

1942
Борт „Усыскина“
Под Сталинградом

А Т А К А

В сырой траве, за буераком
Лежал он молча и курил,
Когда пронесся крик:
— В атаку!
И пулемет заговорил.

И сразу осокори, ели,
И рожь, и камни, и песок
Зашевелились, загремели,
И кровь ударила в висок.

Да, он в боях держался смело,
Но каждый раз, как в первый раз,
В нем всё сжималось, холодело,
Лишь наступал сраженья час.

По травам, вверх от переправы
Неслась в огонь морская часть.
Он перескакивал канавы
И думал только:
„Не упасть!“

Всё проплывало, как в тумане,
Порой рвалась сознанья нить.
Завидев немца на кургане,
Он думал об одном:
„Убить!“

И, раньше всех прорвавшись к цели,
Два диска в схватке разрядив,
Он в теплый мох у старой ели
Упал и вслух промолвил:
— Жив!

Во рту горчило.
Было жарко...
Он вспомнил, что курил в логу,
И злобно выплюнул цыгарку,
Изжеванную на бегу.

1943

КОНТР-АДМИРАЛ

Памяти контр-адмирала Хорошхина

Он был на катере, когда
Над плесом вспыхнула ракета.
Кругом не Волга — море льда,
И катер от облавы света
Не мог укрыться никуда.

Он был на катере, когда
Снашету мина борт пробила
И кто-то вымолвил: — Беда!
Через пробоины забила
В отсеки жирная вода.

Не раз бывавшие в беде,
Матросы с бранью, кулаками
Зажали все пути воде:
На Волге, под Москвой — везде
Они держались моряками.

Седой в очках контр-адмирал,
Плечами рубку распирая,
У щели смотровой стоял.
Когда рвалась броня стальная,
Он сам хватался за штурвал.

В протоки набивался лед
Сплошною серою громадой, —
Он говорил одно:
— Вперед!
Нас ждут причалы Сталинграда. —
И катер находил проход.

Враг вылез из прибрежных нор.
Контр-адмиралу доложили,
Что снова немцы борт пробили,
Из строя выведен мотор —
Осколки муфту развалили;

Что в днище два фонтана бьёт,
Воды по пояс будет вскоре,
Что катер замедляет ход...
Контр-адмирал сказал:
— Вперед!
К рассвету фронт снарядов ждёт,
Пробьемся на одном моторе. —

Всему на свете вопреки,
Сквозь лед, свинец и гром орудий
Шел катер,
Шел в изгиб реки.
Держались твердо моряки,
Но моряки ведь тоже люди.

От пуль не скрыться никуда —
Стучали в борт, как дождь по крыше,
Лишь рубка — крепость, лишь туда
Не проникала смерть,
Тогда
Контр-адмирал из рубки вышел.

И вот на срезе — на краю
Его увидели большого,
Давно знакомого, родного.
Все подтянулись, как в строю,
Хоть он не вымолвил ни слова.

Кто на ходу ни кинет взгляд —
Всем кажется:
Опять чернеют
На нем, как много лет назад,
И бескозырка, и бушлат,
И за плечами ленты реют...

И вот он — дымный Сталинград.
Причал,
И ветви зеленеют.

1942
Сталинград

М О Р Я К

Он в море ни разу не был,
А все зовут моряком.
Он с волжской водой и небом
Со школьной скамьи знаком.

Ходил на лодочонке дряхлой,
Под ветром осенним дрог.
И дёгтем и рыбой пахло
От рыжих его сапог.

Широкий, черноволосый
Шагал в родное село,
И девичьи ленты и косы,
Как ветром, к нему несло.

Под ним прогибались сходни,
Досчатый скрипел баркас...
На вид ему и сегодня
Никто сорока не даст.

Когда подошла в Царицын
Флотилия катеров
И стал деревянный Царицын
Границей меж двух миров,

Когда угрожал штыками
Поволжью красновский Дон, —
Он к Сталину с рыбаками
Явился в штабной вагон.

Одёрнул рывком рубашку,
Чешуйки с неё смахнул,

Сорвал с головы фуражку
И прямо к столу шагнул.

— Товарищ Нарком! — сказал он, —
Я не учён войне:
Ловлю осетра, сазана...
Но дайте работу мне.

Все глуби на Волге знаю,
Все отмели и пески,
Чирков на лету стреляю, —
Возьмите меня в моряки.

Могу паруса поставить,
Палатки разбить на лугу,
На плесах при переправе
Командовать могу.

Смolio корабли и снасти,
Гожусь на любой баркас...
По вашей, товарищ, части
Издайте такой приказ!

Ему улыбнулся Stalin:
— Видать по всему — моряк!
На катер его послали,
Достал он себе тесак,

Сорвал козырек с фуражки,
Морскому наряду рад,
Морскую нашел тельняшку
Поношенный бушлат.

Водил караваны с хлебом,
Соленой казалась вода.
А в море ни разу не был, —
Какая ему беда!

* * *

На улицах Сталинграда
Я повстречался с ним.

В огне была баррикада,
Удушливый стлался дым.

— Стоим! — он сказал, и руки
На автомат положил.
Он был в сапогах, но брюки,
Как встарь, на выпуск носил.

Попрежнему, мало горя,
Он Волгу свою любил.

— И чем она хуже моря?! —
Товарищам говорил.

На дне ее — по сказаньям —
Лежат сундуки серебра.
Богата уха сазанья,
Стерляжья уха добра!

Мы с ним постояли недолго,
Он шел с моряками вперед.
На Балтике и на Волге
Хороший они народ.

1941-1943

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Враг утром реку пересек
И сбросил бомбы над селеньем.
Был гром и гул землятресенья
И кровь окрасила песок.

Но вот в просвет средь темных туч, —
Мы даже вскрикнули: — Гляди! —
От солнца вниз скользнул, как луч,
Наш краснозвездный истребитель.

Скользнул, как сокол со скалы,
И берега повесели, —
А люди покидали щели,
Подвалов душные углы.

В тот миг он был для нас, как жизнь.
Лишь пулеметы застучали,
Казалось, все мы с ним взвились,
Все за разбойником гнались,
Все истребителями стали.

Пике, скольжение, разворот,
Заход для лобовой атаки,
Еще заход — с хвоста,
И вот
Качнулся вражий самолет,
Метнули пламя бензобаки

И носом, носом в пыль, в песок
Он рухнул с тяжкой трупной силой.
Земля, взгревев, его накрыла.
Для всех, кто реку пересёк,
У нас была в степи могила.

Торжествовали мы! Не счесть
Разбитых крыльев в балках, в хлебе,
Как видно, справедливость есть
Не только на земле,
И в небе.

1942
Средняя Ахтуба

ФЛАГ

Шел бронекатер под огнем
К высотам Сталинграда,
Был перебит флагшток на нем
Осколками снаряда.

На миг взметнувшись над рекой,
Над бурным поворотом,
Упал в пучину флаг морской,
Так падает, взмахнув рукой,
Боец под пулеметом.

Мелькнула в пене на волне
Полоска голубая,
Мелькнула звездочка над ней
И смеркла, упливая.

Но снова вспенилась волна:
Бушлат на рубку кинув,
С кормы метнулся старшина
За флагом вслед, в пучину.

Он плыл, скрываясь с головой,
То, как дельфин, взмывая.
Ложились пули вокруг него,
Нам душу надрывая.

С огнем и бурною водой
Он бился зло и долго.
И вновь поднялся флаг морской
Над катером, над Волгой.

Как тот, что реет над Кремлем,
Над всей моей страною,
Мы с этим флагом в бой идем,
Под ним живем,
Под ним умрем,
Под ним стоим стеною.

Флаг трепетал, дымком повит,
Кричал: „Назад ни шагу!“
Он не запятнан, он пробит, —
Тем больше чести флагу.

1942

Волжская Военная Флотилия

ПОЛЕ БОЯ

Над пшеницей стаи птиц,
Конопля с вороньим граем,
Свет без края, без границ —
Это полем называем.

Есть другое: рвы в пыли,
Да огонь на суходоле,
Гром от неба до земли,
Стон и кровь...
А тоже — поле.

Все бегут и ты несись,
Ничего не различая,
Все лежат и ты ложись,
В землю голову вжимая.

Можешь землю не пахать,
Чем решишь заняться — волен,
Будет цвесь и вызревать
Без тебя ржаное поле;

Ни на чей удел заказ
В нашей жизни не положен.
Но на поле боя должен,
Должен ты побить хоть раз,

Испытать солдатский труд,
Да поспать в корнях у ели
И когда потоки льют,
И когда метут метели,

Чтоб по-новому любить
Всё, чем с детства мы богаты,
Чтобы жизнью дорожить,
Цену знать ей, как солдаты.

1948

К Р О В Ъ

В. В. Вишневскому

Шли в бой по снегу моряки.
Была ясна степная даль.
На всем пространстве от реки,
Сверкали тонкие штыки,
Трехгранная дышала сталь.

Казалось, кроме этих жал,
Протянутых за край земли,
Мир ничего в тот миг не знал:
Штыки людей вперед влекли,

Несла, казалось, чья-то власть,
Слепой закон толкал на рать.
Одно желанье — не упасть,
Одна надежда — не отстать.

Бой смолк.
Немало молодых
На смерть споткнулось на бегу —
Один упал...
Другой затих...
И пятна крови возле них
Флажками рдели на снегу.

А руки — в них не стихла жизнь, —
Всё бороздили берега
И вдаль тянулись:
Всё дрались,
Рвались за горло взять врага.

И стало ясно: не штыки,
Не сталь, не страх людей вели.
Недаром красные флагжи
В сердцах своих бойцы несли.

1943

В О Л Ж А Н И Н

На любой захолустной площадке
Узнавали его по посадке:
Сколько он по Союзу летал, —
Он хозяином на небе стал.
Сколько летчиков нашей страны
С ним взялись бы лететь до луны.

Эвероловы с далекой Чукотки
Узнавали его по походке:
Вот бы с кем поработать в лесу —
Нож — за пояс,
Ружье — на весу.
Он не даст косачу улететь,
От него не спасется медведь.

Узнавали друзья по ухватке,
Да по строгой, пытливой поглядке,
По тому, как он шлем надевал,
Проверял перед взлетом штурвал,
И подолгу лежали в траве,
Чтоб его отыскать в синеве.

Вся земля загляделась при встрече
На широкие волжские плечи.
За границы неслась, за моря
Басовитая речь волгаря.
Узнавал его русский народ,
Как отец сыновей узнает.

Сколько раз мы над волжской твердыней
В синем небе, над Волгою синей

Узнавали его соколят
По тому, как взмывают, парят,
Как ныряют в заоблачной мгле,
Как врагов пришибают к земле.

1940-1943

УЛЬЯНОВСК

В этом городе вырос Ленин,
В доме, тесом обшитом, жил,
В первый раз через эти сени
В неустроенный мир ступил.

Все далекое воскрешая,
Голубой отражая свод,
Всем родная и дорогая
Волга-матушка здесь течет.

Деревянные спуски узки,
Палисадники широки...
Всё по-волжски
И всё по-русски
До последней резной доски.

В доме этом учился Ленин,—
Против окон зеленый сад,—
Износившиеся ступени
След его башмаков хранят.

Здесь, наверно, имел он друга,
Ожидал его у стены...
Каждый камень и каждый угол
Здесь навеки ему верны.

В осень памятную из тумана,
Озарен огнем баррикад,
Над веками встал великани
Брат Ульяновска — Сталинград.

Молодых моряков отряды,
Породнившись с его судьбой,
Уходили вниз, к Сталинграду.
Ленин их провожал на бой.

Грянул час победного залпа,
И от вольной родной реки
Повернули войска на запад
В направлены его руки.

1943
Ульяновск

ПЛЕННЫЕ В СТАЛИНГРАДЕ.

Снарядами изрытою тропою
По серым грудам щебня и золы
Они идут оборванной толпою, —
Шаги угрюмы, взгляды тяжелы.

На лица их, багровые от крови,
Показывают детям: — Немцы — вот!
На целом свете казни нет суровей,
Чем ненависть в глазах детей-сирот.

Пугливо озираясь, словно воры,
Они идут.
Нет, их теперь ведут.
Как им хотелось видеть этот город.
Вошли. Глядят.
Как будто смерти ждут.

Дома, подорванные их руками,
Грозят упасть, закрыть для них проход.
Они шарахаются: каждый камень
Подошвы ног им леденит и жжет.

Боец-моряк шагает с ними рядом.
— Проклятые! Уже нельзя их бить.
Щади их сон, не трогай их прикладом;
Они в плену и, значит, будут жить.

Их мало сжечь.
Но свят закон солдата:
Давай им хлеба, мяса и воды...
Моряк отводит дуло автомата,
Чтоб, — не дай бог, — не натворить беды.

1948
Сталинград

ВО ФРОНТОВОМ ГОРОДЕ

Пылали всю ночь крутые яры.
Дышали мы пеплом, летящим мимо.
Пожары ползли к кораблям с горы...
Но мне было жарко не от жары:
Не разыскал я своей любимой.

Перебегая из щели в щель,
Метался весь день в районе вокзала,
Где утром еще она проживала.
От пыли и грязи моя шинель
Из черной — армейскою, серой стала.

Что будет с любимою?
Даже броня
Горит, как тесина, дороги тлеют...
Тогда нам казалось:
Ничто от огня —
Ни небо, ни воздух не уцелеют.

Лачуги, сколоченные из досок,
По желтым обрывам, над зеленью балок,
Стряхнув с чердаков вековой песок,
Как свечи, вспыхивали от „зажигалок“.

Но утром, когда рассеялась мгла,
Увидели мы в проступившей дали,
Что трубы и башни не дрогнув стояли,
Что новые наши сады и дома,
Казалось, к себе прикоснуться не дали;

Что всё, чем гордился родной народ,
Чем славилась Волга в последние годы —
Рабочие улицы, клубы, заводы —
Живет, несмотря ни на что, живет!

Мальчишки сновали по мостовым.
Припомнились школьные перемены...
И мы — как увидели:
Здесь устоим,
Хотя б довелось против всей вселенной.

Повеселев, я поверил тогда,
Что встречусь с любимой,
Что годы иные
Застанут нас вместе, что минет беда:
Как город, она была молода,
Из жизни легко не уходят такие.

• • • • • • • • •

Спустя два иль три беспокойных дня,
Узнал я, что вместе с больничной сестрою
Она выносила людей из огня,
И было ей вовсе не до меня:
Такою — знал,
И люблю такою.

1942
Сталинград

ВЫСОТА

Волжские в дымке степной места,
Желто-зеленые редкие травы.
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони отсюда река,
Город рабочий — как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чёбра и молочая.
А у подножья — балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья — дубы, ручей,
Заячий тропки и птичий гнезда.
В тихом теченьи летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Все в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили, —
Небо без копоти,
Ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Лучшего друга немцы убили.

1942
Сталинград

ПАМЯТИ БРАТА МИХАИЛА ГОРЧАКОВА

Брат мой служил на Северном флоте.
Я его в люльке, бывало, качал.
Брата убили в морской пехоте
Где-то среди заполярных скал.

Помню, на зайцев ходили вместе...
Мама теперь осталась одна.
„Где он, в каком похоронен месте?“ —
Молит меня разузнать она.

Благословляя на новую битву,
Просит:
„Найди его след, напиши.
Встань над могилой, прочти молитву
За упокой невинной души!“

Знаю тоски материнской силу.
Справлю поминки в новом году.
Только искать родную могилу
Я не на север — на запад иду.

Там у врага, под небом багровым
Всех, кто страдал, подниму на войну,
Клятву исполню:
Делом — не словом
Брата и всех друзей помяну.

Так помяну, чтобы камни стонали,
Чтоб по садам прошел суховей,
Чтоб на могилах немки рыдали
И навсегда другим заказали
Слать на восток с войной сыновей.

НА СТАНЦИИ

Маленькая станция близ Волги,
В зелени грачи и три гнезда.
На вокзале девушка подолгу
Взглядом провожает поезда.

По походке и по разговорам, —
По всему — не здешняя она.
Рукава в малиновых узорах,
Поясок цветного волокна...

Садики вишневые далеко,
Месяцы разлуки тяжелы.
Эшелоны движутся с востока, —
С пулеметов скинуты чехлы.

Лица уезжающих суровы, —
Взгляда от бойцов не отвести.
Скоро ли до города родного
Поездам откроются пути?..

Девушка! слышны раскаты грома,
Наши танки мчатся по степи.
Не тоскуй, ты скоро будешь дома,
Скоро путь расчистим, — потерпи!

1943
Ст. Ковылкино

II

В ПОХОДЕ

Оставалось до рассвета
Два часа иль пять —
Кто бы мог сказать?
Справа, с берега ракета
Поднялась опять.

А до смерти что за сроки, —
Час иль много лет?..
И спокойных нет,
Нёсознанной тревоги
В каждом сердце след.

Но простой закон похода
Выпрямляет всех,
Сыщен даже смех.
Только вредная погода
Выдалась на грех.

Месяц, словно дурень, светел,
Вымпелы видны.
Звезды зажжены,
И кому светила эти
В час такой нужны?!

Не стоится, не сидится.
Вражий порт вдали.
Быстры корабли.
Надо с боем ухватиться
За клочок земли.

Перекинется пехота
Через высоту,

Тоже на свету, —
Развеселая работа
Закипит в порту.

Наконец, сбыла тревога:
Близко берега...
Развернулись пушки строго-
В сторону врага.

Ноябрь, 1943
Черноморский флот

В КРЫМУ

Земля тосковала по русской речи,
Два года была в огне и в дыму.
Враги, всё живое перекалечив,
Учили ее языку своему.

Но суд начался правый и скорый.
Мы закрепились на берегу,
И, боже мой, как засияли горы
Какой по ущельям понесся гул!

Горячий песок скрипит под ногами,
Вода в борта корабельные бьет.
Земля, что лежит еще за холмами,
Зовет нас к себе, торопит вперед.

По желтому скату,
По кочкам зеленым
Бегу к родниковой воде во рву,
Как на свиданье мальчик влюбленный,
И падаю, радуясь, на траву.

Все необычно, для сердца ново —
От серых долин до сизых высот.
И ветер каждое наше слово,
Как откровение, вдаль несет.

Поднявшись в рост на камне лобастом,
Приветствуя:
— Здравствуй, родная земля!
И горы мне отвечают:
— Здравствуй!
И низко склоняются тополя.

Кричу в озаренные днем просторы,
Напоминаю родные слова:

— Огонь!

— Огонь! — отзываются горы.

— Москва! — кричу.

Повторяют:

— Москва!..

Не слышали, верно, ни разу и деды,
Чтоб горы так ликовали здесь.

Для нас это эхо — голос Победы,

Для немцев — о мести, о смерти весть..

Земля мся —

В гальках, в зеленых росах, —

Расправь свои плечи, живи, цвети!

Ты — наша.

Мы снова с тобой — матросы.

Для немцев отрезаны все пути.

Уже из пещер, из ущелий и гротов
Выходит на солнце родной народ.

— Вперед! — кричат моряки и пехота

И горы, как гром, повторяют:

— Вперед!

1944

НАД СИНИМ ЗАЛИВОМ

Сыну Яше

Над синим заливом заняв поселок,
Мальца моряки подобрали в плавнях.
В его глазах, далеко не веселых,
Увидели ужас боев недавних.

— Как звать? — спросили.
Ответил: — Коля!
А Коли дома у многих были.
И сироту рыбака в отряде
Усыновили и полюбили.

Большие и очень строгие дяди
При нем, как умели, шутить старались,
Смешно прищелкивали языками,
Смешно, не по-взрослому, улыбались.

Устроили Колю в землянке связистов,
И с поля боя по телефону
Нередко от целых подразделений
Передавали ему поклоны.

Из выходов в тыл,
Из смелой разведки.
Как сыну ягоды с сенокоса,
Ему то пряники, то конфеты
В противогазах несли матросы.

И куклу, и кошку достали где-то
Но мальчик сурово сказал:
— Не играю!

Тогда надарили ему пистолетов,
Трофейных ручек и зажигалок.

В соседней части нашли портного —
Фуражку и китель суконный сшили,
Не пожалев галуна золотого:
Он стал капитаном 2-го ранга.

И, наконец, в тылу батальона,
О детях родных, о сынах мечтая,
Устроили с мальчиком вечер встречи,
Как будто с большим столичным актёром.

Мальчишка рос спокойный и сильный.
Но сколько бойцы его ни ласкали,
К нему уже не вернулось детство:
Он видел, как мать фашисты распяли.

Мой сын! Для тебя, как о лучшей школе,
Мечтаю о дружбе с матросским Колей,
Тебе бы понятней рассказы стали
О немцах —
За что мы их убивали.

И как тосковали мы все, бывало,
О вас, о родных, —
А вы за Уралом,
И как мы рвались, рвались за врагами
На запад, чтоб встречу ускорить с вами.

1943

ЛИЦО ВРАГА

Начни от Волги, иди на запад,
Сады искалеченные обогни,
По балкам, где трупный держится запах,
Где вороны бродят с кровью на лапах,
Где в пятнах кровавых черные пни.

На пнях просмоленных чубы рубили,
На яблонях вешали старииков.
Иди по дорогам средь пепла и пыли.
Здесь немцы на каждой росстани были —
Целы еще язвы от шин и подков.

Шагай по разобранным, рваным шпалам,
По рельсам, по спутанным проводам,
По изуродованным вокзалам.
Сверни на Кавказ к расколотым скалам,
К сожженным аулам и городам.

И крымские горы хлебнули горя,
Из-под камней выступает кровь.
Красно от крови Черное море,
Глубокие рвы среди плоскогорий
Заполнены трупами до краев.

Пусть сердце твое сильнее забьется.
В полях приднепровских растет лебеда,
Где немец прошел — даже хмель не вьется,
И нет незахламленного колодца,
Не засоренного нет пруда.

Война отгромит, как землетрясенье,
И реки опять войдут в берега,
Но мы сохраним два иль три селенья,
Не тронув,
 чтоб новые поколенья
Не забывали лицо врага.

1944

РАССВЕТ

Сквозь стекла и ветки акаций и воздух
Я вижу гор фиолетовый очерк.
Уже померкли, потухли звезды,
Уже прошло обаяние ночи.

Замолкли цикады в кустах и травах,
Песок не скрипит, недвижны каштаны
И вместо луны в облаках величавых
Одни туманы.
И только туманы.

Они ползут в ущельях зеленых,
В долины текут, как пенные реки,
Туманом забиты аулы и склоны,
И кажется, дня не будет вовеки.

Но тронет акацию первый ветер
И всё начнет приходить в движенье,
Земля встрепенется в солнечном свете,
Откроет глаза.
Придет пробужденье.

1943

СИЛА ЕСТЬ

Как мертвый, лежу на вершине скалистой,
Не шевелясь, замерев лежу.
Земля не колеблется, небо чисто,
Прищурясь, в чистое небо гляжу.
Кузнецик возится у виска,
Песок на губах — не сдуваю песка.
Орел парит над моей головой...
А я живой.

Последний грохот предгорного боя
И дым по расщелинам разнесло,
И всё зеленое, всё голубое
Вдвойне засияло и расцвело.
Внизу среди скал и круглых озер
Мои товарищи жгут костер.
Все живы: последний выигран бой.
И я живой.

Орел всё ниже, всё ниже, ниже.
Лежу неподвижен. Затих. Застыл.
Уже рябоватые перья вижу
Его тупых, распластанных крыл.
Всё явственней шум, всё уже круги,
Вот-вот налетит — глаза береги.
Темнеют когти и клюв кривой...
Но я живой.

Пропала вялость, исчезла усталость,
И я опять напрягаюсь весь.
Как тяжело в боях ни досталось,
В нас сила нетронута, крепость есть.

От сердца к пальцам пошел огонь,
Слежу за разбойником: — Ой, не тронь!
Узнаешь сейчас, поплатясь головой,
Что я живой.

1943
Кавказ

В НОВОРОССИЙСКЕ

Брешь в стене черна, как прорубь,
И в проломе над окном
По утрам воркует голубь,
Разыскав свой старый дом.

Прямо в спальню смотрят звезды.
Крыши нет, но есть уже
Между балок птичьи гнезда
На четвертом этаже.

Возвратились в город кошки,
На крылечках морды трут,
И, хотя в домах ни крошки,
По-оседлому живут,

По ночам собаки лают:
Заселили конуры
И хозяев ожидают,
Стерегут свои дворы.

Где-то песню слышно... Словом,
Город ржил, сад зацвел,
Потому что в город снова
Человек пришел.

1943
Новороссийск

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

Над Малой землею красный флаг.
Далеко сегодня разбитый враг.
На Малой больше не быть врагу,
Но памятны битвы на берегу.

Вхожу на землю на Малую,
На талую,
В боях бывалую.

Это не остров:
Земля узка—
Кусочек травы, полоска песка,
Израненный локоть материка.

И не поселок, не город она.
Станичка была --- огнем сметена.
На ровной поляне — щепа одна.

Границы траншеями обведены.
Пять линий окопов в рост глубины.
Пять линий окопов,
Короткие тропы,
Разбитые крылья
И ржавые стропы.

Завалов
петля
Две земли разделяла.
О Малой
Большая земля тоск овала.

Вхожу на землю на Малую
На огненную, небывалую,
Целую песок, траву тормошу,
Холодною пылью земли дышу.

Но Малой земли уже нет давно,
С Большиою Малая нынче — одно,
И, значит, я не на Малой стою,
Я не стоял на ней в бою.

Не Малую землю я целовал,
Не к ней припадал,
Не по ней шагал.

Я был в Ленинграде,
Потом в Сталинград
Война меня бросила: я — солдат.
Но грустно, что я не на каждый порог
Как вестник свободы явиться мог.

Что без меня, раздавив врага,
Сомкнулись днепровские берега,
Что Прут и Днестр под градом огня
Перешагнули мы без меня.

Землю обездоленной каждую пядь
Хотелось бы мне самому отбивать.
И видеть хочется всей душой:
Сольются — настанет же день такой! —
Все Малые земли с нашей Большой,
Как малые реки с большой рекой.

1944
Мысхако, Новороссийск

9 МАЯ 1944 ГОДА

Много песен у моря.
Сегодня все до одной,
Весеннему ветру вторя,
Разносятся над страной.

Света у моря немало,
Но было ль еще когда,
Чтоб, как сегодня, сияла
Чтоб так светилась вода.

Много больших, любимых
Есть городов у нас, —
Трудно проехать мимо,
Не заглянув на час.

Но этот мы знаем с детства,
Навеки сроднились с ним.
Как славы морской наследство,
Мы Севастополь чтим.

От прадедов, от дедов
Завещанный редут.
Так здравствуй, здравствуй, Победа!
Греми над Москвой салют!

Развалины, клубы дыма,
Что ни проулок — шрам...
Но и руины любимы,
И камни дороги нам.

С десяток домов едва ли
Стоит средь холмов и скал.

Но встанет он из развалин,
Как в прошлом столетии встал.

Раскинется, разодетый
В сады,
опять молодой,
И моря зеленым светом
И солнцем залитой.

9 мая 1944 г.

* * *

Весна по всем дорогам,
По всем фронтам идет.
На севере далеком
Яснеет небосвод.

Над лесом пух летает,
И в солнце вся земля.
Оно огнем играет
На куполах Кремля.

Оно в глазах оленя,
И на его рогах.
В морской зеленой пене
На крымских берегах.

Оно на горных скатах,
На скалах, на песке,
На диске автомата
И на живом цветке.

Оно лучится в травах
На ратном рубеже,
На водных переправах
И в узком блиндаже.

У нас земля такая:
Просторна синева,
В горах — вода живая,
В лугах — разрыв-трава.

Одну ольху наклонишь —
Весь лес шуметь начнет,
Кого из нас ни тронешь —
Поднимешь весь народ.

1945

* * *

Очень много солнечного света,
Над землей стоит голубизна,
Кажется, — в сиянье разодета,
Изнутри земля освещена.

Над высоким берегом пушинка,
Как звезда далекая, плывет,
Солнцем смотрит каждая былинка,
Каждый камень птицею поет.

Мимо сотен, тополей и туи
С сизых скал срываются ключи,
Водопад — светящиеся струи,
Солнечные брызги и лучи.

Золотыми дивными столбами
С облаками лес соединен.
Над морским раздольем,
Над песками
В миражах высокий небосклон.

Очень много солнечного света,
Будто счастьем все озарены.
Думаю:

таким — зимою? летом? —
Будет окончание войны.

Заблестят слезинки на ресницах,
Флаги, флаги вскинутся вдали,
И в твоей улыбке отразится
Всё сиянье неба и земли.

1943
Геленджик

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ БОЙЦА

Скоро ли буду в родном лесу,
Ягод наемся, увижу косого,
В старый слопец изловлю лису,
Туес ершай принесу из ночного?

Скоро ли буду в родном дому,—
Издали встретят четыре березы,—
Скоро ли мать и сестру обниму
И обмакну счастливые слезы?

Всех повидать, обо всем расспросить,
Полем пройти,
Поздороваться с лугом!..
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?

1944
Черноморский флот

КАНАВА

Через сколько-то годов,
Проходя по вешним травам,
Ты увидишь в поле ров,
Нет, не ров, — скорей, канаву

Неширокую, в цветах,
Затерявшуюся где-то:
Справа — в соснах и кустах,
Слева — в сизых волнах света.

Хоть на вид она чиста,
Не ходи канавой босым,
Пусть осока в ней густа,
Не коси — сломаешь косу.

Под зеленым дёрном есть
Среди кашки и метелки
Гильзы рваные, и жесть,
И снарядные осколки.

В этом поле битва шла,
Над канавой мгла стояла,
В ней осока не росла,
Кровь на дно ее стекала...

Над канавою постой,
Припади к равнине ухом,
Подымы патрон пустой,
Может, гром дойдет до слуха.

Может быть, еще огонь
В этой ржавчине таится,
Может быть, твоя ладонь
Жаждой битвы загорится.

Не отец ли твой лежал
Здесь, за выступом горбатым,
И не он ли это снял
Рубчатый чехол с гранаты?

И не тот ли бугорок,
Против немцев став горою,
От свинца его сберег
Предвечернею порою?..

За каким-то бугорком
С новым ратным поколеньем
Будешь ты лежать ничком
Перед штыковым сраженьем?

Из какой канавы ты,
Сняв чехол с ручной гранаты,
Словно свет из темноты,
Ринешься на супостата?!

1943

ШТОРМ

Ветер который день не стихает,
Верно, такой никогда не дул,—
Камни ворочает,
Землю качает,
Не умолкает над морем гул.

Волны о берег скалистый бьются
И подымаются на дыбы,
Будто глубинные бомбы рвутся —
Пенные к небу летят столбы.

Голы холмы и деревья голы.
На небе тучи, как черный чад,
Словно и там аулы и села
И города родные горят.

Только китам подстать это море.
Рыбы — в глубинах, птиц — ни души...
Слава же тем, кто умеет спорить
С бурями на море.
Слава большим!

Слава — кому ураган не страшен,
Кряжу скалистому — тверд гранит!
Слава таким державам, как наша:
Землю качает — она стоит!

1944
Черноморский флот

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Влюбленный в землю, в полноводье рек,
В леса родные, в голубые своды,
Стоит Великий Русский Человек
На страже мира, света и свободы.

Все грозы перенес, и одолел,
Степные пустыри преображая,
Тьму половецких оперенных стрел,
Мечи тевтонов, и мечи Мамая,

И шведские кичливые полки,
И пестрые полки Наполеона...
До неба вскинув острые древки,
Он шел в штыки и вражьи брал знамен:

В своей стране свободу отстояв,
Поднявшись с красным стягом над веками..
Он смял в бою четырнадцать держав.
Заморскими бряцавших кандалами.

Всем обездоленным и друг и брат,
Радетель гостю, слабому — защита,
Для бедных он, отзывчивый, богат,
Для алчных неприступнее гранита...

И в день, когда метнулись на восток
Под свастикой сто семьдесят дивизий,
Он не с поклоном вышел на порог,
А зубы сжал и гордо принял вызов.

Стонали стоном рощи и луга.
Нам смерть была назначена на осень.

А он всем миром вышел на врага
И полчища немецкие отбросил.

Сын Белорусси
Украины сын!
Пожмите руки ратнику России.
За вас горой встал русский исполин,
Вы все невзгоды вместе выносили.

На пире дружбы, горец-тамада,
Твой первый тост — за русского собрата,
Он был с тобой, когда пришла беда.
Да будет родина твоя богата!

Акыны! Гряньте песню на весь мир
Во славу русской силы и богатства,
Его воспойте:
Он и ваш батыр.
Да крепнет наше радостное братство!

Прошел от моря и до моря враг.
Но русский витязь недруга осилил.
Британия! Ты не спустила флаг:
И за него дрались сыны России.

Когда б не русский, только пустыри
Остались на просторах плодородных.
Америка! Его благодари:
За всех свершал он подвиг благородный

Влюбленный в землю, в полноводье рек,
В леса родные, в голубые своды,
Идет вперед Советский Человек
Дорогой славы, света и свободы.

1943—1944
Черноморский флот

III

НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог,—
Тогда прямой, с пушистой желтизною,
Откуда ни возьмись степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как всё твое предельно стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна,—
Война все чувства наши обострила.

Просторны тёсом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что всё перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

ПРИСКАЗКИ

Бабушке Авдотье Павловне Поповой

I

Метель вертела землю. Падал снег
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Всё чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет.

Чуть прояснеет,
Скрипнет журавель —
Возьмут воды хозяйки из колодца
И вновь сорвётся с привязи метель,
И снова рев по всей земле несется.

Счастлив тот путник, что нашел окою.
Условился заране о ночлеге...

В избе, как в бане,
Жарко и темно
И душно, словно в ноевом ковчеге.

Кряхтя, согнувшись, лезли в дверь плечом
Хозяева семей, махру курили,
Скучали, вспоминали — что почем;
О сенокосах, ржи, о снах, —
О чем,
О болестях каких ни говорили?

В такую пору некуда итти —
Ползут сугробы по любой дороге.

А хлеб поделен, ржи в амбарах много...
В такую пору лапотки плести,
Плести бывальщинку --
Она в чести, --
К порогу вытянуть босые ноги.

— Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковер летучий, да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги! --
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы --
Ни холода, ни тряски.

— Авдотьушка,
Давай, родная, сказку!

И, подбородок подперев рукой,
В сединах вся, как в хлопьях снежной пыли.
Заговорила бабка:
— Жили-были...
Так шелестит осинник над рекой.

А снег всё шел.
И мужики курили.

II

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свежевал ее, и ел.
Живая
Широкая, зажатая в клыки,
Горбуша била зверя по глазам.
И разнеслось рычанье по лесам.

Охотники, подкравшись с трех сторон,
Договорились, чтоб не портить шкуры.
Стрелять лишь двум.
Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он

Уже впеньмах спешили к шалашу,
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В темные лога,
На просеки плашмя упало небо.
За мясом рысь пустилась, мышь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра.

III

Вышла девка на косой откос
С золотой косой густых волос,
Под косынку косу убрала,
На стальной косу налегла
Да прошла береговой косой,
По зеленои по траве с косой,
Полосой прошла не раз, не два —
Прослезилася росой трава.

Далеко от дома сенокос.
Надо брать с собою хлеба воз,
Две недели надо спать в лесу,
По утрам сбивать с травы росу,
В полдень сено теплое грести —
Вёдреной поры не упустить.
Вечерами, скинув тяжесть с плеч,
Спать без сказки никому не лечь.

У лесной избушки дым и гам.
Лягут косари у очага,
И тайга замрет, и дым замрет:
Всё глядит седому деду в рот.
Складно врет в делах бывалый дед:
Лыко в строку —
Слово слову вслед.

И пойдут по лесу лешаки,
Опираясь на кушаки,
Вилами азям перевязав,
Ноги в руки,
На ремень глаза,
Дальнюю дорогу на плечо,—
Дед их знает всех наперечет.
Машут в соснах лешаки кольем...

Было всё
Да поросло быльем.

Все устало свалится к костру,
Лишь не спит бывальщинка в бору
Складная, как песня на пиру—
Носа не просунуть комару.

* * *

Так по сузёмам Юга и Двины —
В лесах разлапистых,
В домах старинных,
Окуренные на века в овинах,
Живут поныне сказки и былины,
Бывальшины,
Побаски старины.

Они, как взлет натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...

Все лето
По всему родному краю
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом — необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи,—
Артельный сказочник, кудесник дед,
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блёстками свинца
Струит Двина просмоленные воды.
Плынут плоты при всякой непогоде —

Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течет рекой, то солнечной, то мглистой
В узорчатых
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расшитых берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету?!

Одну из них поведаю я свету, —
Наставь, родимая, на светлый путь.

1937—1939

ВЕСЕННЕЕ

Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою

И вышел в чащу, разминая плечи,
И жмурился —
Вокруг еще бело.
Он, верно, ждет со мною новой встречи,
Держа клыки и когти наголо.

И я зажмурюсь, и услышу ясно
И сосен стон густой,
И взлет стрижа.
Запахло мхом и ягодой...
Напрасно
Меня ты хочешь дома удержать.

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал.
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.

Пройдем пешком тропинкою лесною
К живой воде,
К былинному ключу.
Зверья боишься?
Сладившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?!

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать...
Карандашом не тронуты ни разу,
Они из мертвых могут воскрешать.

Котомки сами просятся на спины.
Уже сквозь стены проникает свет...

Далеко где-то зацвели рябины, —
За Вологдой,
А мне покоя нет.

1940

НЕВЕСТА

Крупная, как звезды, земляника,
Дикий хмель — не выйдешь, хоть убей!
По бору — грибы,
А голубика
Утреннего неба голубей.

Все под окнами, с деревней рядом
И в таком краю,
В таком раю
Девушка — очей родных отрада
Проводила молодость свою.

Но вокруг, на сотни верст и дале,
Ни жилья, осина да ольха,
И уже в колхозе завздыхали:
Где найти царевне жениха?

Где найти ей парня молодого,
Равного по нраву и уму?..

Хлеб снимали,
Насевали новый.
За деревней лес шумел сосновый,
Плавали черемухи в дыму.

Только ей одной и горя мало —
Не упала ни одна слеза.
До зари бригаду поднимала,
На кофейной гуще не гадала...

Но пришла пора
И к ней в леса

Стали ездить парни — бригадиры,
Парни трактористы, шоферы,
Собиралось на конях полмира —
Места нехватало у двора.

Женихи пороги обивали,
Не было житья от жениха...
И опять в колхозе завздыхали:
С молодыми долго ль до греха!

И опять судили да рядили,—
От забот старушки без ума,
Словно сами замуж выходили...

Только на нее не угодили:
В Вологду, в Москву ль? — не уследили—
Отбыла за суженым сама.

1939

МЫ ЕЩЕ ПОГОВОРИМ

В том году мы приглашали
На уборку горожан,
Сами жали — не дожали:
Выше росту урожай.

И была потом пирушка —
В ряд на тридцать два стола.
В том году к рукам Анюшки
Тракториста прибрала.

Я другому полюбилась,
Так легко дышалось с ним...
Только я перегордилась
Перед миленьким своим.

Помню, сели за клетушкой:
— Ты в кого, скажи, такой?
У подружки, у Анюшки,
Говорю, смотри какой!

Он тебе и на собраны
И в дому у всех в чести.
У тебя, мол, ну ни знаний,
Никакой учености.

За подол мой не цепляйся,
Покидай родимый дом,
Хлеб суши, да отправляйся
В город за рукомеслом!..

И ушел он.
Год без мала

Проучился. Я одна
Как скучала, тосковала —
Знают поле да луна.

Хоть и парень,
Хоть мужчина,
А послушался, ушел...

* * *

Привезла его машина:
Он в кабине — сам большой.

И, гляжу я, — изменился,
И ученым багажом
Предо мною загордился.
„До чего ж ты доучился ?!
Ладно, — думаю, — ужо!“

Говорит:
— Не сожалею,
Что не спрятался в кусты,
Две профессии имею,
Знаю технику...
А ты?

Вон, на жнейке жнет Аньушка,
Говорит, и ты тянишь,
Обставляет, мол, подружка!..
Ладно, думаю, — гордись!

А сама — в правленье прямо:
— Председатель, будь родным,
Дай на курсы телеграмму!..

Собирай котомку, мама:
Мы еще поговорим!

1940

СВАТОВСТВО

С. В. Щапиной

С водкой да с орехами
Сваты понаехали.

Думаем, на этот раз
Оберут до нитки нас.
А у них губа не дура:
У стола стоят стеной,
Краснословят,
Балагурят,
Подбираются к одной.

Все хлопочут об одной,
Об Алене Фоминой.

У людей в делах сердечных
Вкусы разные, конечно,
Но об ней наперебой
Встречный, также поперечный
Говорили:
— Девка — бой!

В стольной Вологде и дале
Фомину Алену знали:
Красотой и всем взяла,
За собой людей вела!
Но у нас такая девка
На колхоз одна была.

Невеселые дела!
Положенье — к богу в рай!
Плачь, а сватов принимай.

На колхозное правленье
Заявились все селенье.
Председатель изнемог:
Крики, ругань —
Что звонок? —
Колокол бы не помог...

Поднялись за правду миром,
Каблуками о пол бьют.
Верховодят бригадиры,
Сватам ходу не дают.

Бахтиковых две семьи,
Бауковых три скамьи,
Два угла одних девчат —
Хоть кого перекричат.

— Чтобы нашу-то Аленку
В чужедальнюю сторонку?!
Не таковский мы народ.
Всем укажем поворот.

Надрываются, лютуют:
— Председатель, дай приказ,
Пусть найдут себе другую...

А сваты и в ус не дуют.
— Увезем — и кончен сказ!
Мол, самою Фоминой
Обещание дано.

Не шутя завечерело,
А не двигается дело,
Тени пали у крыльца, —
Солнце явно не хотело
Канителить без конца.

Председатель воровато
Стороной от сватов-хватов.
От скамеек стороной,
Под шумок поднявшись с места,

Сам направился к невесте:
Дела этого, по-чести,
Не решить без Фоминой.

Он приходит к Фоминой.

Фомина готовит чай.
— Золотая, выручай!
Весь народ к тебе с поклоном:
Без тебя и свет не в свет —
Жди колхозу всяких бед,
Делу всякого урона...
Замуж нам тебя, Алена,
Выдавать расчета нет!

Фомина глядит серьезно,
Достает платочек звездный
И помахивает им:
— Что ж, пока еще не поздно,
Я не прочь, — поговорим.
Может, делом, аль советом
Помогу тебе,
Но, чур, —
Мне по нраву парень этот,
Ни за что сама на свете
С ним расстаться не хочу.

Слушай: может, научу...

* * *

За деревней, над прудом
В две недели вырос дом
Широченный, пятистенный —
Восемь окон,
Две избы —
С телефоном и антенной,
С целой выставкой резьбы,
С палисадом и двором —
Загляденье, а не дом.

Днем на этом новом месте
Разместил колхоз невесту.

А под вечер
На закате
Кто в телеге, кто верхом
Наши сваты—
Тоже хваты!—
Подались за женихом.

Пригласили жениха:
— Соглашайся без греха.
Никакой тебе помехи, —
Дел в артели — за глаза...

Согласился,
Переехал,
Даже слова не сказал.

1939

А В Д О Т Ъ Ю И Ш К А

Ночь темна и звездами богата,
За селом опять костер горит:
Рожь в сусеках,
Яровина ската, —
И всю ночь поют в полях ребята.
И шумят девчата до зари.

Рано спать Авдотьушка ложится —
Только смеркнет над запольем свет, —
Рано спать ложится,
А не спится:
Молодежь танцует, веселится —
Ей, запечнице, покоя нет.

По всему району ходит пиво,
Друг у друга девушки гостят,
Никакое пиво им не в диво:
Платя носят — синий шелк с отливом,
И для каждой — венка на растяг.

Ничего Авдотьушка не знала,
Обряжала не свои дворы,
Убиралась по чужим подвалам,
Столько горюшка изгоревала,
Что хватило бы на десятерых.

Не любилось, даже не плясалось...
И теперь бы выйти ей на луг,
Да, чтоб все вокруг заулыбалось,
Попросить девчат:
— Попойте малость,
Ожила Авдотья, — шире круг!

Я всю жизнъ молчала на народе...
Только где им старую понять!..
И болит спина —
Опять к погоде...

А девчата ходят в хороводе —
Никакой погоде не унять.

1939—1940

ПАМЯТИ БАБУШКИ

Жизнь прошла без радости,
Только в сказках тешили
Про лепные сладости,
Пряности нездешние.

За горами-долами
Не на дни, а на годы
Полными подолами
Носят бабы ягоды.

Есть в стеклянной будочке
Под крылом у бабочки
На хрустальном блюдечке
Наливные яблочки.

За лесами-кручами
В старости не старятся,
На пески сыпучие
С неба звезды валятся.

Эта всяка-всячина,
Самобранки-скатерти
На замки висячие,
На запоры заперты.

И хранят их черные
Силы несусветные...

Где-то тропки торные
В те края заветные?..

В ноченьку кромешную
Убивалась старая:
— Приюти мя, грешную.
Господи, устала я.

Оборви постылую
Жизнь
Желаю малого...
И господь могилою
Бедную пожаловал.

Гроб сосновый сделали,
В бор сосновый вывезли,
Под берёзы белые
Крест сосновый вынесли.

Где жила — не ведала,
Что вокруг — не видела,
Дальше поля дедова
Не бывала с выдела.

Смертыньки выпрашивала,
Чтоб спастись от бремени...

Дожила б до нашего
Золотого времени!

...Запасаясь на годы,
Из тайги низинами
Носят бабы ягоды
Полными корзинами.

В крашеные горницы
В фартуках тамбуренных
Ташат девки-модницы
Яблоки Мичурина.

В реках — лещ за окунем,
Берега в смородине...

Всё — вблизи да около,
У тебя на родине.

Новыми бы сказками—
Не про ведьм и лешего,
Новыми побасками
Ты внучат потешила.

1938—1940

* * *

Никогда так низко не свисали
Наливные яблоки в саду.
В жизнь свою так парни не плясали,
Как плясали в нынешнем году.

На угоре павами по кругу
Плыли девушки в красе-басе:
Выбирайте по сердцу подругу...
Но плясали парни, да не все.

Не для всех роса была душиста
И разымячив топот на лугу.
Самого лихого гармониста
Не было со всеми на кругу.

Полуночью в чугун не отстучали
С каланчи, знакомой искони, --
Он ушел один.
В тоске-печали
Голову на росстани склонил.

И над полем, над тайгой-лесами
В первый раз в предутренний туман
Всеми золотыми голосами
Загрустил его большой баян.

Как решетка тын стоял поодаль.
Сквозь решетку он смотрел во тьму.
Может друг руки ему не подал?
Изменила девушка ему?

Может просто парню не поется —
Что выпытывать?
И на пиру
Всё порой кому-нибудь взгрустнется,
Так скрипит одна сосна в бору.

Пальцы еле клавишей касались...
А на ято уж было веселей:
В жизнь свою так, верно, не плясали,
Как плясали ныне на селе.

1937—1939

ЗВЕРОЛОВ

Рыжий парнище сел на пенек,
Семечки жареные шелушит
Сосны шумят промеж двух дорог.
Складный да ладный такой паренек:
Руки —
Медведя за горло душить

И корчевать на нови пеньки,
Ноги — по мерке сапог не найти...
Будто спаленные мотыльки,
С губ на траву шелуха летит.

Он неподвижен.
А перед ним,
Косы развеяв по ветерку,
Девушка — белое с золотым —
Белкой сидит на низком суку.

— Ах, — говорит, — до чего ж он мил! —
(И зверолова глаза опустил.) —
С вами не страшно,
За вашей спиной
Я бы смеялась над сатаной.

Вы сатану согнете в дугу.
Ну, поведите ж меня в тайгу,
В выломки, в глушь, под хвойный навес, —
Это же вотчина ваша — лес. —

Рыжий чуть слышно мычит:
— Ага! —
Роет песок носком сапога,

Перестает шелушить меледу
И отвечает:
— Не поведу! —

Но продолжается разговор.
— Слышала, вы по родне — помор.
Вам с измалетства своя — волна,
Кровь ваша, как волна, солона.

В море, когда зашумит прибой,
В море возьмите меня с собой.
Парус свистел бы, а я несусь...
Парень чуть слышно мычит:
— Боюсь!

Девушка смотрит ему в глаза
И удивляется: вот бирюк!..
Мимо, треща, летит стрекоза,
Дикие пчелы гудят вокруг.

Как этот увалень ей смешон—
Пятится, жмется средь бела дня.
— Что вам бояться?
Такой большой.
Ну, проведите в горы меня.

Там, говорят, и медведи есть,
Ходят к подножью малину есть...

Словно заслышав страшную весть,
Парень краснеет, сгибается весь.

Мелкою дрожью дрожит рука
Смотрит на девушку:
Как легка!
В пуговках вся, в стеклянном огне...
И не сидится ему на пне.

Если теперь пареньку запеть —
Склонится бор, засвистят стрижи,
В чащу пойти —

Никакой медведь
Лучше и глаз ему не кажи.

Так у него вся душа горит,
Словно кто шепчет ему:
„Не трусь!..“

Долго на девушку он глядит
И говорит ей:
— Тебя боюсь!

1940

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шел к подружке парень вечерком
За реку
По лаве перекошенной.
Сапоги скрипучие на нем,
Поясок малиновый, неношенный.

Шел и думал:
Встретит, прибежит,
Изловлю веселую за лапушки...
А река — возьми и покажи
Камушки ему со дна, что ракушки.

Засмотрелся, словно не видал, —
Грохнулся со всей своей обновою.
Хохотнула хитрая вода
И укрыла голову бедовую.

Девушка милого заждалась,
Стала думать всякую напраслину,
Причесалась,
В ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную,

А не видно милого дружка,
За водой пошла,
Глядит: под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулася в дол,
На берег тропой, росой вечернею,

Подоткнула ситцевый подол
И давай реку ведром вычернивать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянет реку, — горюшица:
— Чтобы этим желтым берегам
На тебя, нечистую, обрушиться!

Чтоб тебя песками занесло,
Завалило бы гнилым колодником,
Чтоб и солнце впрок тебе не шло, —
Будешь помнить о моем, о родненьком.

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях запруженна.
Чтоб тебе, неладная, ни дна,
Ни покрышки за разлуку с суженым.

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не шириться, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого
И дня не вынести...

Вычерпала девушка реку,
Иль река не стала худославиться,
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица.

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под кленами...

• • • • •
Если б жены нас любили так,
Нас водою не разлить бы с женами

1939—1940

ТЕЛЕГРАММА

Прямо с корабля, из-под огня
Посыпает милый телеграммы;
„Помни тчк люби меня
зпт приезд не за горами“.

Не успею разобрать одну—
Посыпает срочную другую:
„Жив здоров любимую жену
обнимаю зпт целую“.

День вожусь и ночью не засну,
Над секретом голову ломаю:
Тчк?.. — наверно, про войну.
Зпт?.. — убей, не понимаю.

Почтальон, наверное, учен.
Прямо на квартиру прибегаю,
Говорю:
— Товарищ почтальон,
Телеграмму, вот, не понимаю.

Подаю последнюю ему.
Почитал мужик, промолвил:
— Фу-ты!..
Ничего, молодка, не пойму,
Телеграф, наверное, напутал.

Что целует — каждый разберет.
Зпт, — по-моему, — на запад.
Мол, на запад двинулись, вперед... —
Я — домой, давай ответ царапать.

Значит, устояли морячки,
Повернули изверга, погнали...
Даже почтальонские очки
Мне какими-то родными стали.

На большом, на розовом листе
Написала молнию такую:
„Зпт, любимый, зпт,
жду с победой скорою, целую“.

1942
Стал нградский фронт

НАША СИЛА

Не скажет никто, что по нашим дорогам
Шагал супостат, не согнув спины.
Ни разу у тесаного порога
Разбойники не были почтены.
Не званым обедом,
Не хлебом-солью
И не горшком с парным молоком —
На росстани каждой, на взморье, в заполье
Встречали мы их огнем и штыком.
Цветы оборачивались крапивой,
Потопом июльский ливень-гроза,
Луга — трясиной,
Ручей — заливом...
Роса выедала врагу глаза,
Глаза забивал полевой песок,
Озера секли клинками осок,
Валился сосняк поперек пути,
Чтоб он ни проехать не мог, ни пройти,
И корни, хватая из-под земли,
На смерть, в зыбуны его волокли.

Зима надвигалась — морозы лютели,
Ветра заводили истощный вой,
Навстречу врагу поднимались метели
И вороны веяли над головой.
Не находил супостат дорог,
Он воздухом нашим дышать не мог.
За каждою льдиной, за каждым сумётом
Лежали бойцы с ружьем, с пулеметом.
Простые крестьянские вилы — и те
Сходили за три штыка в темноте.

Вовеки веков никакая нечисть
Не обездолит такой страны,
Ее прямые широкие плечи
Под самое солнце вознесены.

1941—1943

Из книги „Земляки“

ДЕРЕВНЯ БЛУДНОВО

Хвойными иглами занесло
Заблудившееся село.

Зашел охотник в бор глухой
И заблудился, и решил,
Что это леший-лесовой
Его в суземах закружила

И водит — старая лиса.
Но в хвое — парень увидал —
Мелькает девичья коса,
А не седая борода.

То опереньем косача,
То светом вспыхнет впереди,
Иль щеку тронет, щекоча...
Не страх — огонь растет в груди.

Бродил охотник целый день,
Устал, а нет назад пути.
Ни рысь, ни северный олень
Не помогли тропы найти.

Куда ни кинется — обман:
Вся та же грива*, речка, бор,
Налево — зыбуны, туман,
Направо — синий свет озер.

И, под конец, когда устал,
Прилег, разжег костер. И вдруг

* Грива — возвышенность, юр, увал.

Лесной царевны услыхал
Лукавый голос:
— Слушай! Друг!...

А у нее коса до пят,
В кокошнике лучи горят,
Узорный — в елочку — наряд
И озорной девичий взгляд...

— Послушай, что тебе скажу:
Здесь я одна — и власть, и суд,
Не леший — я тебя вожу,
Останься жить в моем лесу.

Войди в сузём, под мой навес.
В сузёме человека нет,
А без него и лес — не лес,
Без человека свет — не свет.

Как быть?
А жар растет в груди...
А день — к концу...
И поутру
Медведь венчал, сохач кадил,
И пир гремел во всем бору.

Так на царевне на лесной
Женился человек.
И вот,
Где раньше был сосняк сплошной —
Рожь колосится, лен цветет;

Где он блуждал и жег смольё,
И меж корней ложился спать —
Деревня выросла. Ее
Блудибом люди стали звать.

Посевы наши раздались,
Земля добра, народ богат,
Вошли машины в нашу жизнь,
Меж сосен провода гудят.

Друзьям у нас в дому почет,
Для недругов закрыта дверь.
А в жилах наших и теперь
Лесной царевны кровь течет.

1944
Деревня Блудново
Вологодской области

* * *

Здесь орудийные раскаты
Не нарушили тишины,
В полях посевы не примяты,
Селения не сожжены.

Березы светлые, густые,
Нетронут бор — к сосне сосна,
И если есть стволы кривые —
Их покривила не война.

Но на какой дороге слезы
Осенним утром не лились,
В какой избе, в каком колхозе
Армейской клятвой не клялись?

В канторе, отшвырнув костяшки,
Уставший за день счетовод
Березовою деревяжкой,
А не ногою о пол бьет.

Не знали здесь неволи горькой,
Враг не был в этой стороне,
Но председатель — в гимнастерке,
Он не забудет о войне.

Заполночь ляжет, первым встанет,
А на поля с людьми пойдет —
Он в душу каждому заглянет,
Как будто в бой ведет народ.

1944

РАННЕЕ УТРО

Чуть в домах затопят печи,
И выходит со дворов
Утро блеяньем овечьим
И мычанием коров.

Отпускник-солдат обходит
С детства милые места:
Постоит на огороде,
Молча сядет на росстань,

На цветок во ржи подышит...
Но куда ни завернет,
Что ни видит, что ни слышит—
Он еще войной живет.

За окольною избою
В поле чистом, паровом,
Как над дымным полем боя,
Нарастают гул и гром.

Отдуваясь и стреляя,
Словно танк на рубеже,
Трактор, пашню подымая,
Пробивается к меже.

На току, за баней черной,
Барабан гудит-ревет,
Словно это двухмоторный
Бреет землю самолет.

А овины, словно доты.
Жди, сейчас взгримит „ура“!

И стучат, как пулеметы,
У амбаров триера.

Кузня ухает с рассвета,
Над трубою черный чад,
Как сигнальные ракеты,
Искры по ветру летят.

Мир придет, но долго сниться
Будет нам военный гром,
Будем звать между границей,
Реку — водным рубежом.

1944

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

В голых сучьях стылый звон.
По ледку стучит телега.
Выпал снег,
Бело от снега,
А еще не убран лен.

У несжатой полосы
Даже ветер стоном-стонет,
И с тоскою смотрят кони
На прогрощие овсы.

Ни одной души в домах,
Старикам сидеть нет мочи:
В полушибках и в пимах
Жнет народ с утра до ночи.

Руки мерзнут — малыши
Надевают рукавицы.
Не спешат с отлётом птицы:
Зерна в поле хороши.

Снег и солнце, и серны
Блеском режут глаз до боли
На снегу лежат снопы —
Не уходят куры с поля,

Это сорок первый год.
Ранний холод.
Отступленье.
Так в лесу, в глухом селенье,
Зачинался наш поход.

ПОДРОСТКИ

С утра отобрали покрепче коней.
Ребятам годков по десять, не боле.
Поручено было: за восемь дней
Засеять озимое поле.

— Забудьте о доме, о сладком сне,
На фронте жилье — блиндажи и землянки,
Считайте, что вы теперь на войне
И это не бороны, а тачанки...

А поле — взглянуть на него и вздохнуть:
Огромное, нет ни конца, ни края.
Таким представлялся ребятам путь
На запад — от Волги и до Дуная.

Ночами опушки черным-черны.
Бездонное небо героев пугало.
Порою казалось: вовсе луны,
Совсем на свете луны не бывало.

Уже не канавы кругом, а рвы,
Не камни, а чудища... Что такое?
От шума листвы, от крика совы
Бледнели и вздрагивали герои.

Хотелось посеять до стужи дождей,
Пока еще ветры не налетели,
И если жалели кого — лошадей,
Одних лошадей, не себя жалели.

Узлы на ладонях, вихры в пыли.
Заказ фронтовой и жизнь фронтовая.
И все им казалось:
 оны прошли
С бойцами от Волги и до Дуная.

1944-1945

НА СЕНОКОСЕ

Шутка

Сено высохло. Гребли,
Торопились, как могли,
Торопились, уморились, —
По щекам ручьи текли.

Надвигалась из-за леса
Грозовая дымзавеса,
Появлялись ветерки,
Завивались вихорьки.

Дождь нагрянет, сено смочит —
Не кажись домой с бедой!
Кто приход дождя отсрочит?
Кто заведует водой?

Бригадир взмолился богу:
— Подожди с дождем немного!
Видишь наше положенье,
Задержи грозу на час,
Всё правленье,
Всё селенье
Положилися на нас.

Но в бригаде был малец.
Молодец-то молодец,
Да годков ему двенадцать, —
Где за взрослыми угнаться!
За день так устал — вот-вот
Упадет сейчас, уснет.

Он молиться начал тоже:
— Если правда есть ты, боже,
Сделай так, чтоб хлынул дождь,
Пропадаю ни за грош,—
Хоть не крупный, не проносный,
Чтоб немножко отдохнуть,
Отышаться,
Сено после
Догребли бы как-нибудь...

Задан богу труд немалый,
Угоди, возьми, на всех:
Просит старый,
Просит малый,
Обижать без толку грех.
Туча тоже не стоит —
Ветер дует, гром гремит.

Бог вздыхал да озирался,
И пока в затылке скреб,
Бригадир не растерялся,
До грозы все сено сгреб.

И под вечер, пообедав,
Отдыхая без помех,
Люди хвастались победой,
А мальчонка больше всех.

1945

СОСНОВАЯ ГРИВА

М. М. Пришвину

Бор — как озеро в разливе,
Избы хвоей занесло.
На юру крутом, на граве
Наше дивное село.

Дикий хмель и можжевельник,
Сенокосы с двух сторон.
Солнцем даже темный ельник
В заогражье озарен.

В теплой зелени дороги,
В ручейках пологий скат,
И везде — стройны и строги —
Сосны светлые в обхват.

Не руками пусть, так песней —
А без песен не живем —
Мы до звезд, до поднебесья
С нашей гравы достаем.

1945

НАСТАСЬЯ

На окраине села,
Белый свет не застя,
Одинокая жила
Женщина Настя.

Одинокая, безродная,
Не худая, не дородная,
Не богатая, не бедная.
Женщина безвредная.

Промышляла чем могла:
Для чужих варила пиво,
Угостят — сама пила.
Если свадьба где была, —
Хлебы белые пекла
Всем на диво.

Нет еды — пойдет в лесок,
С пестерем* грибов вернется,
Иль на озере часок
С удочкой побьется,
Иль за мельницей в силок
Рябчика изловит,
Тут же птицу в котелок —
Суп себе готовит.

У соседа дом как дом,
У Настасьи — банька,
Закуток... Но есть и в нем
Лавка и лежанка.

У соседа за столом
Не семья — бригада,

* Пестерь — заплечная котомка из березового лыка.

А она с котом вдвоем:
Много ли ей надо!
Чести мало?
Что ей честь!
Было б только что поесть.

Да, сказать по правде, Настю
И в расчет не брали власти.
Неогляден белый свет, —
Где таких бобылок нет!

Так тихонько и жила,
Никого не обижая.
Словно б людям не чужая,
И своею не была.

Стали Настю звать в артель,
Заявила:
— Вы в уме ль?
Кур смешишь на склоне лет?..
Силы нет! Здоровья нет!

Досаждать не стал народ:
Пусть себе одна живет!

Все ж в осеннюю страду
Попросили выйти в поле.
Обозлилась:
— Не пойду!
Если будете неволить,
Я до Сталина дойду.

Может, все житье Настасьи
Так сторонкой бы и шло,
Может, не было бы счастья,
Да несчастье помогло.

Началась война с Германией,
Народная война.
На деревне провожания
С восхода до темна.

По ночам огни в артели,
Мужики на фронт идут,
Пива-брани не успели
Наварить, так водку пьют.

Мимо баньки, мимо окон
Пролегает пыльный путь...
А Настасье одинокой
Даже не о ком всплакнуть.

Не о ком погоревать,
Не о чем поговорить.
Свадеб нет — не пировать,
Пива некому варить.

Бабы писем с фронта ждут,
Почтальонам нет покоя,
А Настасье — от кого ей? —
И поклоны не идут...

О германцах речь зайдет —
Настя даже страх берет:
Все просыпала, как есть,
Лучше в пекло, лучше в воду,
Если немцы будут здесь, —
Не дадут житья народу,
И колхоз разгонят весь,
Да и ей не будет ходу.

Бабы спать ночей не стали,
Все заботы о войне:
Рожь убрали, пар вспахали...
А Настасья — в стороне.

В поле едут чуть светает,
Лен теребят до темна.
Вот и осень наступает...
А Настасья все одна.

На душе нехорошо,
Грех один с такой душой.

И однажды в день ненастья
На гумно пришла Настасья.

— Бог на помощь!
— Слава богу.
— Как живется?
— Понемногу.

Покряхтела, поглядела,
На снопы ржаные села,
Запустила руку в рожь.
Шум в ушах, иль сердце ноет?..
Барабан гудит и воет,
Слов никак не разберешь.

— Видно, бабы, я слаба,
Растрясло, как на ухабах,
Одолела худоба.
Может, мне размяться, бабы?
Может, в пользу молотьба?
Подавать снопы могла бы.
Не помочь ли, бабы?

— У тебя ж здоровье слабо! —
Отвечают бабы.

— У меня здоровье слабо,
Но теперь война идет.
Ну-ка, дайте место, бабы,
Расступись, народ!

Ой, как ладно сноп ложится!
Не привод поет, — душа.
— Хороша, соседки, ржица!
— Мы не хаем, — хороша.

До заката потрудилась,
Постоонала и ушла.
Поутру — скажи на милость! —
На гумно опять явилась,
И обед с собой взяла.

— Как живется?
— Понемногу.
— Как дела?
— Да слава богу.

Снова, что ли, на работу?
— А неужто не гожусь?!
Только знайте: по охоте,
Без политики тружусь.

— Понимаем! — говорят.
— Принимаем! — говорят.

Золотою речкой, жилкой
Полилось опять зерно.
Пыль стоит над молотилкой,
Кажется, горит гумно...

И, спустя полгода, власти
Пожвалили даже Настю...

Уж война проходит, вроде.
У Настасьи в сердце свет.
Из артели не выходит,
Говорит:
— Желанья нет!

Говорит:
— Не буду доле
Мыкать горькую нужду.
А погоните, неволей —
Я до Сталина дойду.

1944—1945

ЧТОБЫ ВРАГ СГИНУЛ

Фронт и здесь, в колхозе.
Кони на работе —
То в извозе,
То на обмолоте,

В роще да в поле
По целой неделе...
Где уж тут — в холе!
Где уж там — в теле!

Холеные мерины
На другой работе:
Может, в кавалерии,
Может, в пехоте.

В колхозе — постарше,
Попроще, поплоше...
А крестьяне наши
Жалеют лошадь.

И решили бабы:
— Мы задворки наши —
Велики ль усадьбы! —
Без коней вспашем.

Тяжело — не тяжко.
И пошли цугом:
Четверо в упряжке,
Пятая за плугом.

Тянут — потянут.
Пот — ручьи льются.

Отдыхать станут —
Шутят, смеются.

Но тут председатель
Налетел с воем:
— Тотчас выпрягайтесь!
Что это такое?!

Весь колхоз ославите!
В петлю лезть заставите!
Да еще — за что, про что? —
Пред судом поставите!

Завтра же вам вспашут.
Лучше б не родиться:
Что в райкоме скажут,
Что за границей?!

Ну, не бестолково ль;
Честное слово?!

— Стойте! — бабы крикнули, —
Что ж тут такого?

Хает заграница?
Виши чего боится!
Не понять им, что ли:
Наши кони в поле!

Это наши кони
И колхозы наши
Нынче немцев гонят,
За Дунаем пашут.

А кто лаять будет,
К нам таких направьте,
Если они люди —
Разберут по правде.

Лес возить впряженся —
Не согнем спину.
Мы за то бьемся,
Чтобы враг сгинул.

1944

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Лучше девушки Натальи
В целой области не знали.
Всё умела,
Всё имела,
И умна, и весела,
И без дела не сидела,
И без песен не жила.
Женихи со всей артели
Просто очи проглядели.

А Наталья на досуге
Запиралась от подруги
И садилась у стола,
В руки зеркальце брала,
Говорила:
— Удружи,
Свет мой, зеркальце, скажи:
Я ль в деревне всех милее,
Всех дородней, веселее?
И ей зеркальце в ответ:
— Ты, конечно, спору нет,
Ты, Наташа, всех милее,
Всех нарядней, веселее.

Началась война.
В колхозе
Провожали женихов,
У реки, на перевозе,
Целовали пареньков.
Слезы девичьи лились:
„Отвяжись, худая жизнь!“

Дни и ночи на работе, —
Так хотели их дружки, —
На полях, на обмолоте
Даже в праздник девушки.
Руки, ноженьки устали
У красавицы Натальи.
Шел четвертый год войны, —
Нет на сердце тишины.
Все хотелось сделать больше,
Коротки казались дни,
Вот уже ребята в Польше,
Вот уж в Пруссии они...

Как-то, в марте иль в апреле,
Косу на ночь расплела
И сдержаться не смогла:
Повздыхала у постели,
В руки зеркальце взяла
И сказала:

— Удружи,
Свет мой, зеркальце, скажи:
Я ль на свете всех милее,
Всех дородней и белее?

И ей зеркальце в ответ:
— Прежней свежести уж нет!
Похудела ты, Наташа,
Подурнела, радость наша,
Отдохни, не надорвись,
Красоту поберегла бы:
Без нее и жизнь не в жизнь,
Без нее куда вы, бабы!

Ой, как вспыхнула Наталья!
Ой, как вскрикнула Наталья!
Не ждала такого зла
От когда-то дорогого,
Ныне лживого, слепого,
Окристевшего стекла.

— Сгинь, — и топнула ногою, —
Я найду себе другое.
Вот пройдет война, мой свет,
Поглядим тогда, — сказала, —
Лучше я иль хуже стала,
Будут сватать или нет.
По всему, не знаешь ты
Настоящей красоты.

* * *

Радость, как ее ни ждешь,
Все негаданна, нежданна.
К нареченным да желанным
Из-за моря-океана
Воротилась молодежь.
Сердце, что ли, озарилось,
Как победа подошла,
А Наталия расцвела:
Словно чудо совершилось —
Лучше стала, чем была.

Зеркальце глаза открыло,
И нередко со стола
Виновато говорило:
— Ты, Наташа, верх взяла!

1944—1945

В С Т Р Е Ч А

Клим пришел с войны домой,
Посмотрел на сына:
„Неужель парнишка мой
Этот молодчина?!"

— Ну, Васютка, как дела?
— Ничего, не худы.
— Удишь, нет?
— Пора прошла,
И нагрузка тяжела,
Нынче не до уды.

— Неужель чины даны?
— Кем ты, между прочим?
— Ну, какие там чины, —
Так, чернорабочим.

— Может, завтра отдохнешь,
Не поедешь в поле?
— Нет, теперь молотим рожь,
Дело не позволит.

— Угомону, значит, нет,
Смолоду все беды?
У сынка один ответ:
— Это ж для победы!

Говорит, а сам глядит
Батьке вглубь кармана:
Не граната ли торчит?
Нет ли где нагана?

— Автомата не привез?
— Для чего бы это?
— Тут волков большой прирост,
Хоть беги со света.

Автомат бы где добыть,
Усмирили б скоро.
А гранаты, чтоб глушить
Рыбу по озерам...

Смотрит Вася на отца,
Задает вопросы —
Не узнаешь сорванца,
Говорит, как взрослый.

А уж как охота влезть
На колени снова
Да обнять, что мочи есть,
Тятеньку родного.

1945

ХОЗЯЕВА

Ребятишки слушают урок,
Удивленно вскинуты ресницы,
Будто вдруг раздался потолок
И кружат над партами жар-птицы.

Карандаш цветной засунув в рот,
Девочка сидит не шевельнется,
Карандаш, наверно, изгрызет,
А домой придет и разревется.

Карте школьной тесно на стене.
Костылем по ней учитель водит.
Говорит он о родной стране:
О горах, с которых снег не сходит,

О краях, в которых нет зимы,
О земле, где не бывает лета,
Где в медвежьи шубы и в пимы
Даже в мае детвора одета.

Говорит о северных ночах, —
От рассказов выюжным ветром веет.
Гимнастерка на его плечах
Вологодской хвоей зеленеет.

Он за земли эти воевал, —
Вся шинель осколками пробита,
Каждый куст от немцев защищал,
Каждый куст ему служил защитой.

В Ленинграде мучила цынга,
На Кавказе малярия била.

Горный Крым,
Карельские снега
Молодость его исколесила.

Зверем в дебрях,
Золотом в горах,
Рыбою в морях страна богата...

Слушают учителя ребята,—
Жажда ненасытная в глазах.

Напрягая память, морща лбы,
Замерли, скрестив босые ноги.
Видятся им дальние дороги,
В небо уходящие столбы,

Дым войны, над фабриками чад...
Подрастут — родимый край подымут,
Власть над каждою реченкой примут,
Ветры, водопады приучат.

Их отцы умели воевать, —
Сыновьям — учиться и трудиться...

Реют, реют над столами птицы
Золотые — глаз не оторвать.

1941—1945

„Б А Б Ы“

Отплывали в море восемь рыбаков,
А на море — качка, ухабы.
Провожали жены своих муженьков
И, конечно, плакали: бабы!

— Отвяжитесь, бабы! — злились рыбаки, —
На работе только помеха:
До подола косы, умы коротки,
Ни уйти от вас, ни уехать.

Понеслись шаланды скоро да легко,
Паруса над морем склоняют.
И беда настигла: несет рыбаков,
А куда? — и сами не знают.

Ввечеру барабанчики стали потухать.
А ночами ветер — ой, страшен!
И всё чаще начали в лодках вздыхать:
— Где-то нынче бабоныки наши?!

Потянуло снова к дому, к шалашам.
Говорят:
— На часок хотя бы...
Бабы хоть и слабы, но всё, по душам,
Никуда, ребята, без бабы.

А на небе тучи — тени широки.
Только вдруг из тучи, из ночи
Самолет пробился.
Глядят мужики:
Самолет ведет баба-летчик.

Покружилась, взмыла и пошла назад.
А потом по синим ухабам

Вылетает катер.
На лодках глядят:
Управляет катером баба.

Развернулась с ходу — за кормою чад,
На буксир принимает, вроде...
Рыбаки послушны, неловко молчат,
Друг от друга глаза отводят.

Прибежали жены встретить муженьков,
Целовать в соленые губы,
Проливали слезы на грудь рыбаков.
Мужикам и слезы уж любы.

1941—1945

БАЙКА

Спи, сыночек, спать пора!
День уходит со двора,
Зажигают в избах свет,
Дома только папы нет.
Баю-бай!

Он не в поле, не в лесу,
Не за речкой на мысу,
Дома нет его давно.
Не гляди, сынок, в окно.
Баю-бай!

Под простынку руки спрячь.
Мама плачет, ты не плачь.
Папа твой героем стал,
Нас от смерти отстоял.
Баю-бай!

Уж с войны пришел сосед,
Только папы нет и нет.
Снег идет, идут дожди...
Мама ждет, а ты не жди.
Баю-бай!
Засыпай!

ДЕВУШКА ЗАТОСКОВАЛА

Столько всяких ягод! Даже на рябине,
Даже на калине солнце засветилось.
Только на березе ни одной-единой,
Ничего на белой вновь не уродилось.

В кожаной бездонной сумке почтальона
Столько всяких писем!—с марками, без марок,
Синих и зеленых, по углам клейменых,
И простых, и спешных...
Каждое — подарок.

Только мне любимый ничего не пишет.
От тревоги долгой сердце замирает.
Неужель он сердца моего не слышит
И меня не вспоминает?!

1937—1945

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Как дела идут, ребята,
Хорошо ли бьем врага?
А у нас зима богата,
Избам по уши снега.

На полях метут метели,
Все плетни занесены.
И попрежнему в артели
Тиши да гладь, и нет войны.

Мы в лесах, как в сонном царстве,
От всего вдали живем.
Только хлеба государству
Большие раза в два сдаем.

Бабы правят всем колхозом.
На прицепе — молодежь.
Их ни ветром, ни морозом,
Ни жарой не прошибешь.

Сельсовет весной селенье
Керосином обделил,
И в колхозе затемненье
Председатель объявил.

Нам понравилось вначале:
Воевать так воевать!
Мы работать дольше стали,
Ночью стали крепче спать.

Вы теперь в походе, в буре.
Города врагов горят...

А у нас тут бескультурье —
Ни винтовок, ни гранат.

Одолели нас медведи,
От волков ревмя-ревем.
Мы теперь куда ни едем —
Топоры с собой берем.

Звери больше чужеземцы,
От войны пришли сюда,
Режут скот не хуже немцев:
Без охотников беда.

И невесты одолели:
Тут и „клещи“, тут и „клины“...
Как ни кинь, у нас в артели
Двадцать девок — я один.

Как ни кинь, без вас, ребята,
Долго жить не сладко мне.
Добивайте супостата,
Возвращайтесь по весне.

1945

СОСНА

С головы зелена,
Стволом красна,
Высока, стройна
Растет сосна.

Как невеста на выданье
На большом пиру, —
Лучшей не видано
Во всем бору.
Иглами вышила
Неба треть.
Всем она вышла —
Любо смотреть.

Каких только ягод
Нет под сосной?!
Здесь белка-летяга
Гостит весной,
Здесь тетерев грузный
Бруслику ест,
Здесь влажные грузди,
Маслята есть.

Здесь всё для соленья
И всё для варенья —
Хоть целым селеньем
Кормись,
Ночуй!
А мох для оленя —
Ешь — не хочу.

Сколько же дереву
От роду лет?
А столько лет,
Что и счету нет.

Но топор ссечет
И будет счет.

1839

ОСИНА

Осина ты, осина,
Проклятая лесина;
Гнилая сердцевина,
Тряпье — не древесина.

Дрожишь, как дунет ветер,
Краснеешь с первой стужей,
И нет на целом свете
Тебя, осина, хуже.

Под рельсы не положишь,
Хоромы не построишь.
Копейки не дороже
В базарный полдень стоишь.

Дрова хоть и сухие,
Да все одно плохие:
Ни пламени, ни жару,
Ни угля к самовару.

Но хоть один покуда
На свете есть иуда —
Нужны под небом синим
Русские осины.

1944

ДЕТСТВО БОЛЬШЕГЛАЗОЕ

Берег звали гиблым и нечистым местом.
Рассказали малому:
Вот недобрый след —
Миром похоронена грешная невеста,
Голова бедовая, ей прощенья нет.

Кто ее ни сватал, толку не добился:
Не было насмешниц злее на веку.
А желанный парень на другой женился.
И метнулась девушка с берега в реку.

Целый день по росам,
По речным покосам
Бегали подружки, чтоб ее найти.
Бедную зарыли под крутым откосом
За пеньком еловым на краю пути.

Показали малому на могильный холмик,
Напугали до смерти у гнилого пня:
Если грешен малый,
Если конь не кормлен,
Здесь не проберешься, выпрягай коня!

* * *

Детство большеглазое, пуганое, где ты?
Вся земля исхожена и заселена.
Знаем: бога нету!
Знаем: черта нету!..
За спиною нашей не одна война.

Я стоял под выстрелом,
Я шагал по трупам, —

Сколько раз висела жизнь на волоске!
Ночь проспал с покойником под одним
туулупом —
Не седеет волос на моем виске.

И опять на родине.
Я уже бывалый.
Милое... знакомое... На душе легко.
Узнаю березки, еду по увалам.
Вот и пень. Целехонек!
Холмик над рекой.

Самый тот! И вздрогнул я.
Верьте иль не верьте:
Гордый, и недавно с фронта, из огня,
Испугался холмика пуще лютой смерти,
Хоть читай молитву, выпрягай коня.

Давят страхи старые, задрожали ноги...
Что это такое?
На себя сержусь.
Ручеек хохочет посреди дороги.
Стыдно и неловко. А чего боюсь?

Если б это в детстве, да в полночной чаще...
Но в зените солнце,
Заводи в огне,
Берег настоящий,
Ветер шелестящий,
И березки в пояс кланяются мне.

1939—1945
Дер. Блудново

ОТПУСКНИК

Отпуск дали от войны
Лишь на три недели.
До родимой стороны
Он добрался еле.

Как завидел речку, лес —
Сердце защемило:
До чего ж покойно здесь,
Всё, как в детстве было!

Ехал — думал в тишине
Спать да рыбку удить
И не помнить о войне, —
Кто бойца осудит!

Но соседи в тот же день
Встретились на сходке,
Из заречных деревень
Подошли молодки,

И, развесив на стене
Карту полушарий,
До полночи ~~о~~ войне
Вел беседу парень.

На заре второго дня,
Еле встал с постели,
Подают ему коня
Из другой артели.

А потом — в райком и в рик.
В школах тоже встречи...

Все хотят, чтоб фронтовик
С ними пробыл вечер.

В сельсовете пленум шел,
Едут за солдатом:
— Хоть на часик сядь за стол,
Будешь делегатом!

На селе перечинил
Мельницы ручные,
С сотню писем сочинил
В почты полевые.

Да еще — меж стольких дел!
Как не подивиться! —
В Зою Павловну успел,
В доктора, влюбиться.

Походили по лесам,
Постреляли уток.
Не по дням, не по часам
Жили, — по минутам.

И минуты сочтены.
И шутили люди:
От любви — не от войны,
Отпуска не будет.

1945

ПРОГУЛКИ

Листья гремят под ногой, как жесть.
В голый березник спустилось небо.
Клюква поспела, брусника есть,
И закрома не вмещают хлеба.

Золотом вся земля устлана,
Сосны и те с боков пожелтели,
Желтой соломы гора у гумна,
Лучше для отдыха нет постели.

Пальцы твои черны от грибов.
Сколько корзин мы за день набрали?
Нет, не молчали мы,
Но про любовь
Так ни словечка и не сказали.

Разве весна лишь время любви?
Глаз от тебя отвести не могу я.
Губы твои в брусничной крови —
Не уберечься от поцелуя.

Зоя свет Павловна — ясный свет!
Хочешь, казни меня,
Хочешь, милуй:
Верно, чего только осеню нет!
Но для чего богатство без милой?!

Октябрь, 1944
г. Никольск

* * *

Ночка лунная светла.
Тишина в конце села.
Материнские запреты
Девушка с души сняла.

Но слепа у нас луна,
Не заметила она:
Света лунного бледнее
Девушка была бледна.

То дрожала, как в ненастье,
То смеялась без ума,
А от страха иль от счастья ---
Не сказала б и сама.

1944
Дер. Блуднòво

ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА

Осень-красавица вышла в леса.
Разве видать горожанам такую?!
Кружится около ног лиса,
Над головой косачи токуют.

Из раззолоченных листьев наряд,
По сарафану оборки и стёжки,
Красные клёны — расшитый плат,
Гроздья рябины — в ушах серёжки.

Ходит красавица в березняке
В желтых сапожках, — мягка дорога, —
С желтой корзинкою на руке:
В роще грибов и брусники много.

Что ей теперь, озорной, не гулять,
Что не плясать ей? —
Посеяно, сжато.
Только и дела, что ягоды брать,
Грузди солить да чистить маслята.

К озеру выйдет, махнет рукой —
Утки с воды летят в поднебесье,
Волны шумят.
А махнет другой —
Даль огласят журавлиные песни.

Что за походка!
А смех! А пляс!
Сколько в глазах голубых простор!
Где еще есть на земле, как у нас,
В золоте реки, в рябинах озера?!

1944

ХМЕЛЬ

Миновали дни страды.
Было попито воды!
Кто осудит раз в году
Пиво-брагу на меду?!

* * *

По деревне ходит хмель,
Из-под ног пылит метель.
Шелком шитая рубаха —
По подолу канитель.

Ходит важно, ходит гордо.
Хоть и горд, а не спесив.
На ногах стоит не твердо,
Но зато медоречив.

К палисаду прислонился,
Песню-складку затянул,
К молодице прицепился
И старушке подмигнул.

— У меня во флоте сын,
У меня в пехоте сын.
Дома бабы, — я над ними
Генерал и господин.

* * *

В сарафане ходит хмель,
По плечам косы кудель,
Широченные воланы —
Золотая карусель.

Молодица под хмельком
Расшалилась с пареньком,
Расшалилась, раздурилась, —
Что за грех, скажи на милость!

— Ходит хата, ходит печь,
Заводи, гармошка, речь!
Топну раз — цветы раскину,
Топну два — одёжа с плеч...

* * *

Из конца села в конец
С венкой ходит молодец.
Что за песни?
Что за праздник?
Да, войне пришел конец!

— Председателю правленья,
Мой почет!
— Мое почтенье!
— Как живем?
— Куда с добром:
Целый день без году пьем.

Загуляла молодежь,
Потому что хлеб хорош,
Ну, а мы, по-стариковски,
Пьем за здорово живешь.

* * *

Ходит, ходит, ходит хмель,
Из-под ног летит метель.
У ограды засыпают
Два Ивана, пять Емель...

1944

* * *

Беспросыпу лют дожди
Злые, окаянные,
Хоть из дому не ходи—
Прямо наказание!

Верно, стонут на войне
От дождя постылого.
В дождь читает при огне
Анна письма милого.

Сообщает в письмах он,
Что сбылось желание.
„Передай друзьям поклон.
Мы уже в Германии!“

А про стужу ни словца,
Словно там и нет ее.
Иль настало для бойца
Снова время летнее?

Пишет только:
„Жив-здоров,
И уже в Германии,
У немецких городов
Трудные названия.

Где-то брат больной лежит?—
В Луге парня ранили.
Если дома, доложи:
Мы уже в Германии!

Пусть не ждет сынов сосед,
Не пришли с задания.
От бойцов ему привет:
Мы уже в Германии!

Коль в селе сироты есть,—
В целях воспитания
Растолкуй им эту весть:
Мы уже в Германии!

Мы уже в Германии,
И пишу заранее:
Нынче можешь, дорогая,
Думать о свидании..“

Анна глянула в окно:
Словно нет дождя давно, —
Вся земля в сиянии,
Словно с нею заодно
Вся земля твердит одно:
— Мы опять в Германии!

1944

* * *

Каждый год весна, как чудо,
Но такая — в первый раз.
Словно ветры отовсюду,
Новизна пьянила нас.
Соков раннее движенье
Вдруг ускорила гроза,
И, как в первый день творенья,
Солнце вскинуло глаза.
Вся земля пропахла бором,
Проступившою травой,
Переполнились озера
За селом водой живой,
На виду росли побеги...
И с утра, в такую ясь
О победе, о победе
Весть, как песня, разнеслась.
Как на праздник, все селенье
С песней вышло на поля.
Словно в первый день творенья,
Приняла зерно земля.

1945

НА ОСЕННИХ ДОРОГАХ

Спелой ржи золотистым цветом
Славно русское бабье лето.

Сколько лучиков у колоска,
Каждый светит и каждый греет.
От соломенного пояска
Загорелая горсть теплеет.

По просёлкам на большаки,
К ближним станциям, даже ночами
Мчатся с хлебом грузовики
Под брезентовыми чехлами.

За обозом обоз идет,
Ветер листья метёт по следу.
На вокзалах попутных подвод
Ждут вернувшиеся с победой.

Рады воины порожнякам.
Любы им и леса и тропы,
Едут с песнями — из Европы,
Из Манчжурии — по домам.

На порожних мешках сидят,
Зерна свежие пробуют на зуб,
На родные поля глядят —
Сладко сердцу, отрадно глазу.

Пусть обозы скорей идут,
Их не только солдаты ждут.

Сентябрь, 1945

Из книги „Живая вода“

*Злате Константиновне
всё и навсегда*

I

И что из того, что уходят года
И не было в жизни спокойного дня,
Что стали страшить дожди, холода!—
Как солнечный свет, как живая вода,
Твоя любовь для меня.

А горе бывало так велико,
Обиды порою давили грудь...
Но как это все теперь далеко!
Да разве живая вода легко
Давалась кому-нибудь?!

* * *

Что-то есть в тебе очень хорошее,
На цветной сарафан гляжу,
Словно в юности по некошеным
По заречным лугам хожу.

Золотинки в глазах с поволокою
Да густая хвойная бровь.
В задушевном неторопком оканьи
Токование тетеревов.

Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскою веет силою
От большой без колец руки.

Под окошком проходишь рослая...
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая,
Как на родине побывать.

1945—1946

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Лес, да небо, да камень скал...
Бой часов в госпитальной палате...
Поутру я окно открывал,
Закрывал перед сном на закате.

Нынче помню только одно:
Ты с горы, как с неба, сходила.
Я не смог затворить окно
И пошло все не так, как было.

Снова птицы снялись в полёт,—
Никогда таким вечер не был,
Над землей не закат — восход:
Ты роднила с землею небо.

Сразу ожило все: вода,
Круча берега, лес по краю...
Будь я даже слепым,
И тогда
Я тебя увидел бы, знаю.

1943—1947

* * *

Если б ты в реку упала,
Я бы достал до дна,
Мне и морского вала
Сутемень не страшна.

Если б в тайгу, в берлогу
Зверь тебя уволосок,
Я бы нашел дорогу
Даже из ста дорог.

К девятирогому змею
Я бы просек пути,
Даже из рук Кащея
Смог бы тебя спасти...

В реку ты не упала,—
Тут ни при чем вода;
В сердце ты мне запала,
Мне — не тебе беда.

И глубоки ли реки!
Сердце не им подстать:
С этого дна вовеки
Мне тебя не достать.

1945

ВСЯ — СКАЗКА ТЫ

Хмелит не бражный полдень, не вино.
Могу ль тобою, светлой, не гордиться?!
В твое, ветрам открытое окно
Глядится небо, и не наглядится.

Пройдешь по снегу — и растает снег,
Где постоишь — побеги прорастают,
Черемухи у затенённых рек
Перед тобою головы склоняют.

Смеяться станешь — зацветут цветы,
Взгрустнешь — росой покроются долины.
Вся — сказка ты,
Вся — сновиденье ты,
В сияни дивном — вся запев былинный.

В какой бы дом далекий ни зашла,
Везде своя ты,
Всем равно родная.
Твоим друзьям под солнцем нет числа,
Поет весь лес, тебя, как день, встречая.

Кто мог услышать голос твой хоть раз,
В тяжелый час обрел твое участие
И заглянул в глубины синих глаз,
Тот знает радость,
Знает силу счастья.

Все небо светлым полымем полно,
В лесу лучится каждая вершина.
В душе тобою все озарено,—
Любовь моя верна и нерушима.

1943—1944

РЕЧКА И ТРОПКА

Течет речка лугами,
Течет речка лесами.
Над ее берегами
Ивняк нависает.

На песок, к переправам
Опускаются птицы,
Чтоб побегать, поплавать
И водицы напиться.

Вьется речка, струится.
Мох вокруг да морошка.
Вместе с речкой змеится,
Вьется стёжка-дорожка.

Все изгибы, изломы
За водой повторяет,
То темна, словно омут,
То под солнцем сияет.

Речка в реку вольется,
Тропка станет дорогой,—
И пылит, и несется
За водою широкой.

Море реку приветит,
Разнесет по раздолью,
Синим светом осветит,
Просолит своей солью,

А дорога вокруг моря
Ляжет светом излучин.
Даже в этом просторе
Их ничто не разлучит.

* * *

Полюблю — тропкой стану,
Буду мчаться дорогой
За рекою широкой,
За тобой — к океану.

1944

* * *

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови,
Донесется, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденье за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повей.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую, оживу.

1943

НОЧЬЮ В СТЕПИ

Так темно, хоть глаза коли,
Никаких огоньков вдали,
Будто мы с тобой на краю земли, —
Все дороги на нет сошли.

А мороз — не вздохнуть без слез.
А снега — до неба занос.
Отчего в мороз ни луны, ни звезд, —
Тоже снегом ветер занес?

Если страшно, к моей груди
Хоть на миг один припади.
Нелегко в пути, но крепись, гляди —
Будет ясный день впереди.

Слышишь сердца стук под рукой.
И зачем тебе твой покой?
За тебя — горой,
За тобой — рекой:
Я люблю, потому такой.

1943

* * *

Скрутит тебя любовь,
Пальцы сожмет на горле,
Не беспокой докторов, —
Есть лечебные корни.

На волоках ищи,
В заводях незнакомых,
В хвойной грибной глуши,
В травах и буреломах.

С лайкой, с дробовиком
Рыскай вдали от дома
И беспробудным сном
Спи потом на соломе.

Море переплыви,
Исколеси отроги,
Ноги в кровь изорви...
Дальние дороги
Вылечат от любви.

Но не болезнь любовь:
Плачут, когда болеют,
Губы кусают в кровь,
Вылечатся — жалеют.

1946

* * *

Кому люба на южном берегу
Всегда в зеленом парковая пальма,
А мне березка тонкая в снегу —
И на день с нею расставаться жаль мне.

В цветеныи вечном теплые места
И гравием посыпаны дорожки...
Но дорога и наша простота:
Олений мох, болота, горсть морошки...

Под осень в ясном золоте весь лес,
Зимой — метелей светопреставленье,
И с каждою весной — преображенье
И обновленье — чудо из чудес.

Березынька! Все мысли о тебе.
Не зря зовут простушку ненаглядой.
С тобой и в непокрашенной избе
Любой из дней становится наградой.

1944—1947

* * *

Помани — и останусь навеки
Чабаном на твоем берегу,
Полюблю эти шумные реки,
Эти синие горы в снегу.

Пожелай — и в родные просторы,
В глухариные дебри умчу,
Где-нибудь на Двине, на Печоре
Сам избу для тебя сколочу.

Примириюсь с тишиной неминучей,
Снова буду вставать до зари.
Только долгим молчаньем не мучай,
Затоскуешь — меня не кори.

1945

ВСЕ РАССКАЖИ

Все расскажи ей, хоть и страшно,
Когда признаешься в любви,
Об увлечениях вчерашних,—
Припомни все и назови.

О неприглядном, о случайном
Сказать не сможешь — напиши,
Чтоб недомолвками и тайной
Не бередить ее души.

Увидит, слезы осушая,
Чем жизнь твоя озарена,
Что настоящая, большая
Любовь, как подвиг, — вот она!

И — как живой воды пригубит,
Иль — словно крылья отрастут...
А, если примет, значит, любит,
В твою поверит чистоту.

1946

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Всю ночь под окном провода гудят,
Шумно вздыхает ель,
И каплет с крыши, тоску наводя,
Чортова канитель.

Водой набухая, киснет земля,
Как тесто в квашне, шипит.
Кругом непробрты лежат поля,
Жнитвина, что шипы.

В полдень,— как будто не рассвело,—
Морось одна, не свет:
В небе серо,
На земле голо,
Даже и тени нет.

Выйдешь — все те же капли летят.
Каплет...
И так везде.
Не от того ли и зубы болят
Осенью у людей?

Даже в район не выбраться мне,
Смыты водой мосты.
Только и свету — в твоем окне,
Радостей — только ты.

1938

* * *

Печальна участь одинокого,
А нелюдимого — вдвойне
Во время странствия далекого,
В дни испытаний,
На войне.

Пусть радости необычайные
Вдруг оживят его порог,
Покажется еще печальнее,
Что он друзей нажить не смог.

Лаптей не сплести, избы не выстроить,
Хорошей песни не сложить,
Самой земле и дня не выстоять —
Как без любви и дружбы жить ?!

1944—1946

ОЖИДАНИЕ

Спи, не тревожься, на зорьке разбудят.
Мне одному гадать без конца:
Мальчик иль девочка это будет?
В мать ли пойдет,
Иль будет в отца?..

Спи!.. А какое бы выдумать имя —
Новое, светлое?..
Бьют часы.
...Сын или дочь — одинаково примем.
Думаю, все-таки, будет сын.

Звездным сиянием, лунной порошкой
Полночь лежит у резного крыльца.
...В мать ли, в отца ли — будет хорошим!
Все-таки, думаю, будет в отца.

1937

II

* * *

Каждый день — с обновами.
Сердце озаряется.
Мир, как расколдованный,
На глазах меняется.

Но любовь треклятая
Все еще при случае
Не мытьем, так катаньем
Донимает, мучает.

То вы ненавидите,
То обожествляете,
День один не видите —
К жизни вкус теряете.

Те же ночи адовы:
„Нравится... не нравится...“
Та же страсть заглядывать
В прошлое красавицы.

Мнится что-то страшное,
Смотришь недоверчиво.
То все переслащено,
То все переперчено.

На войне вдруг вспомните
О далекой комнате:
Чьи-то вещи сложены
На диване кожаном?

Что-то за прохожие,
Что-то за проезжие

Без тебя в ней пожили,
Время проманежили?

У солдаток с древности
Постояльцы ценятся...
И опять от ревности
Все в душе запенится.

Не мытьем, так катаньем,
Случай лишь представится,
Старое, проклятое
Изводить пытается.

1944

ЛИСИЦА

Черносеребряная лисица
Из приуральских степей,
Мне не спокойно спится —
Думаю о тебе.

Строгая твоя поступь,
Черные твои глаза...
Что я скажу тебе? Просто
Мне без тебя нельзя.

Хвастался раньше охотно,
Сжав пятерню на груди,
Я ли, мол, не охотник, —
Лучше не подходи!

И — незнаком со страхом,
И — семерых побиваю;
Выстрелам несть числа...
Встретил тебя
И прахом
Выправка вся пошла.

Меж тополей и елей,
Светом обдав кусты,
В памятную неделю
Раз лишь мелькнула ты.

Сразу угрюм, неловок
Стал краснобай-зверолов:
Не до хвальбы зверолову,
Не до красивых слов.

В темную ночь не спится,
Думаю о тебе:
Ходишь, моя лисица,
Не по моей тропе.

1940

* * *

Опять не пришла. Не под силу мне.
Дышать скоро будет нечем.
Уж я ли не ждал, не торчал в окне
Меж двух косяков весь вечер!

Да! Ветер дул и дождь моросил.
Но, если б ты из дому вышла,
Наверное, вечер бы слез не лил.
Дорога бы не раскисла.

И, если б сегодня встретились мы,
Такое бы совершилось,
Что, может, и не было б вовсе тьмы,
И солнце бы не садилось!

1945—1946

* * *

Опять о далекой милой,
О первой затосковал.
Не с нею ли счастье было?
Но что я в нем понимал!
Куда подать телеграмму?
Как сердце унять свое?..
Назвал навсегда любимой,
Когда потерял ее.

Вторая, как непогода,
В мой дом, в мою жизнь вошла.
Я все без оглядки отдал.
А что она отдала?!
Я в душу ее чужую
Не смог занести огня.
И, может, затем тоскую,
Что в грош не ставит меня.

1942

* * *

Я тебя не хочу встречать.
Я тебя не хочу любить.
Легче воду всю жизнь качать,
На дороге камни дробить.

Лучше жить в глухи, в шалаше, —
Там хоть знаешь наверняка,
Почему тяжело на душе,
Отчего находит тоска.

Буду лес вековой рубить,
В мозглой тундре топи гатить...
Я тебя не хочу любить.
Если б мне тебя позабыть!

1945—1946

* * *

Да, дни твои не будничны, не серы,
И свет идет от твоего лица.
Живешь легко, ни в чем не знаешь меры,
То слезы льешь, то песням нет конца.

В лес заберешься, птичьим трелям вторя,—
Самой назад дороги не найти.
Домой везешь цветные гальки с моря,
А чемодан теряешь по пути.

И в радостях и в горе непритворна.
Люблю твой взгляд, и смех, и почерк твой.
Вся — сказка ты, вся — песня ты, бесспорно...
Но до чего ж мне трудно жить с тобой.

1945

В МИНУТУ ГНЕВА

Его боялись пуще грома,
Широкоплечий страшен был,
Он у врага в дому, как дома,
Закинув голову, ходил.

Мы не поверили на слово,
Что страсть его надорвала,
Что из большого из такого
Веревки женщина вила.

И мне на слово не поверят.
Умру, и ей в моем дому
Откроют все столы и двери
И доступ к праху моему.

Она слезами обольется,
Разжалобит моих друзей
И ни один не разберется
В любви и гибели моей.

Другие в чувствах поклянутся,
Она и тех согнет в дугу.
А я в гробу ни повернуться,
Ни даже вскрикнуть не смогу.

1939

* * *

Мне никогда тебя не простить,
Знаешь, наверно, сама,
Счеты сводить — нипочем не свести.
Легче сойти с ума.

И не уйти от тебя никуда, —
Ты на моем пути,
И не забыть тебя никогда,
Легче с ума сойти.

1945

ЗВЕЗДА

Нет, все, чем мы живем теперь,
И горечи любви
На мерки старые не мерь,
Извечным не зови.

Пусть каждому на все года
С рождения дана
Своя судьба — своя звезда.
Но есть — для всех одна.

Свет вечности ее зажег,
Неугасимый свет,
И без нее нам нет дорог,
Любви и счастья нет.

Просторно от ее огней.
Они в твоей судьбе,
В глазах, в словах...
И все сильней
Моя любовь к тебе.

Нам легче совладать с бедой
И с горечью любой
Затем, что под одной звездой,
Под этой ясной, молодой
Мы выросли с тобой.

1947

ВОСПОМИНАНИЯ.

Жена моя! Всё с тобою —
Работа, семья, досуг.
Всю жизнь меня с поля боя
Тебе выносить, мой друг.
Не знает излук дорога,
Над нами одна звезда,
Душа с твоего порога
Не просится никуда.

И надо ли нам бояться,
Что сердцу покоя нет
И часто обоим снятся
Волнения прошлых лет!
В голодные дни блокады
Среди баррикад и могил
Во фронтовом Ленинграде
Я девушку полюбил.

Ей дали топор и заступ —
Работала за троих.
Мешали тяжелые косы —
Она обрёзала их.
Пальто сменила на ватник,
Мужские надела штаны.
Цынга ей шатала зубы —
Она не ушла с войны.

Такой красоты и силы
До той поры не видал.
И хоть я ни разу „милой“,
„Своей“ ее не назвал,

А голову с любовью
Я перед ней клоню,
И этой любви великой
До смерти не изменю.

Родная! Не надо бояться,
Что сердцу покоя нет
И часто нам встречи снятся
Уже отошедших лет.

1942—1947

Стихи разных лет

В ЛЁТНЫЙ ДЕНЬ

Летчик в стратосфере пролетал —
Буквы из тумана вырастали,
Летчик имя в небе начертал
И с земли его читали:
— Сталин!

Словно облако, оно неслось,
Всё насквозь лучи его прошили,
И кому бы ввысь ни довелось
На ходу взглянуть, — в ладоши били...

Поднимали головы поля,
Зыбились, шумели спелым хлебом
И, казалось, что сама земля,
Вскинув руки, рукоплещет небу.

1939

ПУГОВКА

Ночь над Архангельском. Вдалеке
Грохот вагонных колес на стыке,
Лесозаводы — гудок на гудке,
Биржи и пристани — крик на крике.

В доме окраинном, при свече,
У самоварной трубы,
Вздыхая,
Бабушка ласковая, седая
Детям рассказывает об Ильиче,
Всякую мелочь припоминая.

— Видела, милые вы мои,
Видела!
Руку ему пожала.
Тут вот, к примеру, Ильич стоит,
Рядышком — эдак вот — я стояла.

Он обещал приехать к семи, —
Ждать на заводе с полудня стали.
Мне поручили:
— Пальто прими!
Нашего люду полнехонько в зале.

Ленин в озябшие руки подул,
Мокрою кепкой хлестнул по колену,
Скинул пальто и повесил на стул.
Я подхватила и — марш за сцену.

Полы раскинула на столе:
Вычищу, мол, пока выступает...
Чищу и вижу:

На левой поле
Средней пуговицы нехватает.

Думаю: вождь, а пуговки нет...
Я отпороть от жакетки решила,
И толстой ниткой — на много лет
На Ильичево пальто пришила.

Свою пришила.
От всех тайком.
А пуговки были разного сорта:
Моя негладкая — с ободком,
И потемнее — меньшие потертая.

Заполночь все распрошались с ним.
Пуговки Ленин моей не заметил,
А мне приятно:
Даже родным.
Не говорю о своем секрете.

Много ли, мало ли дней прошло,
Топаю раз за Неву на рынок
И замечаю:
Во все стекло
С облика Ленина новый снимок.

В черном до пят суконном пальто...
Я пригляделась:
Скажи на милость! —
Вижу: потертое... самое то...
Черное...
Сердце мое забилось.

Остановилась, сама не своя,
В стекла дышу, припала к витрине...
Пуговка — самая та, моя!
С левого боку посередине...

Так-то, ребятушки!
А зимой...
Той же зимой Ильича не стало.

Я принесла тот снимок домой,
Рамку дубовую я достала..

Плачу стою, сама не своя,
Умер? — не верю.
Горем убита.
Ленин! Ильич!..

А ведь и моя
Пуговка-то пришила!

1980

ГОВОРЮ ВАМ, ЗНАЧИТ, ЭТО БЫЛО

На Мезёни было,
На Мезёни!
Не богата на Мезёни зелень,
Зыбунисты мшистые дорожки,
Но красны болота от морошки.

Меж холмами
В Холмогорах было.
Из-за лесу солнце не всходило,
Сосняки поддерживали небо,
В сосняках водились быль и небыль.

Из неволи каторжной постылой
Уходил на полдень Ворошилов.
На Мезени,
В Холмогорах было.

По пятам гнались за ним собаки —
Царские продажные служаки,
Звякали отточенные шашки.
Плакали примятые ромашки.

Впереди урочища медвежьи,
Дебри непролазны, непроезжи.
Все Клименту смертью угрожало.
Ни одной дороги не лежало.

Но не падал духом Ворошилов.
В Холмогорья,
На Мезёни было.
Из-за лесу солнце не всходило.

Он пошел лесною целиною.
Поднимались ельники стеною.
В три обхвата сосны и коряги
Он кидал в бездонные овраги.

Скатывал нетесанные горы
В синие студеные озера.
И легли мосты и переходы
За болота, за лесные воды.

В Заонежье,
В Заовражье было.
Меж корнями листья ворошило.
Шел, не отдыхая, Ворошилов.

Впереди его желна летела,
По тайге распугивая белок,
Дятлы чернозобые стучали —
Волока полегче намечали.

Разбегались рыси и олени...
Требовал к себе Клиmenta Ленин,
Потому в руках своих такую
Моготу почуял он большую.

В Заозерье,
В Запечорье было.
Солнце над вершинами всходило,
С Беломорья задувал ветрило.

Нынче та дорога ездовая,
Маршальской дорогу называют.
Есть под елью камень, мхом поросший,
И на камне — след его подошвы.

Камень этот вам желна укажет,
В Заонежье это,
В Заовражье,
Где теперь светлы и ясны зори...
В Запечорье было,
В Заозерье.

Доплела узоры кружевница,
Посмотрела на ребячье лица
И в сундук коклюшки уложила.
— Говорю вам,
Значит, это было!

1941

ДЕТСТВО НА ВОЛГЕ

Волга текла, излучая свет.
Он исходил не от неба, нет:
В засуху — влага,
В стужу — тепло,
Все от её полноводья шло.

Люди смотрели:
Она живет,
Песни поет и ломает лед.
Живности всякой до дна полна,
Небу подстать ее глубина.

Здесь он родился.
Он Волгу пил,
Лазил по яблоням, рыбу ловил.
Сына отец прижимал к груди:
— Малому пальца в рот не клади.

Малый любил под плоты нырять.
С плачем бежала с берега мать:
— Валька, куда ты?
— Лещей ищу!
— Валька! Утонешь, — домой не пущу!

Ранней весной, еще в ледоход
Валька визжит, но уже плывет,
Льдину толкает:
— Посторонись!
Дай побаращаться,
Ох, и жизнь!

Летом, свистя, пароходы шли.
— Вот бы — за ними, на край земли!..
Валька, как рыба, кинется вслед,
Сядет на руль:
— Соседям привет!

Рыжики в роще начнут расти,
Валька тоскует:
— Батя, пусти!
Клин журавлей продетит над рекой,
Он поглядит — и прощай покой.

Тянет за Волгу в густые леса.
Чудится: ходит в лесу лиса,
Звери рычат, мычат сохачи,
Филины „шубу“ просят в ночи.

Он созывает своих ребят —
Тертый, бывалый в драках отряд,
Едут на остров в густой тальник.
На семь парней один дробовик.

Зверя не встретят — дичи набьют,
Утку в капустный лист завернут.
Глиной обмажут и — на костер:
Ужин заслужен,
Горяч и скор.

А не набьют — велика беда!
Хлеб да вода
Ужель не еда?
Шапки подбрасывают к небесам, —
Всякий свою расстреливал сам.

Рвался Валерий в леса, в лога...
Если бы рядом была тайга,
С детства на зверя один на один,
Верно, ходил бы котельщика сын.

С детства он чуял в себе орла.
Рядом с деревней гора была,

Валька с горы на лыжах парил.
Лыжи к зиме он сам мастерил.

Где-то нашли парусиновый зонт,
Валька построил ребят во фронт,
Прыгнул в овраг
И... едва уцелел...
С детства Валерий в небо глядел.

Скоро пиджак „глухаря“-отца
Стал тесноват на плечах мальца.
Вождь разглядел в волгаре орла,
Родина крылья ему дала.

1940

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Лежал песок и солнце пекло
Рыхлое желтое темя,
Но взяли песок, запаяли в стекло,
И вот: земля измеряет время.

Завод у часов на минуты одни,
Но время под нашим началом:
Стечет песок — часы поверни
И станет конец
Началом.

И кажется мне, что и я таков:
Вечером еле сидишь на стуле,
Падаешь в полог мертвым, без слов,
А утром поднимешься — жив-здоров,
Словно перевернули.

Может, и смерть такая придет:
Друзья наготовят тесу,
А смерть тебя, как часы, повернет, —
И снова несутся за годом год,
И нету тебе износу.

1939

ИЛЬЕ СЕЛЬВИНСКОМУ

1.

Мороз расписал оконные стекла
И сказочной стала моя изба.
Пред этой лепной работой поблёкла
Резьба по кости, по бересте резьба.

Как тонкая ретушь на негативе,
Как перья фазаньи, лежат штрихи.
Что если б не таяло!
Диво на диве:
То горная круча, то речка в разливе,
То звезды, то ласточки, то лопухи.

Не этой ли индевью, росписью этой
Кудесников Палеха дышит кисть?
Взгляни на узоры вечернего света,
В пушок, в завихрения эти вглядись.

Тоскуешь о море —
Увидишь море,
О доме тоскуешь —
Увидишь дом:
Уставшую мать в цветастом уборе,
Старинный колодец на сельском угore,
Четыре березы под самым окном.

Тоскуешь о канувшей в мир любимой —
Глаза ее хлынут в сердце твое,
И станет она ощутимой и зримой,
А ветер, а выюга, летящие мимо,
Напомнят и голос грудиной ее.

Дивись этой силе,
Вставай с рассветом,
Дыши на стекло,
Упивайся им.

Не так ли читаем любимых поэтов, —
Находим все,
Что найти хотим.

2.

Нам бы жить с тобой до седин
Где-нибудь в бору на юру,
На медведя один на один
С топором ходить поутру;

Иль, потуже стянув пояса,
Молотами пудовыми бить,
На плечах поднимать леса,
Нам бы лес с тобою рубить,

Так земны мы и широки,
Ладно скроены и крепки.
Наши плечи, что косяки,
Что булыжники — кулаки.

Мы лишь ногти свои грызем
И карнаем карандаши,
Мы себя табаком глушим...
Что за груз теперь мы везем?

Выти легкие освежить,
Спину выпрямить недосуг.
Но гляжу на тебя, мой друг,—
И понятней и легче жить.

Весь твой путь припомню, любя,—
На земле родной ты не гость.
Что осталось бы от тебя,
Будь не эта медвежья кость?

Пробиваться сквозь штормы, лед,
Чтоб открыть хоть клочок земли,
Хоть вершок,—
Ледокол и тот
Иногда ломает рули.

Плечи грузчика, грудь бойца
В нашем трудном деле нужны.
Хорошо с любого конца,
Что такими мы рождены.

1989

ПЕРВЫЙ УРОК

Ну, усаживайся, мой любый,
Рыжик мой, вот сюда на край,
Убери надутые губы
И дары отца принимай

Пёсик вот.
Не кусает, не лает,
А к ногам ползет, как живой,
И лохматым хвостом виляет,—
Хвост у пёсика заводной.

Это лисынька.
Вон какая!
Как взаправдашняя, хитра,
Глазки ласковые, а злая,
Морда въедливая востра.

Посмотри и на зайку, Яша.
Как припал!— замерла душа.
Он труслив, как и настоящий,—
Узнавай таких по ушам.

Ты еще и зайки не выше,—
Сколько лет у тебя за душой?—
А смеешься, в глаза глядишь мне,
Словно что ни на есть большой.

Подрастай же и, как большие,
Все рассматривать привыкай,
Наступай на хвосты заводные,
Уши длинные отрывай.

21 марта 1938 г.

НАКАНУНЕ ПОБЕДЫ

Все ясней, все шире весна.
Близок день, когда скажут люди:
„Завершилась победой война!“
Близок час...
Но как это будет?

Свет какой озарит синеву?
Сколько флагов вихрь заполощет!
Как захочется всем в Москву,
К мавзолею на Красную площадь!

Воин — только что из огня,
Запыленный — встанет у входа.
Голос воина — голос народа:
— Ленин! Слышишь ли ты меня?

Я грозу от страны отвел,
Смял я немца в открытом поле,
Как рассвет по земле прошел,—
Вызывая людей из неволи.

Зашумят в степях зеленя...
А в прохладный час полуночи
К мавзолею придет рабочий:
— Ленин! Слышишь ли ты меня?

Ты меня вдохновил на труд,
Воля Сталина окрыляла.
Эти руки не устают,
Только б Родина процветала.

Следом женщина из села
Слово молвят у мавзолея:
— В дни войны, себя не жалея,
Все я сделала, что могла.

По цветам, с детьми на руках
Мы поднимемся на ступени.
На восьмидесяти языках
Скажет Родина:
— Слушай, Ленин!

Братством наша семья сильна,
Не страшны со Сталиным беды.
Слушай, Ленин! Пришла Победа,
Торжествует твоя страна.

Светом новым озарены
На пути великом и правом,
Нашей Партией мы сильны.
Неприступна твоя держава.

А на небе — огни, огни...
И земля, расправляя плечи,
Станет радоваться по-человечьи...
Что же это будут за дни!

Весь народ ко Кремлю придет,
Путь веков через площадь ляжет.
Сталин голосом Ленина скажет:
— К новым подвигам, братья, вперед!

Апрель, 1945

9 МАЯ 1945 ГОДА

Только вчера еще — стужа, грязь.
Утром вдруг — синева,
Словно под солнце перенеслась,
В небо взвилась Москва.

Что за рассвет! Солнечный свет,
Почки на тополях,
Грохота нет и разрывов нет,
Светится вся земля.

Белыми стаями лебедей —
Легкие облака.
Солнечный свет в глазах у людей,
В солнце знамен шелка.

Да, незнакомых сегодня нет,
Запертых нет дверей,
Нас единит животворный свет
Родины богатырей.

Праздник Победы в нашем дому.
Твой это праздник, народ!
Каждому встречному руку жму,
Встречный меня поймет.

Звезды рубиновые горят
Светом наших побед.
Сдернул пилотку свою солдат —
Душу заполнил свет:

— Сталин! Твоя сквозь огонь войны
Нас провела рука.

Сталин! Тобою озарены
Наши пути в века.

Сталин! С тобою и смерти нет,
Солнечно впереди.
Для миллионов, как счастье, свет
В сердце твоем. Веди!

9 мая 1945 г.

В ПОЛЕТЕ

Мелькает, расплывается
Черта лесов, болот.
Сквозь тучи пробивается
Советский самолет.

Просветы в них, как улицы,
И он скользит по ним,
И небо им любуется,
Земля гордится им.

Она сама красавица,
Светла и велика,
Орлиным зреньем славится
И в крыльях широка.

Подняли горы головы:
Плывет поверх хребтов
Густое и веселое
Гудение винтов.

Высокая, богатая
Дорога вдаль ведет,
И к солнцу все крылатое
Пускается в полет.

1946

КРЫЛАТЫЙ НАРОД

Под широким крылом самолета
Облака золотые плывут.
За любовь к беспредельным высотам
Нас крылатым народом зовут.

Да, крылатые все мы — от мала
До велика.
Нас буря не гнет.
Мир глядит на размах небывалый
Нашей славы и наших работ.

В ратной дружбе сердца беззаветны.
Революция нас подняла,
Окрылили октябрьские ветры,
Верность Родине силу дала.

Звезды в небе высоком лучисты.
Не съемся с пути и во мгле.
Светел взгляд наш и помыслы чисты:
Только счастья хотим на земле.

На ветру полыхают знамена.
Боевые дороги прямы.
Соколиное сердце дано нам,
От рожденья крылатые мы.

1945

НАШИ ПРАЗДНИКИ

Знакомы

первый лист сквозной,
Резной зеленый свет,
Дом муравьиный под сосной,
Утиный влажный след;

Знаком и шум под крутизной
Раскованной волны,
А всё наполнен новизной
Любой из дней весны.

Который раз, как в первый раз,
На этот мир глядим.
Который раз!
Но мир для нас
Всегда неповторим.

И в праздниках твоих, народ,
Есть нарастанье сил.
Стремительней из года в год
Полет орлиных крыл.

Весной все соки вверх идут,
Все корабли — в поход,
И руки тянутся к труду
Сильней из года в год.

В знаменах алых небосвод,
Шелка плывут волной,
И кажется — всегда восход
Над нашею землей.

Свежий хлеб

У Т Р О

Чуть рассвет — и свистят по садам скворцы,
Веселее журчат ручьи,
И несется, как песня, во все концы:
— С добрым утром, друзья мои!

Каждый день на земле, словно новый век.
Воротившись с войны домой,
На работу с зарей встает человек.
— Труд на пользу, товарищ мой!

— Труд на пользу! — кричат по стране гудки
Труд на пользу! — шумят поля.
И спускаются с солнцем в штрек горняки,
Солнце входит в окна Кремля,

Кузнецам, сталеварам земной поклон.
Чернозем хлеборобу рад.
В мире нет благородней наших знамен —
Серп и молот на них горят.

— Труд на пользу! Мужай, велика и сильна, —
Труд на пользу, моя страна!

1946

ПРАЗДНИК

По селу в обгон, вприпрыжку,
Взбудоражив весь народ,
Пробежали ребятишки
С криками:
— Идёт! Идёт!..

Наконец-то дождались,
В колею вступает жизнь!

Лаем жучки залились,
Словно с цепи сорвались.
Взмыли голуби. Дома
Окнами захлопали.
И пошла
Кутерьма.

Вот уж он сошел с холма,
Вот он катит по полю.
Пыль, как дым, в дыму кумач —
Огоньком над пашнею.

Ребятишки мчатся вскачь.
— Не чуркач, — кричат, — жидкач,*
Молодой, не кашляет!

Он пронесся вдоль селенья
И у мира на виду
Встал под окнами правленья —

* Трактор с газогенераторной установкой, работающий на древесных чурках, в колхозах зовут «чуркачом», а на жидкокомплексном топливе — «жидкачом».

Новенький, послевоенный,
Первый в нынешнем году.

Даже солнце из-за туч
На него скосило луч.

Тракторист привстал с сиденья.
— Встреча? — Что же, так и след!
— Добрый день!
— Мое почтенье!
Потрястись для развлеченья
Есть охотники иль нет?

Ребятишки — всей оравой.
И пошло пылить шоссе...
— На какую скорость ставить?
Отвечают:
— Ставь на все!

* * *

Стол — самим на удивленье,
Словно это братчина:
Есть соленье, и варенье,
И печенье, и копченые —
Всякая всячина.

Тракторист — посередине,
Как для свадьбы разодет.
Перед ним вино в графине,
Для других покуда нет.

Флотский китель сбросив с плеч,
Председатель держит речь:

— Дорогие граждане,
Поздравляю каждого:
Жизнь на мирный курс легла
И для нашего села.
На коровах? Да, пахали!
Нам свобода дорога.
На себе пахать бы стали.
Только бы разбить врага!..

И звенели ложки,
Чугунки и плошки.
— Да, хлебните ж хоть для виду
С холодцом окрошки!..

Задушевная беседа
Не вином хмельна была.
— Это к нам сама Победа
Нынче, граждане, пришла.

1946

СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

*Евдокии Григорьевне,
моей матери*

Нет, не вернется мой брат с войны.
Что нашей матери в горе поможет?
Может, слова совсем не нужны,
Просто поплакать лучше, быть может?

Дружен, широк был семейный стол.
Правильной жизнью жили ребята.
Мама! Ты знаешь, за что он шел
И почему стал храбрым солдатом.

Матерью Родину звал свою, —
Имя твое в огне окрыляло.
А пощади мы себя в бою,
Что бы с Отечеством нашим стало!

Жизнь на земле утвердил твой сын.
Мир отстоял на долгие годы.
Воину памятник не один
На площадях поставят народы.

Легкого счастья на свете нет,
Все окупается потом, кровью.
Пусть в твоем сердце не гаснет свет,
Не оскудеет душа любовью.

Имя тебе — солдатская мать!
Слезы и боль с тобой разделяя,
Знаю, как трудно сына не ждать,
Верю и в силу твою, родная.

Перед бедой не согнем спины.
Вспять не пойдут широкие реки.
Русская ты, и твои сыны
Крепостью Родины будут вовеки.

1946

ЭЛЕВАТОР

Он, как скала, в степи стоит,
Вся степь вокруг видна.
Пшеница на холмах шумит
И на него, как на гранит,
Надеется она.

Церквушку сгорбили века —
Чуть выше тополей.
А он — с осанкой маяка,
И входит — солицем в облака —
В пейзаж родных полей.

Лишь раз в предзимье примет он
Поток машин, подвод
И поезда со всех сторон
За хлебом, словно на поклон,
К нему идут весь год.

Ночами от его огней
Светло в краях глухих.
Что непогодь такой броне ?
Немало крепостей в стране
И он — одна из них.

1946
Алтай

КОНЮХ

От махорки лампы гаснут,
Не курить — терпенья нет.
Стол накрыт отрезом красным,
Над столом вождя портрет.

Торжеству большому рады,
Стар и млад пришли на сход.
За великий труд народ
Получал награды.

Люди, будто не в артели —
На скамейках, на полу, —
А в Москве, в Кремле сидели.
Молодые чуть не пели,
Подходя к столу.

Присягая на все годы,
Каждый четко, как солдат,
Говорил:
— Служу народу! —
И садился в первый ряд.

От волнения сквозь слезы
У молодки у одной
Вырвалось не как должно:
— Служим нашему колхозу!
Ей шепнули:
— Все равно!

Только конюх, чортов дед,
Не сказал ни „да“, ни „нет“

Огорчил стариk людей:
Раз тебе награду дали,
Должен молвить —
Про себя ли,
Или что про лошадей...
Может быть, одной медали
Мало этой бороде?!

Взял и сунул под армяк,
Да еще нахмурил брови,
Будто выпил натощак,
Словно все ему не так
Да не внове.

— Приколоть медаль-то надо! —
Зашипели сразу все. —
Аль не по сердцу награда?..
Но стариk не поднял взгляда.
— Ничего! — сказал.
И сел.

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

А потом, когда с собранья
Вышел конюх, как из бани,
Мокрый весь,
Никто в ограде,
В темноте не разглядел,
Как он бороду разгладил,
Как на грудь медаль приладил,
Как он вдруг помолодел.

Хорошо мужик работал,
Было много старику
И поблажек
И почета,
Но такого поворота
Не случалось на веку.

В первый раз за много лет
Не стерпел — заплакал дед.

Не домой пошел — в конюшню,
С лошадьми поговорить,
Отвести с друзьями душу.
Кстати, пару непослушных
Случай выпал пристыдить.

Кони радостно заржали
И, взгляdevшись в полутьму,
По всему, — из-за медали
Головами закивали,
Как бы кланяясь ему.

Он сказал им:
— То-то вот!
И меня народ отметил.
Заодно и вам почет.
Я гляжу: на этом свете
Честный труд не пропадет.
Это вам не то, что встарь!.. —
И зажег в углу фонарь.

Вдоль конюшни от порога,
Как вдоль строя генерал,
Он шагал — хозяин строгий,
Лошадей журил, трепал,
Крупы гладил, гривы трогал
И для каждой хоть немногого,
Хоть два слова да сказал.

Сосунок, еще без толку,
Маленький, как горбунок,
Мокрой мордой ткнулся в бок.
Он схватил его за чолку:
— Признаешь теперь, сынок?!

Напоследок ярового
Всем засыпал:
— Ешьте в суть!
Чур, меня не подводить,
Поутру — за дело снова:
Вам за конюха такого
Бога надобно молить.

В АЛТАЙСКОЙ СТЕПИ

Вся степь — колхозный ток,
Скирды, скирды вокруг —
На север, на восток,
На запад, и на юг.

От неба до земли
Стоит железный гуд,
И тракторы вдали,
Как танки, бой ведут.

Комбайны на току,
Что ульи на лугу:
Над каждым, словно рой
Половы столб живой.

Колосьям нет цены,
Они крупны, плотны,
Как те, что в герб страны
Пучками вплетены.

Когда в степи восход, —
Вся в золоте она.
Не сосчитать подвод
Отборного зерна.

1946

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Всей семье — как сбор назначен,
Только скатерть постлать.
В каравай еще горячий
Входит нож по рукоять.

В пожелтевшей гимнастерке
Сам большак обряд творит.
Чуть похрустывает корка,
Духовитый пар валит.

— Ну, сказал он, — был бы в требу,
Начинайте в добрый час!
Чем другим земля, а хлебом
Наделила нынче нас.

Золотистые горбушки
Срезал: это для детей.
На особицу старушке
Вынул мякиш из ломтей.

Скосок свой, усы поправив,
Крупной солью посолил.
Всей своей семьи и славы
И здоровья посулил.

И еще промолвил слово:
— С хлебом горе не беда!
Не забудьте, мол, какого
Стоил этот хлеб труда.

Без него, мол, нету жизни...
И отправил крошки в рот.
— Свежий хлеб — он всей Отчизне
Сиушку дает.

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

М. М. Пришвину

Не сломалась моя рогатина,
И на праздничный круглый стол
С волокнистою медвежатиной
Подает хозяйка котел.

Храбрецу поют величальную.
Что ж, по рюмке за храбреца!
Но потом по стакану чайному
За умелого кузнеца!

Расстаюсь, не скучаясь, со шкурой, —
Пусть лежит у его стола:
Не свалить бы мне нынче бурого,
Если б сталь не добра была

1946

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

Избирательный участок
От села верстах в шести.
Полем чистым, лесом чистым
Час и два пешком итти.

Было принято решенье:
На подводах всем селеньем
Выехать голосовать.
За неделю предправленья
Обходил свои владенья—
Как бы в чем не оплошать.

Кандидат на сход колхозный
Приезжал, сидел до поздна
И понравился навек:
По всему,— большой, серьезный
Свой, партийный человек.

И до праздника село
Счет последним дням вело.
Председатель на конюшню
Заявлялся чуть светло.

Все ли лошади готовы?
Крепко ль пригнаны подковы?
Да — побольше бубенцов!
Да гармошку для веселья!
Не попасть бы в снег лицом
Пред соседнею артелью.

— Торжества, — сказал, — такие
На земле не каждый год.
Пусть же видят, как в России
Выбирает власть народ,

Как уверенно и гордо
Здесь у нас, в лесном краю
Настоящая свобода
Носит голову свою...

1947

В ПОЛЕВОЙ БРИГАДЕ

В полевом колхозном стане
Дулись вечером в „козла“.
О комбайнере Иване,
Подмигнув честной компании,
Речь Алена завела:
Чьим-то мужем, дескать, станет.
Кто-то Ваню заарканит,
Не сбежал бы из села.

И уж так смеялась звонко,
Словно бес ее щипал.
Стала требовать Аленка,
Чтобы весь колхоз о женонке
Для Ивана хлопотал.
А Иван сидел в сторонке
И молчал.

Пересмешки, прибаутки
Вокруг соснового стола.
Покосившись на Марфутку,
Речь другую, так же в шутку,
Озорница завела:
Вот, мол, девушка! За сутки
По три нормы ставит. Ну-тка...
Пара б славная была.

Марфа рядышком сидела
И, кто знает, почему
То краснела, то бледнела,
Все еще понять не смела —
Что к чему.
А Иван — ну, словно дела
До Марфутки нет ему.

Смотрит в сторону Аленки;
Что за прихоть у девчонки,
Не поймешь, к чему ведет?
Что напрасно зубы точит,
Людям головы морочит?
Уж она-то знает точно:
Никуда он не уйдет.

1947

В КОНТОРЕ КОЛХОЗА

Колхозная контора
Просторна и светла.
Чернильные узоры
По всем краям стола.

В углу плакат, как вывеска,
Двухцветная „Доска“.
Стена в газетных вырезках
И „Боевых листках“.

Другая — в фотоснимках,
Полученных с войны:
Сидят бойцы в обнимку —
Колхозные сыны.

В простенке Карта Мира,
Указка на крючке.
У ходиков не гиря —
Кирпич на ремешке.

Артели „Годовой отчет“ —
Трехзначные ряды:
Приход-расход, приход-расход,
И тонны, и пуды...

Потом — „Распоряжения“,
Особая стена.
И всюду:
„Предправления —
Алена Фомина“.

ЗАБЛУДШАЯ

С толку сбилася красавица.
Плачет мать порой ночной:
Не охота худославиться
Из-за дочери родной.

Третий раз была бедовая
Честь-по-чести отдана
И опять живет не вдовая
И не мужния жена.

Класть хулу на время нечего
Да во всем винить войну:
Не была она в неметчине,
Закружилась не в плену...

По селу идет красавица —
Будто вязнут каблуки.
За спиною ухмыляются
Озорные пареньки.

Бабы судят речью строгою,
Старики усы едят,
Дома пристально, с тревогою
Дочерям в глаза глядят.

Молча девушки сторонятся,
Ей руки не подают,
И молодки не поклоняются —
Не считают за свою.

По селу идет красавица
Ни жива и ни мертвa,
Низко, низко опускается
Золотая головa.

1944—1947

КУСТАРЬ

Я не раз встречался с нею,
Как бывать в деревне стал,
Но в беседу не вступал:
Мол, подумаю... успею...
Чтобы я да оплошал!

Не найти в районном центре
Мастеров моей руки,
Я чиню на сто процентов,
Хошь, часы, а хошь, замки.

Но однажды между прочим
Говорю ей:
— Что за вид!
Что за брови! Что за очи!
Хороша невеста очень!
— Не плохая! — говорит.

И глядит — и горя мало.
Фу, ты, — думаю, — смелà!
Прямо в душу мне запала,
Прямо за сердце взяла.

Раза по три на неделе
Стал ходить в колхоз — беда!
Говорю:
— У вас в артели
Солнце, воздух и вода.

Для здоровья пользы много.
И опять — про взгляд и вид...
— Если нравится дорога,
Что ж, ходите! — говорит.

Я — про жизнь про городскую:
Плитки, примус, то да сё...
А невеста — ни в какую,
Улыбается — и всё.

Говорю ей:
— Я же мастер,
Ты об этом не забудь! —
Отвечает:
— Ваше счастье,
Но и я не кто-нибудь.

Предлагаю стать женою
И гарантию даю,
Что, мол, в городе со мною
Заживется, как в раю.

Про любовь веду беседу
И про кое-что еще...
А она мне:
— Не поеду,
Мне в колхозе хорошо

1939—1947

ДАЛЕКИЕ ПОХОДЫ

Желтые дороженьки,
Далекие походы.
Ноженьки, вы, ноженьки,
Ботинки-сқороходы!

Дубленые, солдатские,—
Шнурки в пыли багровой,
Подошвы ленинградские,
Уральские подковы.

Низы, лощины грязные,
Болото на болоте,
Завалы непролазные,—
А вы себе идете!

А вы себе шагаете
И удержу не знаете,
И горы вам не горы,
Озера не озера.

Дорог и троп исхожено
Самим не надивиться!
Но нам было положено
Пройти по заграницам.

Над Польшей, над Румынией
Все шире небо синее.
Встречали нас со славою
Юнаки Югославии.

Пылят, пылят дороженьки,
Шумят речные воды.

Ах, ноженьки, вы, ноженьки,
Ботинки — скороходы!

Суконные обмотки,
Железные подметки!
Земля во век не видела
Размашистей походки.

1945

СВЕТ В ДУШЕ

Мой дед любил копить рубли,
С печным горшком дружил.
За шар земной
Своей земли
Вершка б не уступил.

Засел в домок свой, как в окоп,
Росла бы в поле рожь,
А там в округе хоть потоп —
Его не прошибешь.

И шла молва про старика
Крута, не хороша:
Черна душа у мужика,
Берлога — не душа.

Но дед не смог добра скопить:
Дожив до седины,
Не чаял он, что можно быть
Хозяином страны...

И я мужик.
И мне земля
Родная дорога,
И я за зря не жгу рубля:
Деньгà — всегда деньгà!

Но я в такую даль взглянул
От узенькой межи,
Такого воздуха хлебнул,
Что душу освежил.

Прошло без мала двадцать лет,
Как жить в колхозе стал.
Моей души коснулся свет,
Какого дед не знал.

По той же пахоте хожу,
С лица текут ручьи,
Но я на шар земной гляжу,
Как на поля свои.

И чтобы свет в душе не гас, —
За правду за свою,
За нашу власть,
За всех за нас
Всей жизнью я стою.

1946

Поэмы.

Повести в стихах

КЛЯТВА

Злато Константиновне
Поповой-Яшиной

Над серой вершиной ветер свищет,
Птица-орлица пишу ищет.
На склонах тёрн,— торчат корневища.
Дуб над бездной
Стоит, как железный.
На вершине воздух чище,
Небо синей,
Роса холодней.
С вершины видней.
На вершине клятва верней.

Давай поклянемся, мой друг.
Взгляни, какая земля большая,
Родная, — не видно конца и края!
Лицом повернемся на юг.
Перед тобой хребет снеговой,
Клёкот над головой.
С юга вершина освещена.
Пусть будет клятва верна:
Солнце — для юга,
Мы — друг для друга.
Пусть будет, как солнечная сторона,
Наша любовь ясна,
Такая же светлая и молодая,
Как Родина, —
Без конца, без края,
Клянись!

Поворотись на север.
Там, за степями, льны и клевер,
Ольховые роши,
Сосновые чащи,
Начала рек широких, журчащих,
Там васильки и разрыв-трава.
В логах текут тетерева.
Там Москва —
Всему голова.
Там Вологда, где мы с тобой родились,
Где жить учились.
За домом, у тына,
Не виноград — рябина.
Среди вековых лесов — заводы,
Глядятся трубы в озерные воды.
А дальше тайга,
Зыбуны по пояс,
И льды, и снега —
Полюс.

Не забывай о родине,
О нашем роде —
О сильном, честном, прямом народе.
Не забывай:
Твоя судьба — нехоженный край.
Люби в лесах родниковую воду.
Не забывай:
Жить с народом — служить народу.
Клянись!

Восток сам
Повернулся к нам
Восходом ранним,
Хвойным дыханьем,
Оленями сопками,
Верблюжьими тропками,
Путями великими,
Песками топкими,
Трущобами дикими.
Необозримый, неиссякаемый,

Ветрами солеными овеянный,
Издревле богатый
Зверем рогатым,
Пухом и мехом,
Кедровым орехом.

Европа и Азия в силе и славе
Соединились в одной державе,
Шестую часть занимает света
Держава Советов.
И в мире нету
Другой земли такой великой,
Другой семьи такой многоликой.
Не знаю лугов заливных цветистей,
Полей необъятней, садов плодородней,
Плотин величавей, гудков голосистей,
Народа пытливей и благородней.
Нас Партия наша объединила,
Пути на века вперед озарила,
И с каждым годом все окрыленней,
Все выше реют ее знамена.

Входи же хоть каплей в громаду потока,
Песчинкой,
Снежинкой в вихри с востока,
Лучом в сиянье,
Искрою в пламя,
Строкою в песню,
Узором в знамя.
Пусть солнце братства
Несет народу
И радости жизни,
И свет, и свободу.
Ему поклонись!
Пред ним поклянись!

* * *

На запад повернись.
Опять довелось нашей силе и шире
Подняться за правое дело в мире.
В дыму столкнулась со сталью сталь.

До крика каждую травку жаль...
Взвилось над Берлином победы знамя
И все сердца благородные с нами.
Сегодня мы от костров храним
Культуру, которую миру дали
Москва и Афины,
Париж и Рим, —
Мы ныне совестью мира стали.
Над океанами на километры
Хребты возвышаются — в солнце, в ветре,
Но выше хребтов над кряжем веков
Великая родина большевиков.
С вершин Кремля открываются дали,
Каких другие державы не знали.

* * *

Нам с тобою долго жить,
Свято любить,
До смерти дружить,
Много видеть, сделать много, —
У нас с тобой большая дорога.
Советская Родина нас вскормила
И в нас ее правда, размах и сила.

Не забывай о горной вершине,
О неоглядной шире.
Не забывай и грома раскаты
И медленный долгий подъём:
Тёрн рос по всему каменистому скату, —
Мы шли тернистым путем.
Неси с собою клёкот орлиный,
Держи мою руку в дорогах длинных —
Любовь нам дана не на смерть, на жизнь.
Ни в чем
Никогда,
Не сходи с вершины.
Клянись!

8 октября 1943 г. вершина Бештау
1946 — Москва

ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА

Очерк

В новом рабочем клубе,
Светлом от свежих плакатов,
Пахнущие опилками,
Землей и зерном,
Чуть свет
Пильщики и крестьяне
Сошлись намечать кандидатов
В Верховный Совет Республики,
В народный Верховный Совет.

— Я предлагаю выбрать
Авдотью Петровну в Совет.
Лучше льновода, верно,
В целом Союзе нет.
Вот она, всем родная,
С нами сидит у стола,
Слава ее трудовая
Землю всю обошла.

Я ездил к отцу на север.
Не ходят туда поезда:
Семь раз подо мной поднималась
В прилив океан-вода,
Семь раз оставляла тину
На скалах, как невола,
Казалось, и ветры наши
Не залетают туда.

Потом я оленей в тундре
Кормил на речных берегах, —
Пятнадцать закатов подняли
Они на своих рогах,
Четырнадцать зорь на землю.
Сошло по оленым рогам...
Так велика наша Родина!
Нет ей конца и там.

И там наша правда в силе.
И там — во льдах, на воде —
Живет наше слово и дело —
Слава наших людей.

Когда я собрался обратно,
В дом моего отца
Два старика принесли мне
Сверкающего песца.
На вытянутых руках его,
Белого, принесли,
Сказали:

„Отдай Авдотье
И поклонись до земли.
Наша, мол, с нею старость
Светла, как белая ночь...
Сама коль носить не будет,
Пусть носит невеста дочь“.

Авдотья выходит в поле
По золотым часам.
На кофте Авдотьи орден, —
Калинин вручил ей. Сам.
Думаю, будет Авдотья
Зашитницей наших прав.
Высказывайтесь, товарищи,
Прав я, или не прав.

• • • • • • • •

За красным сукном президиума
Сидят мастера-пилоставы,

Сидят мастера-колхозники,
Пильщики — в два ряда.
На самом краю скамейки,
От выступающих справа,
Сидит Евдокия Петровна.
Скуласта. Немолода.

Не робость, — чего робеть ей? —
Но жажда томит, нет мочи,
И так завсегда, лишь станут
О ней на миру говорить:
Сушь в горле, как в преисподней,
Глотнуть бы хотя разочек,
Хотя бы один глоточек,
Хоть губы смочить — не пить.

Графин стоит почти рядом.
Наверно, как лед, водица!
Но надо тянуться... Авдотье
Припомнился случай один:
Вот так же в Кремле сидели ..
Такие ж родные лица...
Когда, захотев напиться,
Она потянулась к графину,
Ей... Сталин подал графин.

И было как-то неловко, —
Сама всю жизнь подавала...
И пить не смогла,
Не знала,
Куда свои руки девать.
Уж так ее мучила жажда,
А все терпела, молчала,
Чтоб никого не заставить
Вставать, графин подавать.

• • • • •
К столу, на ходу охорашиваясь,
Подружка Авдотьина вышла.
Пояс на ней, что радуга,

Брошки, что зеркала.
Поверх голов посмотрела,
Прикинула, будет ли слышно, —
Людей, чай, не меньше тысячи, —
Откашлялась и начала:

— Нынче моя парочка у всех на виду,
И я об Авдотье речь поведу.

Жили мы дружно —
Ничто нипочем,
Дело поднимали одним плечом,
Горе плечом,
И печаль плечом,
Пахота, жнива ли —
Всё нипочем.

Но был один случай — скажу о нем.
Лён теребили мы за гумном.
Встали на лён,
А лён не по мне:
Я даю десять,
Она — вдвойне.

Ласточки еще не кружат в полях,
В небе ни облачка,
След на траве,
Спит, как убитая, вся земля, —
А мы уж на льнище.
Обе-две.

Дали по кофте нам —
В бабочку шелк,
Ситцу нам дали —
Все хорошо...
Только на загон ну хоть не ходи:
Я рву по сотне,
Она впереди.
Что, баю, за чудо,
Как быть — стать?!

Думать решила да примечать.
Взяло за живое, жить не даёт.
День прошел, два прошло, три,
И вот
Стал-таки праздник на моей стороне:
Она дает десять,
Я вдвойне,
Она ставит сотню,
Я полторы...

Ну и повыхаживалась я в те поры!
Песен заодно с Евдокией не пою,
Чаю из общей заварки не пью,
Лен отказалась стлать сообща...

А подружке хочется все по душам:
„Что ты, словно дуешься,
Злишься всё,
Что ты, — бает, — цароцька,
сердишься?“

Я себе ломаюсь да форс задаю...
Но стали мы работу сдавать свою,
Вывалили мой из предбанника лен —
Старики довольны:
— Лен как лен!
Привезли Авдотьин —
Мой на смех.
Лен у Авдотьи, что тебе снег!
Щупом перещупывают каждый сноп,
Лебедь белоперая — каждый сноп.

Я — к Евдокии:
— Что за ленок?
Сколько лежал? В какой воде мок?
А она смеется:
„Форс-то брось!
Надо наперед расстилать не врozy.
Я ли не звала тебя?!

Где ты была?..“

И, как бывало, к себе повела,
Чаём поит меня,
С медом поит,
Книгу показывает:
„Вот!“ — говорит.

Ныиче Авдотью знает страна.
Наша Авдотья во всем видна.
Бабы — от нас и до Чухломы —
„Как, грят, Авдотьюшка,
Так и мы!“

Нет подходящей в Совет лица.
Выберем Авдотью:
Справится!

• • • • • • • • • •

Сутулясь и чувствуя, что немеет,
Авдотьин муж на трибуну взошел:
— Товарищи!
Я говорить не умею...
Из зала:
— Работаешь хорошо!

Слова эти круглые, словно колеса,
Ему подсказали: кругом свои.
— Товарищи, я про жону свою...
— Просим!
— ...Про всё обтолкую, как член семьи.

Вот тут одобряют Овдотьино имё,
И надо народу знать обо всём:
Как нам жилось при старом режиме,
Как при колхозном режиме живём.

Жили мы с ней — ни себе, ни богу.
Баба деляга, но я сё,
Прямо скажу... колотил немного,
Так... за нерадостное житьё...

Было положено: за недороды,
За мор — за всё отвечать жоне.
Баба жила в стороне от народа,
Прямо скажу, по моей вине.

Установился другой порядок.
Рядом начали строить завод.
Мне ничего от завода не надо,
Ну, а жона моя, вижу, рада,
Вижу, свою она линию гнет.

Стали в колхозе сушить болота, —
Грязь, хоть реви,
Комаров, что туч.
Я — за осину, мне неохота,
Жона берется за все оберуч.

А человек она в теле и в силе,
Словно бы заново жить начала.
Как-то на сплав меня нарядили,
Я отказался.
Она пошла.

После узнали ее в исполнкоме
И кроме,
И взяли в Москву на слет.
И вот окружил Овдотью почет.
Я думал: теперь полушенок заломит
И от моих от ворот — поворот.

Ничто. Повстречалися честь-по-чести.
„Ну, как, грит, твоя мужицка душа?“
И вот мы теперь с Овдокией вместе
Беремся за всё оберуч.
Сообща.

Она понимает душу людскую,
На всё у нее свой сердечной суд.
И я за свою жону голосую
И парню родному скажу:
Голосуй!

...На слете в Москве
Секретарь Областкома
К товарищу Сталину подвел Авдотью.
Она заробела,
А товарищ Сталин
Ее, оказалось, давно уже знает.

— Здравствуйте, говорит,
Евдокия Петровна! —

И руку ей подал,
Посадил с собою.

— Сколько, спросил, ученица ваша
Женя к слету трепала за день?

Авдотья мнет концы полушалка,
Не ведает, что бы ему ответить,
В думах не думала:
и Женю Сталин,
Любимицу ее, оказалось, знает.

И когда с глазу-на-глаз
спросил ее Сталин,
Какую награду она пожелает, —
«Вы, говорит, ее заслужили!» —
Она поднялась, заволновалась,
Слезу обмахнула,
И, вдруг заметив,
Что товарищ Сталин уже седеет,
Тихо, от самого сердца ему сказала:
— Живите дольше, товарищ Сталин!

Шершавые и большие,
Как пироги на подносе,
Лежат Авдотьины руки
Рядком на краю стола.
Авдотья молчит, но жажды
Томит, как на сенокосе,
Пила бы из ржавой лужи,
Когда бы лужа была.

Тогда, незаметно поднявшись,
Она из-за стульев выходит,
Не утерпев, потянулась
К графину издалека.
Но кто-то графин забирает,
В стакан наливает воду,
И вот по рукам к Авдотье,
Сверкая, плывет стакан.

1937

Архангельск—Москва

МАТЬ И СЫН

Повесть в стихах

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как быстро в лето перешла весна!
В аудиториях запахло сеном.
Легко ли усидеть до перемены.
У самого окна шумит сосна,
Такая над рекой голубизна,
Что, кажется, просвечивают стены.

Проголубели камни, этажи.
Галдят грачи и галки над оградой.
За город вырваться хотя бы на день.
А тут корпи — зачеты, чертежи...
И появлялись на полях тетрадей
Речушки, елочки, суслоны ржи.

Желанья разные — кому куда
Хотелось выехать. Страна богата,
Везде хотелось побывать ребятам.
И вот рвались в большие города,
К морям —
Ужели небо да вода?
К горам —
Ужель и впрямь земля горбата?

Василий сдал последний свой зачет,
И что-то вдруг напомнило дожинку,
Последний сноп.
Теперь бы квасу кринку!...
Приятель путешествовать зовет:
Взять котелок да сухарей корзинку.

Хлеб, лёски, лодку, парус... И в поход, —
Как в песне, — по теченью, к устью Юга,
В Устюг Великий,
В вычегодский угол...

Но тянет к матери.
Уж третий год
Он не видал ее, и, верно, ждет,
Ждет не дождется мать на лето друга.

Всегда больная, в вытертом платке,
В дырявом домотканном сарафане,
Работала она от росной рани
До звезд полуночных.
И перед кем
Не кланялась, робея, перед кем
Не плакалась?
Спала в чуланах, в бане...

Искала счастья.
Где его нашли?
Состарилась под окнами чужими,
И лишь на кличку отзывалась, имя
Свое забыла.
Все в роду блюли
Закон: не поклонившись до земли,
Поганки, мухомора не подымешь.

Когда кончалась страдная пора
И пробиваться маме было нечем —
Они ходили вместе по дворам,
И вместе жили, вместе спали там,
Где заставали их пурга иль вечер.

И он, Васёк, Васютенька, ей был
И утешеньем в жизни, и надеждой,
Что вырастет и матери поможет,
Не сглазили бы лишь его судьбы..
Порой на печке у чужой трубы
Она молилась богу:
Дай ты, боже,

Чтоб хоть Васюту жизнь поберегла,
Ведь всё по-новому пошло недаром:
При новой власти можно комиссаром,
А можно стать учителем, дела
Шли по-людски б, она бы зажила —
Корову бы доила да пряла,
Ткала бы да возилась с самоваром.

И чтоб сынка в детдом устроить, мать
Не раз ходила в город, хлопотала.
Но без него сильней затосковала.
Сын, правда, стал учиться...
Да ведь мало ль?
К добру ли? Да пробьется ли — как знать?

Василий рано начал понимать,
О чём она молилась и вздыхала.

Из подаяний лучшие куски
Он для неё откладывал, бывало,
А их скоплялось в праздники немало.
Мать то же делала. Невелики
У них утехи были.
И таких
Теперь, наверно, ей недоставало.

И вот он вынул вещевой мешок,
Взял хлеба, сала — не мала дорога,
На подбородке пощипал пушок,
И вслух сказал
— Готов! Чего еще? —
Но в голосе его была тревога.

От матери шли письма редко. Мать
В последний раз писала, что на свете
Еще есть бог, что бог ее заметил
И что теперь ей нечего желать:
Старик, к которому ходила жать, —
Вдовец Михайло, вдруг надумал взять

Ее в хозяйки, в жены.
Сам приветил;

Что у нее теперь есть свой домок,
Весь двор мычит утрами и кудахчет.
Жизнь муторная кончилась. Сынок
Теперь вернуться к матери бы мог,
О нем лишь об одном она и плачет.

Сначала, с пылу сын решил: ему
Итти нельзя к ней, мать кулачкой стала.
Кого-кого — Михайла с детства знал он.
Но любящее сердце подсказало:
Батрачит, верно, как и встарь! К тому ж
Видней все будет после, на дому...
И он все передумывал сначала.

Василий был суров не по годам.
К чужим попавший чуть ли не в пеленках,
Напоминал он людям иногда
До срока выпавшего из гнезда
Драчливого лихого ястребенка.

Порою был сентиментален, тих.
Тогда казалось: всеми он обижен, —
Застенчив, робок, да еще и рыжий.
Старушки любят пареньков таких:
Воды, мол, тише и травы, де, ниже.

Теперь он вел борьбу с самим собой.
Куда итти?
Не в шутку озабочен,
То думал: „из-за пустяков весь бой“,
То, дескать, „на принципиальной почве“.

Нет сил в родных местах не побывать.
Что за малинники в заречье были!
Решил письмо ребятам показать,
Друзьям своим.

Друзья как отрубили:
— Ты ей не сын! Она тебе не мать!
В детдоме жили мы с тобою?
Жили!

Дружили, породнились?
Еще как!
С кем захотел теперь дружить, подумал?
Чтобы тебя, как гостя, встретил враг?
Чтобы с тобой беседовал кулак?
Спать, есть пойдешь под крышу толстосума?

Легко сказать: ты ей теперь не сын,
И, дескать, матерью своею брошен!..
Всё так: в детдом голодным и босым
Он взят был, как зайченок с полосы,
И жизни раньше не видал хорошей.

Но он не брошен! Он-то знает мать:
Не повернется к новому спиною
И не пройдет от сына стороною...
Нет, мать забыть, что Родину предать,
— Пойду! — решил он. —
Буду отдыхать,
С парнями вечер на селе устрою.

Решил — и легче стало. Башмаки
Проверил: топать по корням, по лужам.
Встряхнул мешок — ремни еще послужат.

Стрекочут за обоями сверчки.
Грачи над рвом, над садом у реки,
Над опустевшим техникумом кружат.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Смолью сдобренный воздух.
В реках дна не достать...
Верю, рано иль поздно
Дома буду опять.

Мох застелет дорогу,
Колеи не найти, —
Дятлы стуком помогут
Мне не сбиться с пути.

Белки с ветки на ветку
Сквозь густую тайгу
Пряником на разведку
Впереди побегут.

И волшебный помчится
Тонкой пряжи клубок,
Чтобы я закружиться
В буераках не мог.

А зимою холодной
По дороге домой
Тем клубком путеводным
Будет сердце само.

* * *

Каким большим он помнил этот лес,
Какой широкой представлялась пашня,
Где столько всяких тайн,
Во рву укромных мест,
Где было все живым.
И все полно чудес,
Знакомым с детства, дорогим и страшным.

За кузницей овраг, в овраге — вереск, там
Ютились ведьмы, оборотни, звери.
Какие — кто видал? Судили по следам,
По запахам болот.
Он верил всем богам,
Всем шорохам ночных, ветрам и сказкам верил.

Поют, как раньше, по садам скворцы.
С ветвей рябин свисает паутинка.

Ребята рвут на грядках огурцы
Незрелые — в пупырышках, в ворсинках.

Здесь радостей не видел он, — кругом
Труд беспросветный да нужда лихая,
А, как и прежде, нет дороже края.
О, детство незлобивое! Все дом!
Все свой порог!
Все сторона родная!

Мальчишства беззлобная пора!
Как нас ни унижали, как ни били, —
Мы всё перезабыли, всё простили,
Когда в былое отошло вчера,
Остались в памяти лишь вечера,
Когда мы рыбу на реке ловили,
Да смех и шум в полях, да запах трав,
Да лес, в который по грибы ходили.

Зеленый свет без края, без конца...
Василий шел деревней, как в тумане.
Спустился под гору.
Последний дом с конца...
С ведром сходила женщина с крыльца
В узорчатом широком сарафане.

Взглянул, взгляделся — можно ль не узнать?
Но все не веря долгожданной встрече,
Он бросился к колодцу:
— Мама! Мать! —
И стал ее неловко целовать
И обнимать ее сухие плечи.

Ведро с руки слетело и, стуча,
Гремя о камни, покатилось в яму,
Где хрюкали три борова — хрюча.
И вот уж собралась толпа девчат
И баб невпроворот, и все кричат,
И все галдят и хлопают руками.

— Вот повезло!
Сама, виши, привилась
К готовому, и парень вышел в люди!
Но Аграфена слушать пересуды
Не стала, гостя за руку взяла
И мимо баб в хоромы провела,
Как будто золото несла на блюде.

— Входи, Васютенька, входи, сынок!
Тут все свое. Вот явится родитель...
Все животы, весь этот теремок
Никто, как бог,
Никто, как муженек,
Радетель наш построил, вызволитель. —

Смахнула кофточкою слезы, пот
И усадила сына в красный угол.
— Поверишь ли, Огрёной не зовёт,
Графинюшкой всё больше, — то-то вот.
А уж тебя, бывало, ждёт-пождёт:
„Сын у меня, грит, коммунист в округе!“

Василий слушал, думал, что сказать,
Смотрел на мать: —
Согнулась, исхудала,
Но что-то есть тревожное в глазах...
— Здорова ль, мамонька?..

...А с год назад
Огрёна у Михайлы поле жала.

Он овдовел, Михайло. (Почему? —
То, верно, богу даже неизвестно).
„А как тут, — говорил он, — одному
Прожить с твердозаданьем, если жмут;
Не по-соседски, понапрасну жмут:
Хлеб нё сдал — штраф,
Не вышел в лес — в тюрьму!
Ну, прямо — перекинь на горб суму
И уходи, —
В родной деревне тесно“.

Нет, кулаком себя он не считал:
Имел ну, дом,
Ну, пять коров... ну, лошадь...
И обхожденьем славился хорошим.
Работал сам;
Работе цену знал.
А батраков держал двух-трех, не больше.

Году в двадцатом в бане за двором
Домашнюю устроил мыловарню,
За обученье знающему парню
Платил позеленевшим серебром,
За мыло рожью брал.
И крепнул дом.
До двадцать третьего все шло куда с добром,
Но донесли, и он, захлопнув баню,

Подался в волость продавцом служить.
„Усушка“ выявилась, он — в контору,
„Утечка“ обнаружилась — он скоро
В деревню перебрался. Так и жил:
Пил только за компанию, дружил
С людьми из города,
И шел тихонько в гору.

Да ждал войны, ох, как он ждал войны!
Стрельба из-за угла не увлекала,
Считал безделками ее — все мало!
Власть у Михайлы корни подрубала,
Ему безделки были не нужны,
Так мстить хотел, чтоб вся земля пылала.

Когда же беднота его взяла
За ворот, надо было примениться
И к ней, и хоть жена не рукавица,
А сбросил все же: баба умерла,
Чтоб мог Михайло заново жениться
На самой худородной из села.
Огрёна сразу словно ожила:
Еще бы замуж ей не согласиться!

Не счесть, сколь вымыла она полов
И синяков на теле износила,—
Всё без толку — зазря пропала сила, —
А сколько хлебушка измолотила,
А сколько скотных обошла дворов,
Каких коров по найду не доила.

И ни единой кринки молока
Себе не надоила, хоть дрожала
Над каждой каплей, все казалось мало,
Телят выхаживала — ни телка
Себе,
А сколько жала — под бока
Себе
Снопа соломы не нажала.

И вдруг такая с неба благодать,
Такая вдруг удача привалила!
Огрёна для приличья погрустила
И согласилась.
Сыну написать
Решила тут же: больше, мол, страдать
Нужды нет, приезжай, мол, Вася милый,
Теперь на все ученье наплевать.

Все было просто:
Поутру на стол
Михайло, покрестившись на икону,
Бутылку водки вынес,
Стол обмел,
И — тут народ, случилось, подошел —
При всем честном народе, по закону,
С собою рядом посадив Огрёну,
Неторопливо сватовство повел:

— Коль зло какое было — зло забудь.
Входи, Огрёна, правь и будь, как дома,
Будь Аграфёнушкой, графиней будь,

Не казачихой*, а хо́зяйкой будь
В амбарах, в погребе, в моих хоромах. —

Из загса к вечеру вернулись — он,
Еще не раздеваясь, от порога
Ей указал на три угла икон:
— Благодари Христа,
Чти мой закон,
Чти благодетеля,
Молися мне да богу.

А через две недели снарядил
Ее в Совет.
Она три дня ходила,
Ревела, и Калининым грозила,
Сумою заклинала всех, и был
Налог скошён. Михайло поступил
На службу — „по призванью“ — в Союзмыло.

Огрёна воевала за своё.
Хо́зяйкой став впервые, как в угаре,
Она жила, по вечерам в амбаре
Разглядывала мужнино белье,
Как будто само счастье. Все ее?..
Ужели все в дому теперь — ее?..
А сколько же гербов на самоваре?

А что за печкою?
Что под доской?
Что в сундуках и что за сундуками?..
Но сундуки все были под замками.
Походит, шкаф потрогает рукой,
Усядется на стуле, на другой
Переберется, пожует губами...

На двор пройдет.
В корыте, как в гробу,
Разлегшись, боров стонет — стой и слушай!
Петух поет.

* Казачиха — на Севере работница, батрачка.

Привязанный к столбу
Пёс с белою кокардою на лбу,
Как будочник сидит, развесив уши.

Завидовала, всем.
Сама теперь :
Она завистников бояться стала.
Порою глухо по ночам стонала
И просыпалась. Проверяла дверь:
„Жизнь!. Кобелю домашнему не верь...
Баб к своему колодцу не пускала.

Чужого пса бранила: чтоб ты сдох!
Второй замок привесила к ограде.
Все нынче есть, что Аграфене надо:
Был сарафан — теперь ей мало трех.
Был бог, — как и у всех крещеных, бог, —
Теперь их два:
И первый бог не плох,
Она земному все же больше рада.

— Что мы живем?! Не велика семья,
А пять коров... Да, ну-ка, подсчитай-ка:
Пяток овец, три борова, свинья —
Ведь богородица, а не свинья!—
Две казачихи...
И над всем-то я,
Я, Вася, надо всем сама хозяйка.

Заторопилась, скатерть постлала,
Сходила наряда на грядках луку.
— Тебе яиц или свиного туку?
Уж так-то плакала я, так ждала!..
Пошла в чулан.
Но словно обожгла
Скоба ее трясущуюся руку.

„Закрыто“... застыдилась:
— Сам большой*

* Большой, большак — глава семьи, дом; большакиха — хозяйка дома.

Ключи-то взял. А я... все я носила!—
И замёталась. Уронив горшок,
Котенка пнула:
— Брысь, нечиста сила!
Окно открыла:— Бабы, сын пришел.
Уж так-то ладно все да хорошо...
Но в избу ни одной не пригласила.

„Пол только топчут...“
Бабы разбрелись.
Василий поглядел в окно, на крыши,
На небо серое, что крыш не выше,
И муку матери, — какая эта жизнь! —
Вдруг ощутил, как стон глухой услышал.

Иное счастье грезилось ему,
Когда еще ходил от дома к дому,
И мать хотел устроить по-другому.
Не лучше ли уж снова ей суму
Носить, чем дохнуть в этом терему,
Всю жизнь молиться идолу чужому?..

А мать — за стол.
Расправила ладонь,
Стол потрепала, как коня по крупу.
— Есть у меня, Васюта, в стойле конь:
Меня увидит — ржет, чужой — не тронь...
Ну, прямо, Вася, человек — не конь,
Яга от зависти сломала б ступу.

Уж и не помню вот — по скольку в час:
Хвост — в подгоре, а грива — на угоре...
— Что ж, покажи!
— Да... стойло на запоре.

Вошел слепой. Сказала:
— Бог подаст!
Но передумала:— Который раз
Пришел? — спросила, — на! Молись за нас!—
И задержалась взглядом, как на воре.

— Сколь этих нищих ныне развелось —
Проходу нет! Отколь? — скажи на милость.
Трудились бы, так нет! Глядят, небось,
Как бы кого обчистить довелось...

Огрёна набожно перекрестилась.

* * *

Под вечер тьма настала — хоть убей,
Ни зги не видно.
Стихло так, что слышен
Был писк мышей и шум тепла в трубе.
И вдруг удариł ливень по избе,
Как будто стаи сизых голубей
Забегали по крытой стружкой крыше.

Промокшие до нитки, до костей
Продрогшие, в залатанной одёже
Вбежали девушки. Таща пестерь,
Вошел и сам.
— О, бог послал гостей!
И я до радости под старость дожил. —

Он был, как сыр, не виден, но глазаст,
С раскинутыми крыльями руками
И с носом птичьим, только над бровями
Морщины громоздились пласт на пласт;
Такому если бог чего не даст,
Он сам добудет, станет рвать зубами.

— Так, значит, проживаёшь в городу? —
Он забасил Василию, — то гоже!
Кому чего положено в роду.
Ты на окладе, стало быть? Я тоже,
Да небольшой вот дом еще веду... —
Слова его, как жернов на ходу,
Крутились, гоготали — круглорожи.

„Вот, — думал он, — еще одна рука
В районе, да, пожалуй, и в Совете.

Сынок — не лишнее для старика:
Чуть что не так, — глядишь, за все ответит. “

— Огрёнушка, подай-ко огурцов,
Да водочки остаточек! —
И вынул
С ключами из-за пазухи кольцо. —
— Я, стало, довожусь тебе отцом? —
Ну, что же, — рады коммунисту сыну. —

И, разместившись у окна повел
Спокойную и умную беседу
Об устроении жизни, о победах
Большевиков, о том, что власти, мол,
За то, чтобы крестьянин в гору шел,
Старался бы...
Но не порок и бедность.

О том, что вот со жнивой чуть просрочь
И спелый колос все зерно обронит,
Что „ономедни подошли помочь
Племянницы... Еще ночуют ночь...“
И тут Михайло подмигнул Огрёне.

Он выдал ей —
(„Такой сегодня день,
Давай-ко, оберачивайся, делай!“) —
Яиц, тучку, и даже мучки белой.
И запощёлкивало, зашипело
Запело сало на сковороде.

Подав на стол, Огрёна за шестком
Остановилась, на Василья глядя:
„Сыночек мой!.. На старости награда“.
Сын вдруг заметил: мать не за столом.
„Боится, что ли?“
— Мама, сесть бы надо.
— Да вы-то кушайте! Я что... Я так... потом ...

Михайло -- тоже:

— Что ж ты? — И перстом
Ей указал на лавку, с сыном рядом.

Когда пора настала гостю спать,
Он ей сказал:

— Сынок-то шел дорогу...
И приказал уклсть его в кровать.
— Мы на полатях будем ночевать...
Огрёна радовалась и молилась богу.

* * *

А сын не весел будто. Почему?
Не разобрался, видно...

Звонким лаем
Собак, возней кошачьей за сараем
Начался день... Теперь они в дому
Вдвоем остались, и она ему
Сказала воровато:
— Запрягаем!

Из стойла вышел длинноспинный чорт,
Косясь на желтую в медяшках сбрую.
Огрёна хвалится:
— Смотри-ка, вот,
Хозяина глазами так и жрет.
Дай ногу! — скажешь —
Ногу подает,
Подай другую! —
Подает другую.

Все, сколько было на селе собак,
Как волки, вынеслись за тарантасом,
В колодец ткнулся, обезумев, хряк,
Когда лихой, подтянутый рысак
Пошел плясать, гремя утробным басом.

Деревня с визгом жалась к стороне.
Взлетала над ухабами корзина.
Огрёна правила сама: коней

Она любила; муж ушел, а ей
Давно задумалось потешить сына.

— Ходи, ходи, Сапуля, тереби! —
Молила шопотом она сквозь зубы.
— Пляши, родимый, топай, толстогубый!.. —
Мелькали палисадники, столбы,
А небо то вставало на дыбы,
То опускалось на сады, на трубы.

Горяч рысак — не натяни вожжи.
„Вот на таком невестой выезжать бы!..“
И вспомнила Огрёна свою жизнь,
Украденную молодость во ржи,
И стыдную несправленную свадьбу.

И так дышала, словно никогда
Уж не дышать ей больше.
Лошадь взмокла...

Зло огрызались бабы у пруда,
В домах сердито закрывались окна.

Но сын как будто ничему не рад,
И взгляд какой-то пристальный, недобрый,
В хлев не зашел, не осмотрел двора,
Как будто в них ни пуха, ни пера,
В ограде — ни телеги, ни оглобли.

Михайло был покладист, как вчера:
Ждала, ругать начнет, —
Он все одобрил.

* * *

Пылью избы занесло,
Свищет ветер в поле
И на сердце тяжело,
Тяжело до боли.

Ждет Василий, чтоб гроза
Освежила лето.

Так забил песок глаза,
Что не видно света.

Будто пыль со всей земли,
Все пески, что в поле,
Прямо на сердце легли —
Тяжело до боли.

* * *

В деревне было сто дворов. Кругом
Леса и пашни.
В три ряда-посада
Тянулись избы с трех полей на холм,
И здесь был центр села, „угор“. На нем
Часовня с куполом; как всякий дом,
Она имела палисад, ограду,
Скрипучую калитку с петухом,
Две-три березки и колодец рядом.

Сюда по праздникам, по вечерам
На круг, на пляску девушки сходились.
Здесь на досуге мужики судили
Когда косить, когда пахать пора,
Охотники похвастаться любили —
Они всегда на сказки мастера...
Ходил к часовне этой и Василий.

Как свой — к соседям.
И, казалось, все
Раскланивались с ним по-свойски просто:
Уж он не нищий, да и не подросток.
— Василий Николаич, вы совсем
В деревню к нам, иль в гости?
— В гости, в гости!

Все шло как надо.
Только замечать
Василий стал, как иногда в беседе
Нехорошо вдруг бабы замолчат,
Иль засмеется кто-то из девчат,
Закашляются старики соседи.

„Что ж, мол, Михайло... Может, и кулак,
Но как и все... Гостите, мол, гостите!
А, впрочем, сами — вам видней — смотрите,
Судите сами — что к чему и как...“

Иные просто не скрывали зла,
С его приходом становились строже:
В глаза глядят, но как из-за угла,
А шутят так, что — холодок по коже.

И уж совсем не шли дела на лад
С бывалым бахарем Петром Валовым.
Он у Михайла много лет подряд
Батрачил, и „наследника“ был рад
От всей души уесть веселым словом.

— Как вас теперь — на „вы“, или на „ты“?..

...В селе Валова звали „Долог-Тонок“:
Что весла — руки,
Ноги — что шесты,
Бездомный, беднота из бедноты,
Покладистый, смешливый, как ребенок.

Изведав много горя на веку,
Петр об одном лишь сожалел немало,
Что старость близко, и уж, как бывало,
Не грохать на угоре каблуку,
А бабы нет своей;
Что мужику
Жить без хозяйки как-то не пристало.

На сотню верст в окружности Валов
Всех, сколько было, девок пересватал,
Всех шадровитых и придурковатых,
Косых и хворых,
Всех известных слов
С коровами, с домком, и без коров,
Злых, пожилых, поджарых и горбатых.

Но за него боялись выходить:
„Веселый, — говорили, — да не сырый;
И сруб — не дом, коли стоит не крытый...“
Лишь горничная сельской попады
Его пригрела на своей груди,
Но Петр и от нее ушел побитым.

Большая, мягколапая, она
Мурлыкала:
„С тобой не жизнь — веселье!“
И сладко пахла липкой карамелью.
„Я буду, Петенька, твоя жена,
Но только музыка еще нужна,
Чтоб было всё на нашем новоселье.

Есть у Михайла старый граммофон —
Труба, что колокол, в трубе вся сила.
Я на твоем бы месте согласилась
Три года проработать — есть резон!
Ну, а Михайло не поспорит, он
За два отдаст...
Уж я договорилась“.

Петр две страды за граммофон трубил,
Весь обтрепался, словно старый лапоть,
Ворошел тяжести с утробным всхрапом,
Пни корчевал в полях, дрова рубил,
Но в чем-то подконец не угодил
И девка назвала его растилой...

...— Так как же вас на „ты“, или на „вы“?—
Он спрашивал Василья. — Сделай милость,
Скажи!—
(И парню жутко становилось) —
Михайле не сносить бы головы,
Когда б Огрёна с ним не породнилась.

А с вами он и вовсе не кулак.
Мы тут мечтаем о колхозном деле,
Так вы бы о Михайле порадели,
Пишите заявление:

Так и так,
И мыловары, мол, нужны в артели. —

Иль так порою начинал Валов:
— Ну, как наследство? Принял все по форме?
Теперь тебе, я думаю, тепло,
Поди, свининой да блинками кормят?.. —
А сам как захоочет...

...Тяжело!

* * *

На сон махорку жгли у рундука.
Василий следом за Михайлом вышел.
— Зачем, — спросил, — женился ты на нищей?
Ну, ко двору ль она у кулака?
Для выбора округа велика —
Ужель невесты не нашел почище?

Михайло брови поднял. Желваки
Вдруг заиграли:
— Что вы!? И в помине
Здесь этих псов, — сказал он, — нету ныне.
Ну, что у нас, в лесу, за кулаки?
Мы от всего такого далеки.
Уж коли есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

Я линией партийной дорожу.
Батрачки — говорите? Я их сроду
Не нанимал. Племянниц вон держу,
Так — от добра...
Я, как и вы, служу,
Вы сами понимаете, — народу. —

Ночь летняя светла и коротка.
Прошла к колодцу первая старушка.
Из ничего рождались облака,
Как будто чья-то сильная рука
Строгала небосклон и по бокам.
Охапками раскидывала стружку.

За палисадом вздрогнул первый лист...
Михайло встал.
Узнал он, что некстати,
Зря, попусту слова и время тратил.
— Ты, стало быть, еще не коммунист?!—
Сказал Василию он. — А речист...
Ну, что ж... Светает... Посидели...
Хватит!

* * *

Когда в дому раздоров не изжить,
Кто может горе матери измерить?
Огрёна плакала и не могла поверить,
Что Васенька в семье не будет жить.
Как ей хотелось всех перемирить!
Михайло, правда, оказался зверем,

Но сын-то, сын!.. Ему бы всё добром,
Ведь до какого счастья парень дожил:
К нему по праву перейдет весь дом,
И утвердился б он навеки в нем
С женою работящей да пригожей.

Не радуется. Чем его пронять?
И уж она и так, она и этак,
И про коров ему, и про коня...
Молчит — и только. Васю не узнать.
— На что, сынок, теперь тебе пенять?
Не любо, что завидуют соседи?—

Василий выжидал.
Что мог он дать
Теперь родной своей, какую малость?
Как убедить, что матери сказать?
А надо отстоять ее, отнять...
Учебы две зимы еще осталось.
Еще два года — и он смог бы взять
Ее к себе, чтобы утешить старость.

И, выбрав время, с наступлением тьмы,
Обняв её, заговорил он прямо:
— На кулака позарилась, мама?..
Иль нет другой дороги от сумы?
Иль думала — не справиться самим?
Нет, жизнь не та... травы не ниже мы. —
Огрёна брови сдвинула упрямо.

— С ума ты спятил!
Где здесь кулаки?
Их в нашем крае нету и в помине,
Мы от всего такого далеки.
Уж, если есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

А мой большак? — какой же он кулак:
Не пьет, не грабит. Никого не хуже...
Живет на жалованье — стало, нужен.
Он, Вася, праву нашему не враг.
Михайло служащий, а не кулак:
При месте он, и сам народу служит.

— В народе-то о нем и говорят,
Что он не служит, а народ, мол, грабит.
— От зависти, Васюта, лают бабы,
От зависти.
Михайло, вишь, богат,
Вот и завидуют. Народ-то сам бы рад,
К себе в домок, Васюта, каждый рад, —
Да не умеют... Вот и лают бабы.

— „Племянницы“, — Василий наступал, —
Лишь у одних у кулаков бывают.
— И, полно, сын! Как будто я не знаю:
И каждый бы работницу держал,
Да руки коротки, достаток мал,
„Держала“ нет.
Вот бабы-то и лают. —

Василий матери не узнавал.

Михайло слышал все, и был вдвойне
С Огрёной утром ласков:
Звал „Огрёшей,“
„Моей графинюшкой“, „моей хорошей“...
Ключи ей передал, сказал: — Жене —
Всем володеть, коль будет жить по мне, —
И потрепал, погладил по спине,
Как верную объезженную лошадь.

Но вечером, узнав, что ополдня
Огрёна жарила селянку сыну
И вынесла из погреба свинину,
Он в дом вошел, косясь, весь свет кляня,
Шипел, подталкивал ее, гонял,
Совал костищым кулачищем в спину.

— Беда двору, коль кура запоет
По-петушиному.
Жена, что кошка,
Пусти за стол — и наживешь хлопот.
А тут ещё какой-то обормот
Не ждан, не зван пришел к тебе, и вот
Ему — кровать,
Ему — большая ложка.

Огрёна сникла. В угол за шесток,
Как в щель, забилась. Даже не всплакнула,
Лишь на глаза надернула платок.
Василий думал:
„Может, впрок урок, —
Глаза откроются...“
Но мать вздохнула

И отошла, ни слова не сказав.
А только стихла ругань, и лохматый
Муж, двинув стол, залез под образа, —
Покорно, по-собачьи, виновато
Огрёна глянула в его глаза,
В зелёные Михайловы глаза
И бросилась греметь в печи ухватом.

Василий даже отступил назад:
Чужою показалась мать, горбатой.

Но как же плакала она потом,
Когда одна осталась! Прочитала,
Как будто спорила с собой, вздыхала,
Шла в погреб с кипяченым молоком,
Да не дошла, к поленнице припала
И, всхлипывая, слезы кулаком,
Как девочка больная, растирала.

Вся жизнь пред ней, как пустошь за двором
Крапивная — в колодинах и ямах:
Всё до вершка завалено камнями.
Дня не было, чтобы прошёл добром...
Всё втоптано,
Всё полито слезами.

И литься им да литься... На куски
Душа изорвана...
Ей страшно стало.
Как бы теперь к сынку она припала
И плакала, и плакала б с тоски,
Так много накопилось горя, жалоб...
Из милостины лучшие куски
Он для нее откладывал, бывало.

Сын видел всё, и тут же предложить
Решил он матери поехать в город.
— Ты, мама, будешь в общежитии жить,
Со мною. Дом большой, с забором,
Есть где картошку летом посадить...
Покамест что — начнешь у нас служить:
Белье стирать, полы мести и мыть.
Потом... И здесь колхозы будут скоро.

И я ученье кончу. Положись
На сына, мамонька. Пойдем, родная!
Тебя Михайло изведет, замает... —
У матери слеза в глазах дрожит:
— Васютенька! Сынок!.. Опять к чужим?

Уж лучше здесь мне как-нибудь дожить.
— Но, мамонька, да ты и здесь — чужая!

Мать выпрямилась, словно защищая
Последнее, чем радовала жизнь.

Глаза отерла.

— Ты ослеп неуж?!
Михайла хоть бы зря не худославил,
Он мне опять вон сарафанчик спровадил.
— Он, мама, царь и бог...
— На то и муж.
— Зачем же бьёт тебя он?
— Бьёт по праву.

Чужие били — не могла дышать,
А свой-то бьет, так будто и не лихо.
— Все от тебя закрыто.
— Он — большак!
— Батрачка ты!
— Нет, Вася, — большачика.

* * *

На гуинах, за дворами, по домам
Давно одни ходили разговоры:
В хомут Огрёна сунулась сама,
И сын — набрался в городе ума! —
Туда же лезет,
Там же будет скоро.

Василий горячился, но в ответ
Шутили да плечами пожимали,
Мы ничего, мол, слыхом не слыхали,
До ваших дел нам вовсе дела нет.
Да что судить:
У всякого свой свет...

По деревням заем распространяли,
И днем пришел Василий в сельсовет,
Чтоб и ему, как всем, нагрузку дали.

Небритый председатель за столом,
Загородив спиною целый угол,
Сидел один, потея, как над плугом,
Над сводками, где на числе число.
Он одолел давно, хоть и с натугой,
Письмо, но арифметика, подлюга,
Не поддавалась, бей её колом!

Василья встретив, он оставил счет.
— А! Знаем! — говорит, — как поживаем?
Ведь вот что значит власть-то трудовая:
И нищего, а выведет в народ.
Ну, как вы там? Ученье как идет?..
Наслышались: приехал и живет,
Мол, у Михайла... Али врет народ?
Али не врет он?
И Михайла знаем!..

И председатель щурился, щипал
Бородку, двигал хитрыми усами.
Все выпытал, все выспросил, узнал,
А поручения давать не стал:
— Управимся, — сказал, — тихонько сами.

Василий встал, не видя ничего,
И председателю руки не подал.
Он встретил недоверие его,
Как смерть, как отлученье от народа.

* * *

Дорога шла болотом, через гать.
Над головою где-то, не высоко
Кричал кулик, и не хотел отстать,
И было непривычно одиноко.
В душе смятенье.
Как оставить мать?
Мать позабыть, что родину предать...
Свернуть с тропы, упасть да зарыдать,
И рвать зубами горькую осоку.

Лес окружал его кромешной тьмой.
И вот представилось:
Он снова нищий...
Один...
Василий сел на корневище,
Вздохнул: та-ак! Рвался человек домой,
Шел — песни пел,
А дома не разыщет.

К воде склонился: думалось, юнцом
Себя увидит...
Как он посурошел!
В болотной жиже, словно в луже крови,
Веснушчатое бледное лицо,
Донельзя сдвинуты густые брови.

Стоячая зеркальная вода,
Казалось, отразила ястребенка,
До срока выпавшего из гнезда.

Так — все, переболев, перестрадав,
Взрослеем рано мы, не по годам,—
Нос заострится, губы станут тонки.

Василий посидел, набрал камней
И стал кидать в зыбун за камнем камень,
Чтобы рассеяться.
Вода пошла кругами
Густыми, розоватыми, и в ней
Явились сотни молодых парней,
Поблескивавших ровными зубами.

Негромкий плеск,
Летящая пыльца —
И толпы одногодков проявлялись
Из одного скуластого лица;
Они то хмурились, то вдруг смеялись,
Шли вглубь и вдаль, им не было конца,
И снова все в одном лице сливались.

Припомнились знакомые места...
Решение созрело:
В город, в город!

Мать подала письмо.

„Ну, как ты там, —

Друзья писали, — рыжий, сирота?

Не прижился? Сбежишь, наверно, скоро?

Иль дом нашел? Тогда мы не друзья,
И нечего тебе здесь больше делать...“

Василий думал:

„У меня семья

Одна со всеми. Сирота не я.

Вот мама у меня осиротела.“

В ограду ночью вышел. Как в гробу,
Как в яме погребной, темно и душно.
Все спит, и лишь привязанный к столбу
Пес с белою кокардою на лбу,
Как будочник, сидит, развесив уши.

Да он сбежит. Но этот чортов дом
Не будет жить, он — нечисть на загоне.
Здесь надо все перевернуть вверх дном...
Не привыкать нам обдирать ладони.

* * *

Ой, и лес, ребята, ох, и лес!

Говорят, что сосны до небес,

До небес, до туч...

Легко сказать,

Если неба вовсе не видать.

А болота!

Только забрести —

Не найдешь обратного пути,

Разве что охотники спасут,

Не путем их ноги занесут.

И живя в лесах до ста годов,

Люди не видали поездов.

Поездов всё нет, но самолет

Что ни день над головой плывет.

Поутру — курицы еще насест
 Не покидали — уж Огрена встала,
 Зло, по-мужски работниц растолкала
 И повела их к новой полосе.
 Еще был след заметен на росе,
 Стрекозы не летали, —
 Чуть светало.

За нею, так и не успев соснуть,
 Забрав мешок и мучаясь от зевоты,
 Пришел и сын. Явилась вдруг охота
 Привычно спину над жнитвом согнуть,
 Услышать запах ячменя и пота.
 — Сядь, мама, отдохни, а я пожну,
 Тебя и так сгорбатила работа. —

Все никого дороже и родней
 На свете не было Ах, мама, мама!..
 В какой бы час, какими бы словами
 Заговорить еще раз с милой, с ней?..
 Огрена разогнулась:
 — Ты ко мне? —
 И, улыбнувшись, развела руками.

— Я, Васенька, сыночек мой, авось,
 Еще с полсотню лет в земле пророюсь.
 — Я не об этом, мама, беспокоюсь.
 — Зачем же серп тебе — ты нынче гость?
 Но серп дала:
 — Запасный — туп, небось? —
 Василий взял — и вот за горстью горсть
 Стал хлеб ложиться на крученый пояс.

Мать сноп нажнет, Василий — два снопа.
 Завязывает через два наклона,
 Сухие ставит под хлобук, в суслоны,
 Сырые на просушку, на попа.
 — Ну, и дотошный! Видишь, как настал!
 Ну, работяга! — ахает Огрена.

Но стоило Василию сказать,
Что жизнь, де, мама, у тебя плохая,
Батрачишь, мол, и что-то про Михайла. —
Она поджала губы, стала рвать
Ячмень с корнями — не узнаешь мать.
— Пора бы, Васенька, и перестать:
Еще не вырос, чтоб кормильца хаять. —

И снова стали торопливо жать:
Василий — молча,
Мать, — ворча, вздыхая.

А на поле уж кепок и платков
Мелькало много, день шумел соломой.
Шли мимо толпы баб и мужиков.
Одни остановились:
— Кто таков
Жнет у Михайла? А, да тут знакомый... —
И отыскался хлеб для остряков:
— Василий Николаич, бог на помошь!
Вот, бают, нет в деревне батраков,
А у Михайла — трое. Счастье дому!

Огрёна даже взвизгнула. Хлыщем
Кого-то назвала:
— Завидно, что ли? —
И завязалась перебранка в поле...

О чем просить и ждать чего еще?..
Василий вскинул на плечо мешок
И, не простишись, зашагал в заполье.

Он брёл, таясь от встречных, по овсу,
Как виноватый школьник — стороною
И долго слышал эхо за собою:
Кричала мать, христа звала на суд..
Так заблудившийся кричит в лесу
И жалуется — на кого? —
И воет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три года — время малое.
Три года лишь прошло,
А сколько небывалого
В селе произошло.

В страду за день меняются
Поля и сенокос.
Так жизнь преображается,
Когда в селе колхоз.

Страда, страда великая
По всей земле идет.
Как прежде, горе мыкая,
Не хочет жить народ.

Теперь избой-читальнею
Отмечен сельский быт,
Частушкой величальною
Молва о ней летит.

Уж трактор вышел вешние
Поля с утра пахать,
И кажется потешною,
Нездешнею соха.

За трактором гоняются
Мальчишки вдоль полос.
Старухи удивляются
Следам его колес.

Но никому решительно
Не кажется уже
Чудесным, удивительным,
Что здесь же на меже

Условились заранее
Мальчишки — кем им быть:
Кому служить комбайнером,
Кому „фордзон“ водить.

Михайлы дом, и темен и суров,
Колодчик — крест могильный у излуки.
Шла опись всех наличных животов;
Сводили со двора овец, коров,
Оглобли скручивали у телег, как руки.

Пять мужиков в амбаре на весы
Ссыпали рожь, трясли пшеницу в сите,
Перегребали семя льна в корыте...
Все проверял и в книу заносил
Член сельсовета, Аграфены сын,
Василий Николаевич — учитель.

Уж год, как по путевке крайоно,
С наказами и рика и райкома
Приехал он в село свое с дипломом
Учителя — служить, и заодно
Работать избачем, и заодно —
Колхозным счетоводом. Как родной
В деревне жил он:
В каждом доме — дома.

Лишь к бедной матери в богатый дом
Ему дороги не было. Вначале
Он навещал ее. Его встречали.
Но каждый раз Василий об одном
Огрёне пел: расстанься, да уйдем...
И как-то пёс сторожевой на нём
Повис да так, что полы затрецали.

Теперь он снова был в ее дому.
На все решившись, не колеблясь долго,
Он не дал в сельсовете никому
Себя сменить.
Все кончить самому
Он, видно, счел своим сыновним долгом.

С ним первым из пятерки понятых
Был Петр Валов.

Он жил уже в колхозе.
Высок, как раньше, ноги, что шесты...
Сегодня, как посланец бедноты,
Он по-хозяйски строг был и серъезен.

Но, суд верша, он все же не забыл
О личном деле, о своей обиде,
Как здесь бессовестно обманут был:
Он две страды за граммофон трубил,
А граммофона так и не увидел.

Теперь он перешарил весь амбар,
Пока другие занимались хлебом.
— Найду! — кричал,
И где он только не был! —
Мой граммофон!
Где чортова труба?.. —
Он вынести хотел ее для баб,
Пускай хоть раз повоет в наше небо.

Как в праздник, под окном шумел народ,
Одни смеялись, плакали другие,
Прислушиваясь, как в дому ревет,
На бога ропщет и на весь приход,
Вопит Огрёна...
Но потребуй сход —
Любой из них пошел бы в понятые.

И вот на улицу, прижав к груди
Плетеную корзину с граммофоном,
В улыбки, в хохот вышел Долог-Тонок.
Все закричали:
— Петр Ильич, крути!
— Сыграй, дядь Петя!
— Долог, заводи!
И щукали:
— Сундук с замком...
— Зеленый!..

Седой старик, скрестив лутошки ног,
На граммофон косился, как на чудо,

Опасливо, чтоб не стряслось худо,
Но любопытства превозмочь не мог,
Как если б к пиву подали пирог
Огромный, белый, на заморском блюде.

С полдюжины пластинок принесли,
Очистив их от плесени и пыли,
Все разложили.

— Что еще забыли?

— Иголки где?

Иголок не нашли...

Но у Петра в кармане гвозди были.
На валуне, торчавшем из земли,
Гвоздей машинных тут же нарубили

И, затаив дыханье, стали ждать.

Мужчины сели, ребятишки встали.

— Не заиграет! — бабы завздыхали.

Петр осердился:

— Должен заиграть!

Я столько бился — и свое не взять?!

Давайте, подбирайтесь, да — плясать,

Которые ни разу не плясали. —

Пружина заурчала, как могла,
На скрип несмазанных колес похоже,
И вдруг труба гнусаво, ржаво, с дрожью,
Как поп, что раньше ездил из села,
Восстав из мертвых, с воем воззвала
К широкому пустому небу: „Боже,
Царя храни!“

Сначала мужики

Опесили. Все показалось внове.

И бабы ждали песен не таких.

Насторожились и взлетели брови,

Как будто ожиданью вопреки

Стал граммофон кричать и сквернословить.

Тень старого державного орла

Над сбившейся толпою пролетела.

Она людей по-разному, задела.
Но рана старая не зажила,
Толпа заволновалась,
Загудела.

Петр граммофон остановил, сердясь,
Как бы стыдясь чего-то, снял пластинку,
Понес ее к колодцу, на тропинку.
Ему кричат:
— На что она сдалась?!
Отдай старухе — пусть закроет кринку!
И вдруг плотина смеха прорвалась;
Валов на плоскую коровью грязь —
Край в край — с молитвой возложил пластинку.

Казалось, деревянные мосты
Под бочками пустыми грохотали,
Казалось, с бочек обручи слетали
И прыгали по горбылям крутым:
Хватались мужики за животы,
А бабы, словно куры, кокотали.

На этот взрыв веселья, весь седой,
В муке, Василий вылез из подвала.
Прищурился, — смешливый, молодой, —
Присел. Пружина снова застучала.
И вот по —
„Шла девица за водой,
За холодной ключевой...“
Да так, что вся деревня заплясала.

И лишь Огрёна в доме, к вековой
Печи припав, той песне подвывала.

Усталая! Окаянная судьба!
Глаза слезой-туманом застилает.
Добро в трубу летит...
Всему труба...
Не бог карает — бог, он правду знает!
За все простила бы Огрёна баб,
Петра простить не может, не желает.

Болтун как есть, из бобылей бобыль.
Давно ли вместе по миру ходили,
Батрачили, где приведется, жили,
Где бог велиг,
Не знали ни избы,
Ни животов своих. И все забыл,
Вошёл в права, прорадл глаза бобыль.

Мир отвернулся от неё. Одна —
Без сына мать, хозяйка без коровы,
Без власти под своим родимым кровом...
Остался муж.
И вот глядит жена
На мужа, что недвижней валуна,
Согнувшись, за столом сидит сосновым.

Он как-то ночью к ней пришел босой,
С заляпанными глиною руками.
Огрёна утром не нашла часов,
Ножей с серебряными черенками,
С серебряными чашками весов...
Хоть он и запер думы на засов,
Она поверила:
„Все будет нашим... в яме...“

„Теперь вся сила, вся надёжа в нём,
С ним бог, он богом в большаки посажен,—
Моя душа он, и семья, и дом.
Все будет так, как он решит и скажет:
Уйти захочет,— стало быть, уйдем,
А смерть застанет — заодно умрем:
Могилу выроем и рядом ляжем.

Жить заодно и гибнуть заодно
Ни я его, ни он меня не бросит...

Дымят, шумят, смеются за окном —
Так в урожайный год встречают осень.
К божнице Михаил сидит спиной.
Тоскливо, холодно...
В глазах темно.
Уж он и бога ни о чем не просит.

Готов реветь, кататься по земле,
Пускай песок набьется в рот и в уши,
Но только б хохот мужиков не слушать
И торжества не видеть на селе.
Но он сидит.
На крашеном столе
Чадят скурки. Он огня не тушит.

Не верится еще, что вот конец
Пришел всему: такое ль проносило?
Но вдруг запел в ограде бубенец —
И у Михайлы душу зазнобило:
Из стойла выведенный жеребец
Плясал в оправе пряжек и колец
В чужих руках,
Чужою сдержан силой.

Плясал, сияньем солнца окружен,
Из серой гальки высекая искры,
Ушами прядал и глазами рыскал.
Казалось, не сдержи Михайло стон,
Скажись хозяин,—
И рванется он
На голос, словно гончая на выстрел.

Михайло скжался, губы закусил,
Но стон сдержал, и голоса не подал,
Лишь ласково Огрёне забасил:
— Огрёнушка! Твой сын, твоя порода...
В тебе — вся сила.
Родная, спаси!
Проси прощенья, милости проси...
Да не у этих — всех,
Не у народа,—

К нему пойди,
К ногам его пади.
Васютенька,— скажи,— в чем я повинна?
Да только на сторону отведи.
Где у тебя, мол, совесть, мол, у сына?
Не разоряй мол, Вася, пощади!

Ты вырос на моей, — скажи, — груди,
Ты сердца моего, мол, половина.

Али не чутт партийцы матерей?!

Али, скажи, не я тебя рожала?

Пойди, графинюшка моя, скорей... —

Огрёна, словно от удара, сжалась,
Взяла платок, — рука ее дрожала, —
И вышла в сени, не закрыв дверей.

* * *

В ограде сын и трое понятых,
У тарантаса, сгрудившись, возились,
Отряхивали от трухи и пыли
Скрипящие седелки, хомуты.
У граммофона — смех до хрипоты,
Здесь, во дворе, молчали и спешили.

Огрёна вышла на широкий двор,
Сморкаясь в серый скомканный передник.
Василий от волнения помедлил
Бросать работу, а потом в упор
Взглянул на мать.
— Что? Отойти за двор?
На разговор? Не нужен разговор!..
Тогда, смигнувшись, отошли соседи

И сразу стало слышно, как жует
Овца в хлеву, как друг у друга перья
Рвут петухи...
Василий все не верил,
Что мать лишь этим миром и живет,
Надеялся: она вдруг все поймет,
Махнет рукой на все,
И хлопнет дверью.

И не решаясь поглядеть опять
В глаза ее — как все теперь далеко! —
Он отвернулся, чтоб не зарыдать:
Вдруг стало жалко и себя и мать,

Но что еще ей, старенькой, сказать?
Сын ощутил, как с нею одинок он.

И все-таки родная дорога.
На плечи б кинуться,
Услышать: „Милый!“
Василий брови сдвинул через силу.
Как страшно видеть в матери врага!..

Огрёна грохнулась к его ногам
Врастяжку, как на свежую могилу.

Сын, отступив, позвал Петра, а сам,
Почти рыдая, скрылся — канул в омут.
Петр сел с Огрёной рядом на солому:
— Дурашливая! Шла бы снова к нам.
Чего тебе, — сказал он, — в этом доме?
Огрёна грязь растерла по щекам.
— Завидуешь, что не твои хоромы?!

Чужой те двор покоя не дает?
Глаза вам выело чужое счастье?
Набросились, обрадовались власти!..
— За счастье-то и поднялся народ.
Мы и тебе хотим, Огрёна, счастья. —

Но тут на двор окно раскрылось настежь —
Огрёна заспешила:
Муж зовет!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

У тальянки звонки планки,
Колокольчики — лишь тронь!
До полночи на гулянке
Заливается гармонь.

При погоде, непогоде
По отаве, по траве
За селом девчата ходят
С гармонистом во главе.

„Раньше были мы в неволе,
А теперь на волюшке,
Любо, девочки, работать
На колхозном полюшке.“

„Шла я, девушка, вдоль бережка,
Смотрели глазки вниз.
Все я думала про новую,
Про будущую жизнь.“

„Ты чего, товарка, ищешь
В вересовом кустике?
Ягодиночка-то учится
В Великом Устюге.“

„Мыловар переродился,
Запросился в наш колхоз,
Он на нищенке женился,—
Притворился кровосос!“

„Я иду, а трактор пашет,
Тракторист мне кепкой машет.
Я сказала: не маши,
Аккуратнее паши!“

„Я так топну!
И вот так топну!
Кулакам не будет ходу,
Все равно лопнут!“

Просыпаются леса,
Голубеют небеса,
Петухи хозяек будят —
Не стихают голоса.

Аграфене за ночь эту
Очи выела роса.

* * *

В хлеву ни свинки, ни щетинки нет,
Хлев опустел и опустело стойло,
А с ними вымер, опустел весь свет.

Огрёна утром поднялась чуть свет.
Кого кормить?
Кому сготовить пойло?

Кому с утра напарить, наболтать?
Нет силы к этой тишине привыкнуть.
От росных слез к земле рябины никнут.
Кого по теплой шее потрепать?
Кого приветить?
На кого прикрикнуть?

К чему теперь зарытый куль овса,
Распаренная в чугуне мякина?
Мертво.
Труха, да обод колеса,
Да куры, да собака у овина.
Наверно волк собаку искусал —
Кровавая на ребрах полоса...
Что с ней?
Огрёна обласкала пса
И в хлев впустила: все-таки скотина!

В ту ночь, забрав котомку и топор
И всё, что зарывалось у забора, —
Кой-что заранее спровадив в город, —
Михайло, замирая, словно вор,
Покинул свой опустошенный двор
И ночь укрыла беглеца, как вора.

Один ушел.
Теперь не до жены.
На что еще могла она сгодиться?
К другому надо берегу прибиться,
Зайти не с той, так с этой стороны.
Еще к народу можно примениться,
Но только новые ходы нужны.
Куда же с ней: жена не рукавица?

В сенях разгруженные сундуки
Стояли, словно лодки у причала.
Огрёна утром взвыла, закричала:
— Ограбили! Спасите, мужики! —

Но, осмотрев открытые замки,
Все поняла: „Ушел“—
И замолчала.

„Ушел. Куда?— Ни слова не сказал.
Как лапоть сбросил.
На кого покинул
Меня, свою христову половину?
Ушел и ничего не наказал.
Где были раньше у меня глаза?
Одна теперь, как сноп в пустом овине,“

Как голый камень в поле у межи,
Как веник, выброшенный на дорогу.
Не занесешь теперь к соседям ногу.
Податься ли к сыновнему порогу?
Иль снова мерзнуть под окном чужим,
В чужих чуланах спать?
А надо жить,
Доплакивать, домаливаться богу?..“

И Аграфёна стала собирать
Все, что осталось:
Самовар с полицами,
Горшки с шестка, тарелки, коробицы
С тряпьем, с железками, и под кровать.
Все забивала — может пригодится.

Приволокла из погреба конец
Половика, в подполье побывала,
Обшарила все уголки подвала—
Нашла топор, да ржавый бубенец.
Все разложила,
Все пересчитала,
Уселась на кровать и подконец
Заплакала: насобирала мало!

Два дня, две ночи бесновался пес:
На стену прыгал, аж стена дрожала,
Дверные доски изорвал в мочала.
Баб у колодца продирал до слез.
Огрёна ничего не замечала.

Разлегшись под вечер во всю длину
И глядя на навозную лепешку,
Он взвыл, как волки воют на луну,
Потом пустил кровавую слюну,
Затих, лежал, не подходил к окошку.

Не видела Огрёна ничего.
Спала, но с неразумными ногами.
Опять пришел Василий с мужиками.
— Где муж? — спросили, —
Как найти его? —
И снова к сердцу привалился камень,
Огрёна подняла истошный вой,
Забилась о простенок головой,
По лавке застучала кулаками.

— Вы извели!
Не от меня ушел!
Аль и его переписать хотели? —
И бросилась к коряжистой постели,
Загородила глиняный горшок:
— Умру! Уйдите! Мало вам еще?
Все подчистую взяли, все поели. —

Ей показалось, что у всех в глазах
Недоброд к ней что-то затаилось.
Она еще отчаянней забилась.
Впервые ощутив пред ними страх,
Все меньше плакала,
Все больше злилась.

„Валов все тут же...
Виши, глаза горят.
Во двор пошел зачем-то... ходит, шарит...
Он первый стал хохочать в амбаре:
Нет своего — в чужом порыться рад...“
Огрёна к сыну обратила взгляд:
— Васютенька! Куда теперь мне, старой?“

Одна ведь я...
Ты грудь мою сосал...
Оставь для матери хоть сруб да крышу.
Зачем Валов опять в ограду вышел,
Чего он ищет?

Вдруг рычанье пса
Из хлева донеслось, и голоса,
Визг с улицы и хохот ребятишек.

Огрёна бросилась к окну. Назад
Отпрянула: увидела Валова,—
Он в хлев *ваглядывал*,—
И, не сказав ни слова,
Метнулась из избы на голоса.
Василий не успел поднять глаза, —
Мать выпустила бешеного пса,
Растравленного, на Петра Валова.

— Усь! — закричала, — Усь! Души! Вот! Вот!
Чтоб домом нашим злыдню подавиться! —
Собака зарычала, как волчица,
Рванулась из распахнутых ворот,
Но не к Петру, а врезалась в народ
И начала кружить, оскалив рот,
Трепать и рвать ребят, как рукавицы.

Василий выскочил из дома:
— Бей! —
Кол на бегу рванул из палисада.
— Петр, за берданкой! Запереть ограды!..

Собака, взвизгнув, от избы к избе,
Распугивая кур и голубей,
С подскоком побежала вдоль посада.

А той порой Огрёна у себя,
В своих владениях распоряжалась:
Закрыла хлев, на лестницу вбежала
И, увидав испуганных ребят,

Набросилась на них, шипя, хрюня,
Кого к стене, кого к крыльцу прижала,

Кого хлестнула палкой по спине.

— Чтоб духом вашим здесь не пахло ныне!
Щенки! —

Всех выбросала из сеней,
Ломая ногти, влезла по стене
И молча заперлась на мезонине.

Собаку задержали за селом.
На тракторе бригада пар пахала.
Собака, морду опустив, бежала,
След заметая черным помелом, —
Через загоны к лесу напролом, —
Но, ткнувшись в трактор, очумело встала,
И тракторист ее пришиб колесом.

„Тут, значит, ров, а тут вот два куста. —
Рассказывал он после. —
Я — на склоне...
Сижу я, значит, на своем фордзоне
И вижу: выбежал кобель и встал.
Я наперво подумал — зайца гонит!
Но почему ж, мол, гнать-то перестал?
И весь в крови? И от земли хвоста
Поднять не может?
Нет, мол, неспроста!
Тут, значит, я его и урезонил“.

Василий с шомполкой наперевес
Бежал, когда его остановили:
— Василий Николаич, мы убили! —
Он пот смахнул и поглядел окрест
Так, словно не узнал знакомых мест,
Хоть и леса и пашни те же были.

По ветру из деревни донеслись
Пронзительные вопли и причёты.
Но он не сразу догадался — что там.

А там к колодцу бабы собрались,
Кляли Огрёну, поносили жизнь,
Ревели, что напрасно родились,
Попутно старые сводили счеты.

Одна кричала:

— Бабы, надо к ней
Самим итти, детишки-то ведь наши!
Гоните стерву из деревни взашей!—
Петр, как всегда, шутил:
— Шумней, шумней!—
И вдруг — всерьез:
— Учителю видней:
Огрёна, все-таки, ему мамаша...

Василий шел в село, с трудом дыша,
С трудом от пашни отдирая ноги.
Душила пыль, песок шагать мешал.
Вздохнет и ступит,
Постоит немного
И снова ступит, снова трудный шаг,
И снова шаг...
А сердце бьется так,
Что вздрагивает, кажется, дорога.

Он думал:

„Надо в город написать
Сегодня же. Наверно, маму вышлют...“
С колодца долетают голоса
И рев, но чудится — ее он слышит!
„Васютенька, ты грудь мою сосал...
Взгляни, рожоный мой, в мои глаза...
Оставь для матери хоть сруб да крышу“.

А ребятишки плачут. И опять
Решенье входит в мозг каленым клином:
Сейчас же надо мать арестовать,
Оставить, значит, родину предать.
Взять самому...
Но снова стонет мать:
„Васютенька, скажи, в чем я повинна?“

Не вместе ль милостыню собирать
Ходили мы? Ты хочешь жизнь отнять! —
Где совесть, Вася, у тебя, у сына?!"

В деревне, не заговорив ни с кем,
Прошел он улицей среди народа,
Где Петр колодезную черпал воду.
У девочки по розовой щеке
И по искуссанной до локотка руке
Стекала кровь и капала в колоду.

Василий резко голову поднял.
С ружьем в руках, он был теперь похожим
На воина, но сам он ощущал,
Что все еще дрожит холодной дрожью.
Он думал:
„Пес, который искусал
Детей, и вправду бешеный, быть может?“

Нас не осилив, наших матерей
Враги изводят. Но не сладить с нами.
Мы все равно не станем сиротами“.

И он распорядился, что б скорей
Везли ребят в больницу. У дверей
Ружье поставил.
Длинными шагами

К Михайловой ограде зашагал.
За ним Валов пошел, и старых двое...
Изба им показалась нежилою —
Какой-то трупный запах в ней стоял.
Огрёны не было.
Сошли в подвал.
В сарай... Во двор... Огрёны след пропал.
На сеновал вошли — и сеновал
Дохнул на них могильной тишиною.

„Ужель ушла?“
Василий по скобе
Влез на чердак, ногой тряпье откинул.

Вгляделся в сумрак и... оторопел...

Она висела, как мешок мякины,
Не шевелясь,
Лицом к печной трубе,
Спиной натруженной к родному сыну.

• * *

В избе под тяжестью пудовых ног
Со скрипом прогибались половицы.
Огрёну положили под божницу
И, отойдя, вздохнули — кто как мог.
Никто над прахом свечки не зажег,
И сухи были, и суровы лица.

На лавках, на полу, по всем углам
Валялись тряпки, битые стаканы,
Тарелки, полушалки, сарафаны...
Кому теперь он нужен, этот хлам?
Никто раскладывать по коробам
И надевать, носить его не станет.

Василий к матери щекой припал.
Все на него, на одного смотрели.
Так постояв, он перешел к постели,
Сел, сгорбившись, вздохнул.
И снова встал...
О чем он думает? Что скажет?
Вот он сжал,
Сдавил руками голову... Устал?
И словно сразу все помолодели,

Когда он, обмахнув ладонью лоб,
Спросил, отправлены ли в город дети,
И, попросив, чтоб сколотили гроб,
Сам к ним пошел.
На улицу.
На ветер.

С повети были сняты три доски.
Они давно готовые лежали.

Петр злился:

— Доски не Огрёну ждали!—
И так рубил, вздымаясь на носки,
Что щепки выше головы взлетали.

— Отбилась баба от людей. С тоски
И жизнь не в жизнь...
А мы не отстояли.
Давайте ж хоть скрошим по-людски.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты навсегда любима. Отзовись!
Поедем в Ухту, в старое Блуднovo,
Там в наше время что ни день — обнова,
Другие люди и другая жизнь.

Забыть ли, как на мой велосипед,
На рев рожка сбежалось полдеревни?
От удивленья чуть не плакал дед,
Крича, на крыши залетали певни...

Опять подростков, ребятишек всех
С утра катать по очереди будем,
Но вряд ли прежний вызовом успех:
В селе давно велосипед не чудо.

И патефон не чудо, ни бог весть...
Иголки, правда, есть еще не всюду, —
Хоть гвозди ставь, —
Но патефоны есть!
Сусеки новы — хлеб в амбара есть!
А был бы хлеб,
Иголки тоже будут.

Теперь в деревне не ложатся спать.
Уже свиваться начала капуста.
На сенокосе б снова побывать,
Сметать стог сена!.. Ячменя пожать,
Чтоб в пояснице чувствовалась усталы!

Шесть месяцев там крутятся снега,
Два — грязь стоит, к соседу нет прохода,
Перебираются по огородам.
Зато как оживает вся тайга,
Светлеют дни, медоточат луга,
Земля свежеет в середине года.

В родном краю все празднично опять.
От матери идут такие вести!
Но без тебя я стал бы тосковать.
Поедем вместе!
Будем снова вместе!

1937—1938
1946—1947
Блудово — Москва

СЛОВО ОХОТНИКА

Избушка охотничья той сродни,
Что где-то на курьих ножках стоит.
В избушке костер смолевой горит.
В тайге трудовые, страдные дни.
Под вечер вспыхнут в небе огни
И все принимает сказочный вид.

С густой темнотой сливается бор,
В лощинах разносится вой зверей.
Старик-лесовик тормошит костер.
Лежит на его коленях бобёр.
Старик устал,
А не хмурит бровей.

На лбу его гладкого места нет,
Как сетка на глобусе — сеть морщин.
Уже бороде его семьдесят лет,
Уже сыновья зовут его: дед! —
А все не горбат он,
Даже не сед,
Все видят летягу в хвое вершин.

Немало он взял на веку берлог,
Дорог проложил, загонял лисиц,
Немало из лесу волков приволок;
Он богом входит в медвежий лог —
Коряжист,
Угласт
И широколиц.

Портянки висят на еловом сукну,
У беличьих шкурок собака спит.
Старик сидит лицом к огоньку.
Он, как полагается лесовику,
Довольный удачей, с собой говорит:

„Добёр бобёр!
Хоронился — смех!..
Кого ж ты, милой, хотел провести?
А, знать, родовит. До чего блестит!
Заиндевел будто.
И что за мех!
Его дорогому другу не грех
Ко дню рождения поднести.

Добёр!
Поднести? Кому поднести?..

Меж нами есть большой человек —
С такими любая ноша легка.
Один у нас под ногами снег,
Одну пьем воду из светлых рек,
И жизни наши отныне вовек
В надежных и верных в его руках...“

Костер запылал, перестал дымить.
От жара старик мотнул головой,
Цыгарку свернул и начал курить.
Охотник умеет серьезным быть,
Он миру всему хотел говорить:
Не может мир не услышать его.

„Просторный, как ясное озеро, зал
Давно уже стал народу родным.
Кто Сталину руку пожать не мечтал?
Из нас один у него побывал,
А, кажется, все мы бывали с ним.

Там воздух и ширь для орлиных крыл,
Там своды не ниже полярных скал.
И там он с охотником здравицу пил.
Он с нашим товарищем так говорил,
Как будто и сам охотником был, —
Всю подноготную нашу знал.

„Хватает ли пороху?
Ладно ли бьют
Советские ружья — слабы? сильны?
Какие калибры больше нужны?
Меха — это золото: пуд на пуд.
Меха нужны.
Золотой ваш труд.
Меха, — говорил он, — броня для страны“.

И с той поры родная тайга,
Холодные звезды над чадной избой,
Ночевки в сузёмах,
Костры в логах —
Все стало цениться втридорога:
Промокнешь насквозь —
Весь день на ногах,
Но знаешь, что он следит за тобой.“

Старик разложил бобра на столе,
Подул на него,
Серебро распушил.
Морщинки разгладились на челе:
Он видел, казалось, с кем говорил.

„Пусть будут, товарищ Сталин, ясны
И впредь Ваши дни,
И на много лет.
Земля нам дана, леса даны,
По-правде, теперь ничего для страны
Дороже здоровья Вашего нет.

Храните здоровье, отец родной!
Погодка бывает у нас лиха,

А Вы и осенью и зимой
Все в серой шинели,
Все в одной.
Ведь есть же доха!
На что же меха!

По нашей стуже,
По нашим ветрам
Все нужное северный лес дает.
Уважьте, товарищ Сталин, народ.
Взгляните, сколь на бобре серебра!
Носите, товарищ Сталин, бобра:
Тепло, и к шинели Вашей пойдет.

Теплы пимы с меховым чулком,
Легки на охоте за сохачем,
Подвяжешь к ремню витым пояском
И едешь в санях иль гонишь целиком:
Поземка, пурга — ничто нипочем.

В Москве одинаково — снег и пурга,
Гранитные плиты вдвойне холодны...
Зачем же в мороз ходить в сапогах,
Когда тепло уважает нога?
На что же валенки нам даны?

Отчаянней нашей не сыщешь зимы,
Сосульки, что колья, на бороде...
А кто видал, чтобы зябли мы?
Носите, товарищ Сталин, пимы —
Ноге в пимах, как рыбе в воде.

Еще об одном просили бы Вас.
В каких отдыкаете Вы краях?
Конечно, здесь — не Крым, не Кавказ...
Но реки! Но рощи! — отрада для глаз.
Природа есть и у нас своя.

Нет сказок равных нашим местам.
Зверья в лесу — умом не постичь...

Товарищ Сталин, на месяц бы к нам!
Здесь зайцы за нами идут по пятам,
На ствол ружья опускается дичь...“

Шумят вершины в лесу глухом.
Избушка в сугробах видна едва.
Тайга! Далеко отсюда Москва.
А думы и здесь об одном, — о нем,
И небо такое же, как над Кремлем...
Одним человеком земля жива.

Повсяло утром,
Шумит сузём,
И просыпаются тетерева.

1989

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Александр Яковлевич Попов-Яшин родился 14 марта 1913 года в деревне Блудново (ныне колхоз „Красный Пахарь“) Никольского района Вологодской области. Отец его погиб в первый год империалистической войны. Девяти лет, по окончании трех классов сельской школы, А. Яшин, вопреки воле отчима, не желавшего отпускать из дома подрастающего работника, ушел учиться в город Никольск, где был принят в школу детдома.

Окончив Никольский педагогический техникум, поэт работал учителем в Чебсарском районе. В 1932 году в Вологодском пединституте сдал экзамены на звание преподавателя литературы и языка неполной средней школы. В 1932—1933 гг. работал председателем Вологодского оргкомитета Союза советских писателей. Одновременно был сотрудником вологодской газеты „Красный Север“ и редактировал радиогазету. В 1933 году А. Я. Яшин переводится в Архангельское отделение Союза советских писателей. Здесь он состоит членом редколлегии журнала „Звезда Севера“, печатается в архангельских газетах, активно работает в комсомоле. В 1935 году переезжает в Москву, где оканчивает литературный институт имени Горького. В ряды ВКП(б) вступил в 1940 году.

Писать стихи Александр Яшин начал с детства. Большое влияние на него в этом направлении оказала бабушка Авдотья Павловна Попова, неграмотная крестьянка, но замечательная сказочница и бывалый человек. Первые печатные стихотворения Яшина относятся к 1928—1929 гг. Они появились в районной газете „Никольский Коммунар“ и в газетах Великого Устюга „Ленинская смена“ и „Советская мысль“.

Начало сознательного творчества поэта связано с его участием в коллективизации северной деревни, что и опре-

делало, в основном, тематику всей его последующей работы. Уже первые, появившиеся в московской печати стихи и поэмы Александра Яшина, обратили на себя внимание основательным знакомством поэта с родным ему севером, ясным ощущением великих социалистических преобразований, совершающихся в жизни, в быту, в душе русского крестьянина и прекрасным знанием богатого разговорного языка северной колхозной деревни. В формальном отношении А. Яшин является представителем той группы советских поэтов, которая продолжает и совершенствует самобытные черты русской национальной поэзии.

Первая книжка стихов А. Яшина — „Песни северу“ вышла в Архангельске в 1934 году. Вторая книга стихов — „Северянка“ издана в Москве Гослитиздатом в 1938 году. В 1939 году в журнале „Октябрь“ была напечатана повесть в стихах „Клад“ (по новому варианту — „Односельчане“) о партизанской борьбе с белогвардейцами и англо-американской интервенцией на Севере. В 1940 году Гослитиздат выпустил повесть в стихах „Мать“ (по новому варианту — „Мать и сын“). До настоящего времени поэтом напечатано двенадцать сборников стихов и поэм. Начиная с 1939 года он печатается в „Правде“.

С первых дней Отечественной войны А. Яшин был во флоте. Участвовал в боях за Ленинград и Сталинград в рядах морской пехоты Балтики и на кораблях Волжской военной флотилии. Писал стихи, очерки, рассказы. Имеет шесть правительственные наград.

Стихи военных лет, входившие в разные сборники („Красная Горка“, „На Балтике было“, „Город гнева“) объединены в книге „Земля богатырей“, которая в 1946 году получила премию ЦК ВЛКСМ по разделу лучших художественных произведений для молодежи.

В 1946 году А. Яшин напечатал книгу стихов о родном колхозе военных дней — „Земляки“. В 1947 году закончил работу над большой повестью в стихах о советской деревне — „После войны“.

Почти все стихи, включенные в настоящий сборник, автором значительно изменены. Коренным образом переработана повесть в стихах „Мать и сын“.

СОДЕРЖАНИЕ

Светь перед великой датой	3
-------------------------------------	---

ИЗ КНИГИ „СЕВЕРСЯНКА“

Слова-то красивого	7
Льнозавод	9
У ворот в цветах и лентах лошадь	11
Олёна	12
Мета	14
Шла я нынче заимкой	16
Вологда	17
Вологодское новогоднее	20
Чапаевцы	22
Снег	25
Первые письма	
1. Как целина в цветах весны	27
2. День ли, ночь ли	28
3. Ни покоя тебе, ни просто	29
4. Ласточка, от коршуна спасаясь	30
5. Пусть не пишешь	31
6. Шумит, деревья гнет гроза	32
7. Страшно оставаться одному	33
8. Никогда не поздно встретиться	34
Художник	35
Лишь вековые	37
Так начиналась молодость	38

ИЗ КНИГИ „НА БАЛТИКЕ ВЫЛО“

Вечно помнить будет народ	43
Призыв	44
Не позабыть мне первых схваток	46
Русские мы	48
Новички	50
Красная Горка	51
Сталин в землянке	53
Баллада о танке	55
Письмо брату-краснофлотцу	57
Остров	59

Лыжи	61
Тетерева	63
Товарищу по окопу	65
Поле	67
Снайпер	68
Землянка	70
Предатель	73
Старое поверье	75
Обстрел	77
„Не бомби ты меня“	78
С нами в бою.	
1. Семь суток ветер дул	80
2. Истосковались мы по книгам	81
Вспоминаю о тебе	82
Шинель	83

ИЗ КНИГИ „ГОРОД ГНЕВА“

Сталинградская девушка	87
Осень в Сталинграде	91
Батальон	92
Триста моряков	95
Бронекатера	97

ИЗ КНИГИ „ЗЕМЛЯ БОГАТЫРЕЙ“

I

Письмо с фронта	101
Бронепоезд „Гром“	103
Хищники	107
Крепок русский солдат	108
Это было на Волге	110
Атака	112
Контр-адмирал	114
Моряк	117
Истребитель	120
Флаг	122
Поле боя	124
Кровь	126
Волжанин	128
Ульяновск	130
Пленные в Сталинграде	132
Во фронтовом городе	133
Высота	135
Памяти брата	136
На станции	137

II

В походе	138
В Крыму	140

Над синим заливом	142
Лицо врага	144
Рассвет	146
Сила есть	147
В Новороссийске	149
Малая Земля	150
9 мая 1944 года	152
Весна по всем дорогам	154
Очень много солнечного света	156
Из записной книжки бойца	157
Канава	158
Шторм	160
Русский человек	161

III

Не умру	163
Присказки	165
Весенное	170
Невеста	172
Мы еще поговорим	174
Сватовство	176
Авдотьушка	180
Памяти бабушки	182
Никогда так низко не свисали	185
Зверолов	187
Заречная красавица	190
Телеграмма	192
Наша сила	194

ИЗ КНИГИ „ЗЕМЛЯКИ“

Деревня Блудново	199
Здесь орудийные раскаты	202
Раннее утро	203
Сорок первый год	205
Подростки	206
На сенокосе	208
Сосновая грива	210
Настасья	211
Чтобы враг сгинул	216
Зеркальце	219
Встреча	222
Хозяева	224
„Бабы“	226
Байка	228
Девушка затосковала	229
Письмо на фронт	230
Сосна	232
Осина	234
Детство большеглазое	235

Отпускник	237
Прогулки	239
Ночка лунная светла	240
Осень-красавица	241
Хмель	242
Беспроблемы лют дожди	244
Каждый год весна, как чудо	246
На осенних дорогах	247

из книги „живая вода“

I

И что из того, что уходят года	251
Что-то есть в тебе очень хорошее	252
Первая встреча	253
Если бы ты в реку упала	254
Вся — сказка ты	255
Речка и тропка	256
Назови меня именем светлым	258
Ночью в степи	259
Скрутит тебя любовь	260
Кому люба на южном берегу	261
Помани — и останусь навеки	262
Все расскажи	263
Поздней осенью	264
Печальна участь одинокого	265
Ожидание	266

II

Каждый день с обновами	267
Лисица	269
Опять не пришла	271
Опять о далекой милой	272
Я тебя не хочу встречать	273
Да, дни твои не будничны	274
В минуту гнева	275
Мне никогда тебя не простить	276
Звезда	277
Воспоминания	278

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В лётный день	283
Пуговка	284
Говорю вам, значит это было	287
Детство на Волге	290
Песочные часы	293

15 p. 50 x.